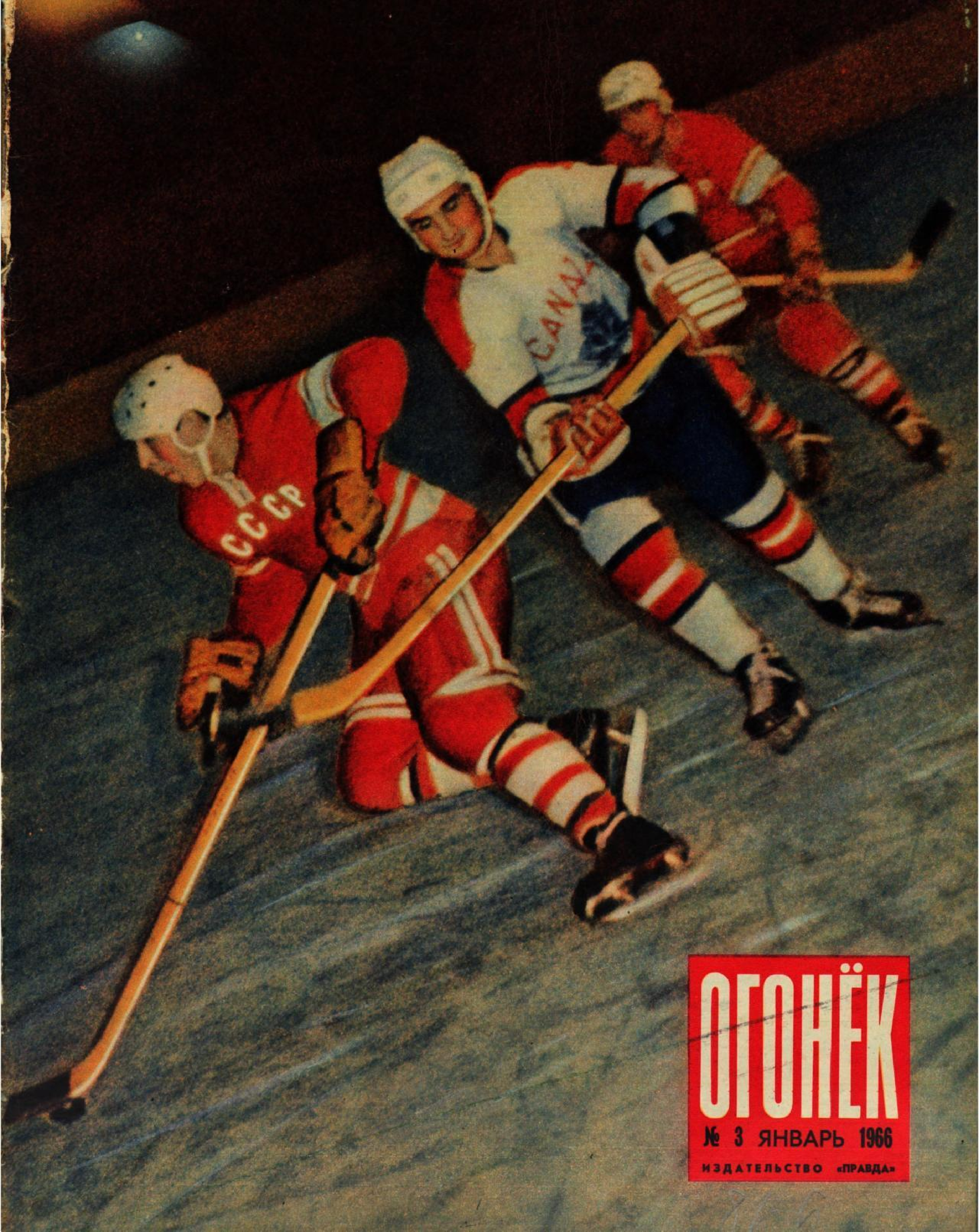
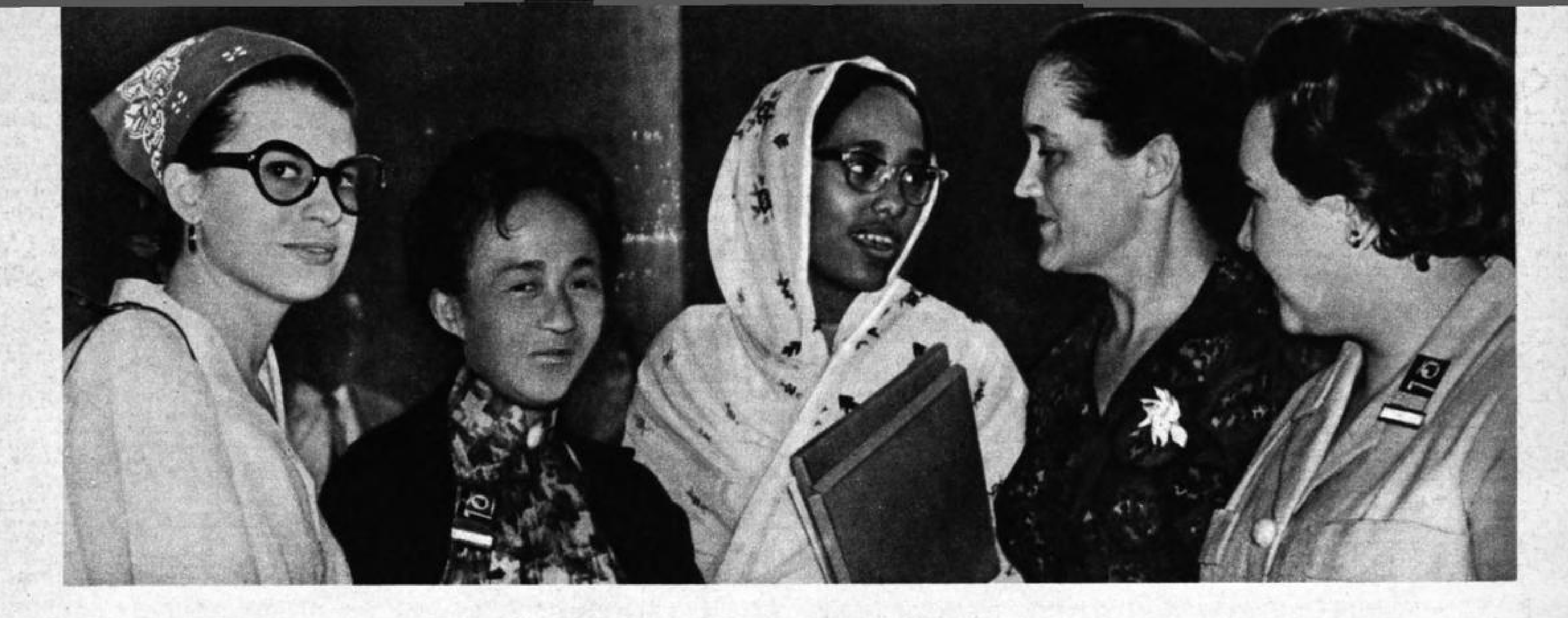
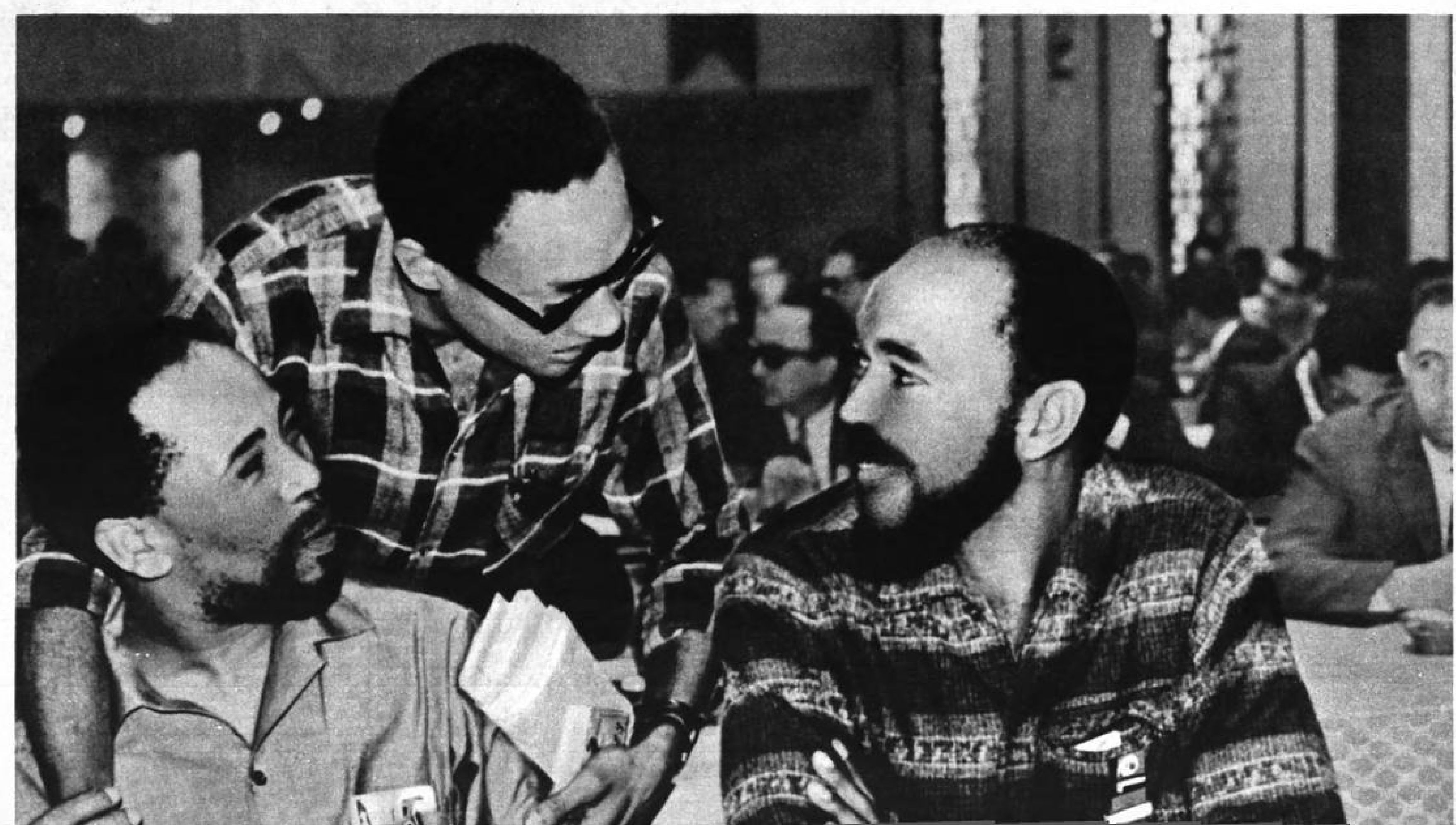

CANADA
СССР
ОГОНЁК
№ 3 ЯНВАРЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПУТЬ БОРЬБЫ И СОЛИДАРНОСТИ

А. СОФРОНОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото А. Стужина (ТАСС) и автора.

Во время работы конференции солидарности в Гаване происходило много событий, остававшихся как бы вне повестки дня, но с удивительной последовательностью показывавших неодолимое стремление народов трех континентов объединить усилия для того, чтобы достигнуть победы над империализмом и колониализмом. Казалось бы, в самом деле три континента и удалены друг от друга, и на каждом континенте страны и государства неоднородные; существуют еще естественные трудности во взаимоотношениях между отдельными государствами. В одном случае народы уже освободились от гнета эксплуататоров и прочно стали на социалистический путь; в другом — продолжаются поиски новых социальных дорог, в третьем — идет героическая вооруженная борьба внутри страны с теми, кто, предав национальные интересы, выполняет приказы империалистов, в четвертом — идет борьба иными политическими средствами, соответствующими сегодняшним возможностям в стране. Этот перечень, разумеется, не отражает всего многообразия форм антиимпериалистической и антиколониальной борьбы. Но сущность от этого не меняется. Именно здесь, в Гаване, на Первой конференции солидарности сливаются эти мощные потоки в одно общее желание — объединиться для завоевания окончательной победы. Один из ораторов с трибуны конференции сказал:

— Нас не отделить друг от друга никакому Атлантическому океану. Мы едины.

Глава индийской делегации Аруна Асаф Али говорила:

— Мы преодолели большое расстояние от Дели, чтобы оказаться в Гаване. Наша борьба имеет большой успех. Мы были рады, когда восемь лет назад борцы азиатской солидарности соединились с Африкой, создав афро-азиатское движение солидарности. Теперь мы получаем большое удовлетворение от того, что к нам присоединяются борцы за свободу и независимость Латинской Америки. Белые, черные, желтые — все мы должны быть едины.

Выступает делегат Лаоса:

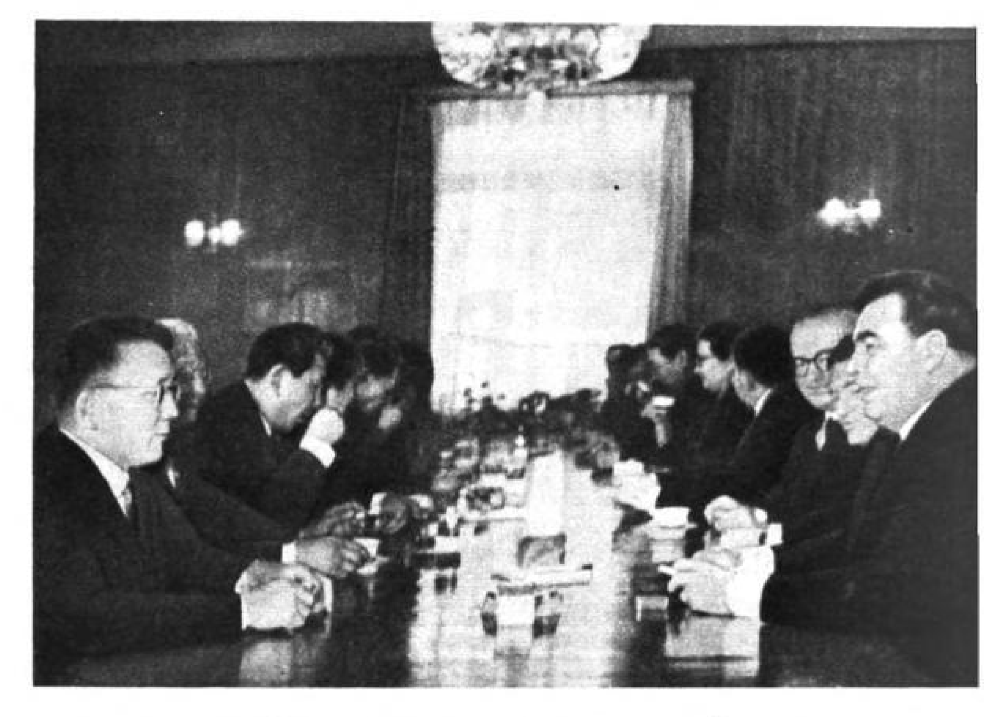
— Соединенные Штаты Америки хотят превратить нашу страну в плацдарм для наступления на героический Вьетнам. Американские вооруженные силы сжигают напалмом наши деревни, уничтожают плодородные поля. Они убивают мирных жителей. Они делают все для того, чтобы запугать, поставить на колени наш народ. Но это им не удалось до сих пор и не удастся никогда. Мы сражаемся с интервентами. Выводим из строя их солдат и офицеров. Мы захватили девять самолетов. Сбиваем их самолеты в воздухе. Мы хотим бороться до конца, и мы будем бороться до конца.

Делегат передал президиуму конференции национальный флаг Лаоса и обломок сбитого над Лаосом американского самолета. И это был не первый подобный подарок конференции. Зенитчики вооруженных сил Демократической Республики Вьетнам сделали такой же. Куски фюзеляжа сбитого ими американского самолета легли на стол президиума конференции.

...2 января делегаты конференции были приглашены на военный парад в честь семилетия Кубинской революции. На трибунах, у подножия памятника Хосе Марти, расположились посланцы трех континентов. Гавана ликовала. Десятки тысяч людей пришли сюда в этот солнечный, жаркий день. Кенийцы и парагвайцы, чилийцы и японцы, индийцы и посланцы Ганы — плотно, за рядом ряд заполнили делегаты каменные трибуны. Парад был недолгим, но что-то очень знакомое было во всей его атмосфере. Трибуны беспрерывно гремели аплодисментами, когда мимо них шли курсанты военных училищ. Неудержимое ликование прокатилось по трибунам, когда в

(Продолжение на стр. 4—5.)

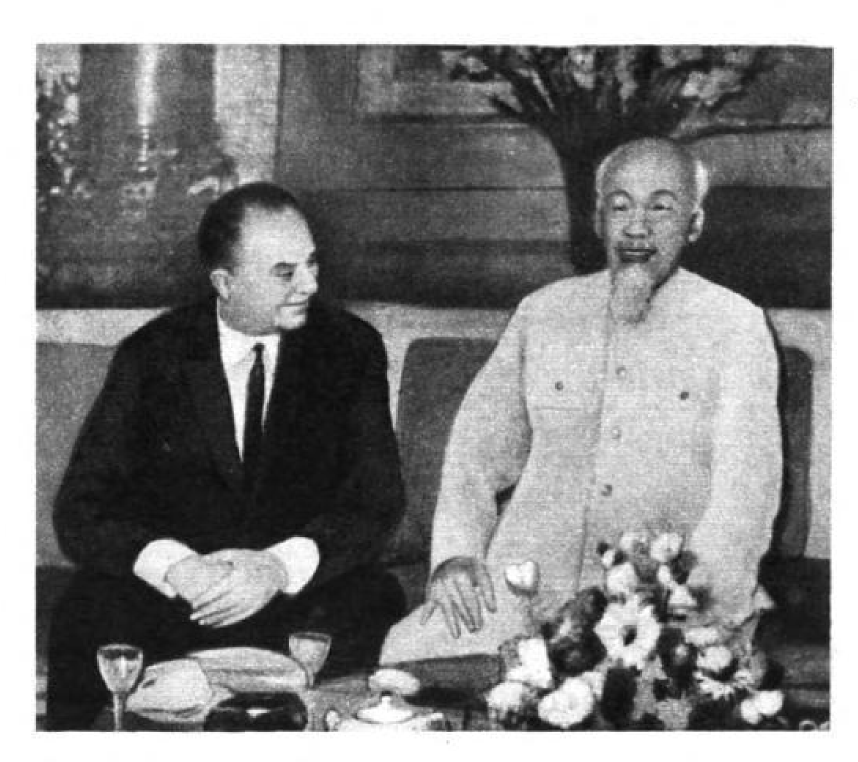
◀ **Посланцы трех континентов в Гаване.**

12 января в Улан-Батор с официальным визитом прибыла партийно-правительственная делегация СССР во главе с Первым секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

На снимке: во время визита Первому секретарю ЦК МНРП, Председателю Совета Министров МНР Ю. Цеденбалу.

Телефото **МОНЦАМЭ — ТАСС.**

Глава делегации Советского Союза в Демократической Республике Вьетнам, член Президиума, секретарь ЦК КПСС А. Н. Шелепин на приеме у Президента ДРВ Хо Ши Мина.

Фото ТАСС и ЮПИ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 3 (2012)

16 ЯНВАРЯ 1966

МИР ПОВТОРЯЕТ: Т

Генрих ГУРКОВ,
специальный корреспондент «Огонька».

Ташкент за одни сутки стал городом большого торжества и городом большой скорби.

Еще накануне десятки миллионов телезрителей смотрели передававшуюся Центральным телевидением, «Интервидением» и «Евровидением» церемонию подписания Ташкентской декларации, видели сердечное рукопожатие Лала Бахадура Шастри и Мохаммеда Айюб Хана. А на следующий день Президент Пакистана и Председатель Совета Министров СССР пронесли гроб с телом Шастри к самолету. Самолет этот полетел в Дели над территорией Пакистана. Журналисты слышали, как накануне вечером, на приеме, президент Пакистана предложил Лалу Бахадуру Шастри лететь на родину из Кабула (а туда собирался с визитом индийский руководитель) именно таким путем, через Пакистан, чтобы тем самым еще раз символически подтвердить дух и принципы Ташкентской декларации. Шастри, веселый, оживленный, охотно согласился с этим предложением. И его самолет полетел этим путем, над территорией Пакистана...

Неделю мир ждал новостей из Ташкента, со встречи лидеров Индии и Пакистана. Семь дней шли переговоры. Они не были легкими. Проблемы, которые обсуждались, возникли не месяц и не год назад. Семена раздора, посеянные колонизаторами, в прошлые времена не раз всходили кровавыми всходами. И сколько нужно было смелости и государственной мудрости проявить руководителям Индии и Пакистана, чтобы, приняв предложение Советского правительства, встретиться в Ташкенте, протянуть друг другу руки и начать общий поиск мирного и справедливого решения спорных вопросов!

Вероятно, напряженнее всего читали сообщения из Ташкента солдаты тех пакистанских и индийских воинских частей, которые еще недавно вели бои друг против друга, а сейчас стоят с оружием в руках на линии прекращения огня. И уж, конечно, семьи этих солдат. За добрый исход ташкентских переговоров молились и в мусульманских мечетях и в индуистских храмах. Хороших вестей из Ташкента ожидало все 600-миллионное население Индии и Пакистана.

Историческая Ташкентская декларация подписана.

Фото специального корреспондента «Огонька» Алексея Гостева.

АШКЕНТ!

Как известно, пресса на переговоры не допускалась. О происходящем журналистов информировали на вечерних «брифингах» — пресс-конференциях. Сообщения были лаконичными: «Переговоры продолжаются, есть известные трудности, но стороны прилагают усилия, чтобы добиться взаимоприемлемого решения».

На каждом «брифинге» пакистанские и индийские представители подчеркивали конструктивный, действенный и в высшей степени корректный характер добрых услуг, оказываемых на переговорах Председателем Совета Министров СССР и его коллегами.

«Температура» в журналистских кулуарах в дни ташкентской встречи была различной. После открытия, очень дружественного, даже самые неисправимые скептики отстукивали на телетайпах и передавали по телефону в свои редакции сообщения о том, что есть приметы сближения точек зрения. А потом вдруг представители некоторых западных газет и агентств в один голос заявили: «Всё. Ташкентская встреча зашла в тупик». Кое-кому не терпелось скомпрометировать саму идею ташкентских переговоров, помешать их успеху.

— Мы по-прежнему идем вперед, дюйм за дюймом,— говорил пакистанский представитель.

— Это похоже на восхождение альпинистов на гору,— обращался к журналистам посол Индии в СССР Т. Н. Кауль.— Чем ближе вершина, тем труднее каждый шаг. Однако восхождение продолжается.

Скептики (а может быть, здесь было бы точнее другое слово) кривили физиономии и поднимали вверх пальцы, задавая новые и новые вопросы:

— Сэр! А вот ваш индийский (или соответственно пакистанский) коллега сказал, что...

И вновь, в сотый раз, подчеркивались, всячески раздувались спорные проблемы.

Но победило то, что в журналистской среде все чаще стали называть «духом Ташкента». Победило стремление руководителей Индии и Пакистана покончить с военным конфликтом, нормализовать отношения между своими странами, заложить реальные основы для создания условий мира в этом районе Азии.

4 января, в 16 часов по ташкентскому времени, в Доме правительства Узбекской ССР, за большим круглым столом с табличками «Индия», «Пакистан», «СССР», состоялось официальное открытие переговоров. 10 января, тоже в 16 часов, за тем же столом началась торжественная церемония подписания Ташкентской декларации. И вот он подписан, этот важный политический документ, знаменующий новый этап в развитии отношений между двумя великими азиатскими державами,— документ, который войдет в историю современных международных отношений как победа доброй воли и разума.

«Премьер-Министр Индии и Президент Пакистана, встретившись в Ташкенте и обсудив существующие отношения между Индией и Пакистаном, настоящим заявляют о своей твердой решимости восстановить нормальные и мирные отношения между своими странами и содействовать взаимопониманию и дружественным отношениям между их народами»,— слушал зал слова декларации.

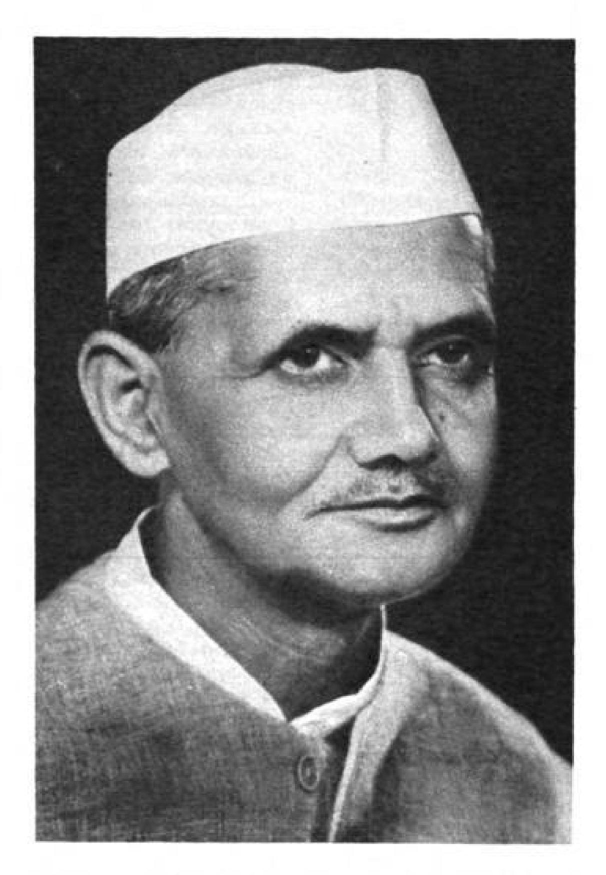
Отказ от применения силы. Решение споров мирными средствами. Отвод вооруженного персонала и соблюдение условий прекращения огня. Невмешательство во внутренние дела друг друга. Восстановление дипломатических, экономических и торговых связей, коммуникаций и культурного обмена между Индией и Пакистаном. Репатриация военнопленных. Создание совместных индийско-пакистанских органов...

Мир и сотрудничество — вот что такое историческая Ташкентская декларация. И ее услышал весь мир. В любой стране повторяют сегодня название этого советского города, в котором открыта новая, светлая страница индийско-пакистанских отношений.

Журналисты и фоторепортеры — люди, как правило, достаточно сдержанные. Но все или, вернее, почти все, кто был в зале, горячими аплодисментами встретили момент, когда Президент Пакистана и Премьер-Министр Индии поставили свои подписи под Ташкентской декларацией, а потом подошли друг к другу и взялись за руки...

Ташкентская декларация, выражаясь дипломатическим языком, составлена в двух альтернатах, имеющих одинаковую силу. Одну красную папку с текстом декларации увез с собой в Равалпинди Президент Айюб Хан. Другая — прибыла в Дели в том же самолете, что и гроб с телом Премьер-Министра Шастри. Это был последний и, может быть, самый важный документ, который он подписал в своей жизни...

Ташкент, по телефону.

ЛАЛ БАХАДУР ШАСТРИ

Узбекская столица готовилась проводить Премьер-Министра Индии Лала Бахадура Шастри и Президента Пакистана Мохаммеда Айюб Хана на родину. Люди как-то очень сердечно и тепло поздравляли друг друга с успешным завершением переговоров. То и дело у гостиницы «Ташкент» завязывались беседы между представителями прессы и горожанами. Индийских и пакистанских журналистов останавливали, жали руки, желали всего самого доброго в их работе.

«Мир, дружба!» — эти слова тысячи раз повторял Ташкент.

— Я много слышал о гостеприимстве и миролюбии вашего народа,— сказал нам пакистанский журналист Шейх Али Мохаммед,— а вот сегодня испытал эти добрые чувства на себе.— И, подняв над головой правую руку, засмеялся.— Тысячи рукопожатий увожу из Ташкента.

— Я не первый раз в Ташкенте,— сказал один из индийских журналистов.— Мне довелось быть на торжествах, посвященных сорокалетию Узбекистана. И сегодня я нахожу Ташкент столь же праздничным, как и в те памятные дни.

И хотя поздно затихли в этот вечер улицы города, как всегда, рано проснулся рабочий Ташкент. Спешили трамваи, автобусы и троллейбусы, шли вереницы рабочих.

В первой утренней передаче радио сообщило трагическую весть. И люди, которые от всей души радовались успеху переговоров, искренне и тяжело переживают горе индийского народа. Сотни тысяч горожан от самой резиденции Премьер-Министра и до аэровокзала живым коридором заполнили улицы, чтобы проводить в последний путь главу правительства Индии.

— Всего несколько дней назад он был у нас в институте,— тихо говорит девушка, и в глазах у нее слезы. Кажется, что ее негромкий голос слышит сейчас весь притихший Ташкент.— Шастри сказал нам: «Я приехал в Ташкент с единственной целью — мирно урегулировать проблемы, возникшие между Индией и Пакистаном. Глядя на меня, вы можете легко убедиться, что я человек далеко не воинственный...»

Кто-то вспоминает о первом приезде Премьер-Министра в Ташкент в мае 1965 года. Тогда многие встречались и беседовали с ним.

— «Я ваш друг»,— это сказал он нам, текстильщицам,— говорит пожилая женщина.

Добрые дела бессмертны, и о них вспоминали ташкентцы, ожидая траурную процессию. Многие из тех, кто встречался с Шастри в Ташкенте, думали о нем как о простом, обаятельном человеке.

Вот одна деталь.

В мае 1965 года, посетив Ташкентский институт востоковедения, Премьер-Министр обещал при следующей встрече с работниками института подарить им ряд книг. Несмотря на свою крайнюю занятость во время переговоров, он выполнил обещание. Восьмого января Шастри вновь приехал к востоковедам и передал в дар институту труды Неру, альбом «Могольские миниатюры», изданный в Дели большой справочник «Индия 1965 г.» и свою визитную карточку с надписью: «С наилучшими пожеланиями. Премьер-Министр Индии Лал Бахадур Шастри».

...Медленно движется по улицам города траурный кортеж. За бронетранспортером, на орудийном лафете — гроб с прахом Лала Бахадура Шастри, покрытый национальным флагом; эскорт мотоциклистов, почетный караул. Минуты молчания. Тишина. Слышно только приглушенное дыхание сотен тысяч людей, мерный шум машин и шелест флагов с черными бантами. Так провожали ташкентцы славного сына великой Индии.

Ташкент, по телефону.

Юрий СБИТНЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

ПУТЬ БОРЬБЫ И СОЛИДАРНОСТИ

(Начало см. на стр. 1.)

синем небе на огромной скорости промчались истребители, взвились вертикальной свечкой сверхзвуковые самолеты. Делегат Уганды вскочил с места и, хлопая меня по плечу, закричал:

— Спасибо вам, товарищи! Спасибо от всех, кто борется с империализмом!

А мимо трибун, заволакивая их синими дымами, мягко катились зенитные пушки и «катюши», равняя на ходу строй, проходили пропыленные танки...

Чувство международной солидарности — это то, чем насыщен воздух Кубы. И не случайно здесь так популярен боевой гимн коммунистов всего мира — «Интернационал». Он прозвучал, как клятва, как присяга на площади Революции в Гаване, звучал на многих языках. Все вместе, взявшись за руки — Азия, Африка, Латинская Америка, Европа и Австралия,— пели «Интернационал» вслед за умолкнувшим громом боевой техники, покинувшей площадь.

И опять вспоминаются последние дни 1957 года в столице Египта — Каире. В зал заседаний Первой конференции солидарности народов Азии и Африки прибывали все новые и новые делегаты. Империалистическая пресса обливала конференцию и ее делегатов потоками грязи, предсказывала крах движения солидарности. Но все было напрасно. Со всех концов земли, минуя полицейские кордоны, пробивались делегаты в Каир. Помнится выступление делегата борющегося Алжира. Большие темные очки делали его лицо неузнаваемым: он должен был вернуться в Алжир, чтобы продолжать борьбу. В прошлом году я спросил одного алжирского друга: жив ли тот человек, выступавший в Каире?

— Нет, он погиб, сражаясь с колонизаторами.

На этой конференции люди выступают с открытыми лицами. Выступают с полным пониманием своей силы и укрепившейся за эти восемь лет международной солидарности. От имени всех португальских колоний в Африке выступил генеральный секретарь Африканской партии независимости посланец «португальской» Гвинеи Амилкар Кабрал. Он рассказывал о трудностях вооруженной борьбы, считая, что формы борьбы выбираются в зависимости от уровня сознания народа и создавшихся в данное время условий. «Мы взялись за оружие, потому что имеем поддержку африканских стран, стран социалистического лагеря. Мы ежедневно ощущаем эту поддержку. В нашем народе есть понимание необходимости такой борьбы. Мы не кричим, мы боремся».

Во время перерыва мы познакомились с делегатом из Анголы. Молодой, черноглазый, в пестрой рубашке навыпуск, он присматривался к каждому человеку, разговаривавшему с ним. Отвечал односложно, словно изучая собеседников, а потом вдруг заговорил:

— Я первый раз на такой конференции. Не привык к речам. Но друзьям хочется сказать. Здесь происходит очень большое событие. Я встретил в Гаване борцов за свободу из Венесуэлы и Конго, из Саудовской Аравии и Гватемалы. Я начинаю понимать, что нас очень много. Я чувствовал это и в лесах Анголы, но здесь, на Кубе, не только чувствую, но и вижу. Я первый раз в жизни вижу советских людей.

Здесь, в Гаване, члены советской делегации, что называется, нарасхват. Многие, очень многие делегаты хотят поговорить, обменяться мнениями, посоветоваться. Председатель Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, ветеран движения солидарности Мирзо Турсун-заде беседует и со старыми друзьями и с теми, кто впервые входит в это движение. Ему помогают в этом Латиф Максудов — представитель СССР в Постоянном секретариате афро-азиатской солидарности в Каире — и Дмитрий Долидзе — ответственный секретарь Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. Африканские и латиноамериканские делегатки приглашают на встречи Зулейху Гусейнову, Бижамал Рамазанову, Зинаиду Федорову. Секретарь ВЦСПС Камран Гусейнов часами беседует с профсоюзными деятелями Африки. Они хорошо знают друг друга. Писатели Расул Гамзатов и Чингиз Айтматов — желанные гости журналистов и литераторов Кубы. Общественные деятели Ф. А. Табеев и Д. П. Шевлягин заняты большой работой в комиссиях конференции.

Чувством большой гордости за нашу Родину, за Коммунистическую партию Советского Союза, за наш народ были наполнены наши сердца, когда мы увидели, с каким воодушевлением и одобрением встретили делегаты конференции речь главы советской делегации, кандидата в члены Президиума ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидова.

— Мы собрались в дни, когда международная обстановка резко обострилась,— говорил советский делегат,— в результате агрессивных действий империалистов. В Азии их разбойничья политика особенно наглядно проявилась в преступной, агрессивной войне США против героического народа Вьетнама. Советский народ решительно осуждает агрессию США. Он выражает свою солидарность с героической борьбой вьетнамского народа, оказывает и будет оказывать ему всяческую

Отель «Гавана Либре», где состоялась Первая конференция солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Глава советской делегации Ш. Р. Рашидов и глава делегации Кубы Османи Сьенфуэгос.

В кулуарах конференции.

помощь, в том числе поставками современных видов оружия и военной техники: самолетов, ракет, артиллерии и других средств.

Советская делегация предложила создать международный фонд помощи борющемуся народу Вьетнама, в который советские люди готовы внести свой весомый вклад.

...Кубинцы рассказывали нам, что в нескольких милях от берега, хорошо видимый в ясную погоду, стоит старый американский крейсер «Оксфорд», оборудованный самыми современными радарными установками. Если бы его радары могли увидеть зал конференции, лица делегатов и то, как принимаются речи борцов с империализмом и колониализмом, если бы они могли заглянуть в души этих простых и храбрых людей,— они бы увидели не только очертания Кубы, но и очертания трех великих континентов, где все шире разворачивается борьба за свободу и национальную независимость! Идут годы, годы борьбы и солидарности народов. Малые, порой скрытые от глаза ручейки впадают в бурные, полноводные реки — реки народного гнева, реки наполняют великий океан борьбы. И победа будет одержана! Наша победа!

Гавана. Январь 1966 года.

ПОРТРЕТ

Стенды Орловского краеведческого музея к 50-летию Советского государства и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина обогатились новым экспонатом: ленинским портретом в простой деревянной раме. Его отдал сюда на вечное хранение Иван Иванович Касицын.

У нового музейного экспоната интересная история.

...В маленькой книжечке полковника А. Карпова «Орловская битва» — вышла она из печати в 1943 году — помещена фотография. Знойный день. Улица, только что отбитая у гитлеровцев. Развернув знамя, шагают наши воины. А навстречу освободителям идет изможденный человек с портретом Ленина. Это был Иван Иванович Касицын, и нес он тот самый портрет, что представлен ныне в краеведческом музее.

...Жестокая болезнь обрушилась на Касицына в последний предвоенный год. Сказалось все: голодное детство, тяжкий труд на помещика, болотная жижа, в которой по пояс стоял он с винтовкой наперевес в империалистическую войну, ранение. Потом гражданская война, тиф...

Болезнь стремительно прогрессировала. И случилось так, что на операцию положили Касицына за несколько дней до захвата Орла фашистами. Санитарки едва успели унести его домой, как в больницу ворвались гитлеровцы.

Дома Касицын сразу же обратил внимание на портрет Ленина; в простой раме, портрет этот много-много лет висел на одном и том же месте. А что будет теперь? Нагрянут в дом фашисты и надругаются: сорвут, сожгут или истопчут. Касицын, завернув прочную раму с портретом в одеяло, спрятал под сеткой кровати...

Немцы и полицаи трижды врывались к нему в комнату с обыском, но вид у Касицына в ту пору был такой, что они с криком: «Тифус! Инфексион!» — поворачивали назад.

Когда 5 августа 1943 года за окном раздалось долгожданное «Наши пришли!», Касицын нашел в себе силы подняться, взять в руки портрет и выйти с ним на улицу.

— Тут всякий из воинов поворачивался к Ильичу, как на параде, и честь отдавал,— вспоминал Иван Иванович.

Я прошу Елену Ивановну — сестру Касицына — вынуть портрет из рамы. Рядом с подписью художника — дата, когда сделан рисунок: 1925 год.

У меня на столе «Журналист» № 10 — орган центрального бюро секции работников печати при Союзе работников полиграфической промышленности. Журнал за октябрь 1928 года. В корреспонденции под заголовком «Орловская эпопея» читаю: «Первое боевое крещение Касицын получил еще в 1922 году, когда он послал в «Орловскую правду» несколько писем о злоупотреблениях сотрудников местного уголовного розыска». Далее сообщается, что «агенты уголовного розыска... посадили зловредного корреспондента в тюрьму. Через два месяца дело Касицына было, разумеется, прекращено». Выйдя из тюрьмы, Касицын выступил с новыми разоблачениями и добился того, что виновные в злоупотреблениях понесли заслуженное наказание.

«Журналист» рассказывает о трудном и благородном пути рабоче-крестьянского корреспондента Ивана Ивановича Касицына, о том, как он непримиримо боролся с нарушителями советских законов, отстаивал через печать интересы народа.

Под половицей в железном ящичке Иван Иванович сберег в годы оккупации все дорогое его сердцу: свой мандат уполномоченного уисполкома на посевной кампании 1921 года, почетные грамоты разных лет, выданные ему, ударнику первых пятилеток, активисту оборонной работы; удостоверения делегата конференций рабочих и сельских корреспондентов; вырезки своих заметок из газет.

В послевоенные годы, уже тяжелобольной, Касицын остается верен дружбе с «Орловской правдой». Он неизменный участник ее рейдовых бригад.

Болезнь не сломила его. Он общителен, приветлив, живо интересуется всем происходящим в мире.

А. ЭВЕНТОВ

гор. Орел.

* * *

Остается добавить, что снимок, о котором идет речь в репортаже, сделан нашим корреспондентом О. Б. Кноррингом, бывшим военным фоторепортером газеты «Красная звезда». Он вместе с передовыми частями вошел 5 августа 1943 года в город Орел и сфотографировал И. И. Касицына, встречавшего освободителей с портретом Владимира Ильича Ленина в руках.

●

ПЕРВЫЙ СЕЗОН

Еще один театр — Актюбинский русский драматический — начал свой первый сезон.

В канун 48-й годовщины Октября был показан спектакль «Между ливнями» А. Штейна. Ожили на сцене незабываемые страницы первых героических лет революции; взволновала встреча с образом Владимира Ильича Ленина.

Спектакль «Между ливнями» решен как романтическая поэма о революции. Постановщик его — главный режиссер театра Б. Виноградов — успешно справился с довольно сложным материалом, проявил себя изобретательным мастером.

Труппа молода: большинству актеров едва перевалило за двадцать. Среди них воспитанница Бакинского театрального училища Ольга Богданова. Правдиво и эмоционально играет она трудную роль Таты Нерадовой. С первого появления привлекает внимание и Михаил Омельницкий (Гуща). Один из центральных образов в пьесе — коммунист Позднышев; актер Л. Кадров хорошо раскрывает его сложный внутренний мир.

Театр живет напряженной творческой жизнью.

«Поиски и поиски,— говорит Б. Виноградов.— Главное для театра — быть современным, найти свое лицо, свое отношение к материалу, раскрыть его современными средствами и донести до зрителя. Мы продолжаем работу над репертуаром. Большой интерес для нас представляет замечательное литературное богатство классиков казахской литературы».

И. БОГОРАД

Сцена из спектакля «Между ливнями». В роли В. И. Ленина — артист Б. Ханутин. Позднышев — Л. Кадров.
Фото Д. Карачуна.

●

В 1-м номере «Огонька» был опубликован репортаж по заявке полярников дрейфующей станции «СП-13». «Бюро услуг — бюро информации» («Ву-бн») «Огонька» выполнило первый заказ. Это был фоторассказ о семьях полярников. И вот в адрес «Огонька» приходит сразу несколько радиограмм.

Первая — от начальника «СП-13» Владимира Федоровича Дубовцева: «Коллектив дрейфующей станции «СП-13» поздравляет огоньковцев с Новым годом, желает больших успехов в работе, хорошего здоровья и счастья в личной жизни. Фотографии явились для всего коллектива неожиданным приятным сюрпризом. Получили четвертого января. Благодарим за внимание и добрые пожелания. Дубовцев».

Вторая: «Большущее спасибо. Получили приятный неожиданный фоторепортаж о наших семьях. Врач «СП-13» Данилевский».

Олег Дмитриевич Дубко на фотографии впервые увидел сыновей-близнецов и тут же послал радиограмму жене Ирине Викторовне:

«Вчера совершенно неожиданно получил от «Огонька» ваши прелестные фотографии. Мальчишки совсем большие, чудесно выглядят. Обязательно купи 1-й номер «Огонька». Очень приятно получать подобные весточки с Большой Земли».

Фотографии репортажа были доставлены на льдину самолетом подразделения М. М. Шляхового. «Огонек» выражает благодарность всем, кто принял горячее участие в доставке редакционного пакета на дрейфующую станцию «СП-13».

АВТОДРОМ: АВТОМОБИЛЬ В МЕШКЕ, ПОДМОСКОВНЫЕ КАРАКУМЫ, АТАКУЮТ ЛОСИ

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

На повороте заснеженной дороги машину резко занесло. Почти не погасив скорости, она ткнулась в брус ограждения. Но аварии не произошло: брус с треском разлетелся в куски, а отлетевшая, как мячик, машина не получила даже вмятины, лишь бампер оказался слегка ободранным. Такой экзамен выдержал сверх программы стеклопластиковый кузов микроавтобуса «Старт». Случилось это на Центральном автополигоне Научно-исследовательского автомобильного и автомоторного института.

Собственно, полигон еще строится, но подмосковный лес, где он расположен, уже наполнен шумом моторов: идет опробование готовых участков дорог.

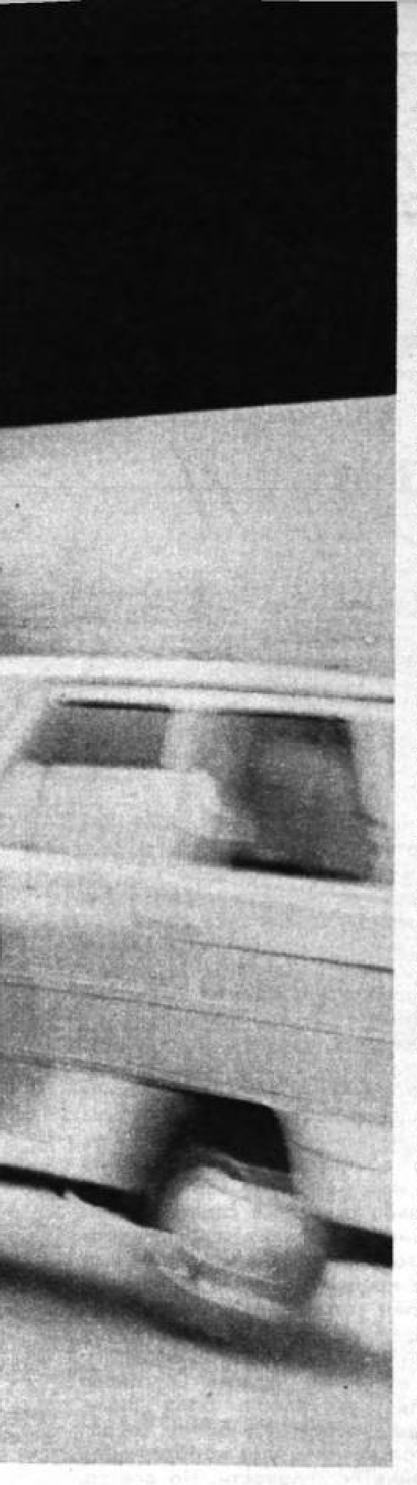
...Через полчаса мне уже кажется, что внутренности мои перемешались. Мы едем по грунтовой дороге со старейшим испытателем Евгением Николаевичем Шуваловым.

— Чем хуже, тем лучше,— шутит он.— Здесь машины будут проверяться на прочность и проходимость; увидим, как ведет себя подвеска, выявим слабые детали и узлы. За каждым узлом следит специальный прибор, ничего не упустит. А на такой дороге машина не сможет спрятать от нас ни одной болезни.

На испытательном полигоне для машин создаются все неудобства. Так сказать, полный комплекс шоферских бед на все случаи жизни. Это очень важно. Полигон позволит в три-четыре раза сократить сроки доводки машин, а доводка обычно занимает больше времени, чем проектирование и

Налево поедешь — разверзнутся хляби земные.

постройка опытного образца. Пока начнется массовое производство, глядишь — машина устарела. Полигон строится для того, чтобы выиграть время, отвоевать у автомобильной старости несколько месяцев. И еще для того, чтобы не было недоразумений на конвейере.

— Ну ладно, теперь давайте потрясемся на иной манер.— Шувалов перегоняет машину на другую дорогу.— Обратите внимание: правая сторона полотна у нас сейчас — обыкновенная «булыга», а левая — волнистая, профилированная. На ней кидает посновательней. Следите за встречной машиной. Видите, как отлично у нее работает ходовая часть?

Смотрю, и моя душа автолюбителя кровью обливается — не дорога, а вибростенд!

— Я же говорил: чем хуже, тем лучше. Мы ведь можем взять у завода новый автомобиль, а дней через десять вернуть его «в мешке». Такое «варварство» оправданно: пусть одна машина пожертвует своей жизнью ради крепкого здоровья других.

Сейчас на полигоне строится несколько специальных дорог для прочностных испытаний: шашечная, бетонная, волнистая — в шутку ее называют «стиральная доска» — и другие. Здесь тяжело придется машинам, зато легко — водителям. Параллельно специальным дорогам пролягут асфальтированные, по которым пойдут машины-контролеры с приборами, а испытуемые будут управляться автоматически, дистанционно.

...Между тем комплекс шоферских неудобств продолжает расширяться. Здесь и свои подмосковные каракумы и болотные топи. Корпус климатических испытаний раздвинет географические рамки страны. Когда полигон построят, автомобилю можно будет создать любые температурные условия — от экваториальных тропиков до Антарктиды.

Ну и, конечно, кроме технической стороны, не будет забыта и человеческая — изучение физиологии организма водителей при работе в различной дорожной обстановке. Это необходимо для отработки комфортабельности автомобилей, особенно грузовых, где шоферам нужно создать условия работы не хуже, чем в легковых.

...Теперь мы едем по широкой и прямой бетонной трассе, похожей на взлетную полосу аэродрома. Трассе, которая идет почему-то под уклон. Заканчивается она разворотной петлей, а внутри нее идеально ровная площадка.

— Здесь автомобилям предстоит сдавать экзамены на устойчивость,— рассказывает мой спутник.— Будем гонять машину по кругу, увеличивая скорость до тех пор, пока автомобиль не начнет опрокидываться. Впрочем, перевернуться ему не удастся: с внешней стороны установят страховочное опорное колесо. Правда, испытателю на такой карусели придется пережить несколько весьма неприятных минут, получится что-то вроде центрифуги...

В обратную сторону мы почему-то опять движемся под уклон. Ничего не понимаю.

— Это обман зрения,— объясняет Евгений Николаевич.— Дорога абсолютно ровная и прямая. Называется она динамометрической и должна быть совершенно плоской. На ней предстоит снимать такие характеристики, как топливная экономичность, эффективность работы тормозов, максимальная скорость, управляемость... Есть у нас для больших скоростей и еще одна дорога, у нее и название соответственное — скоростная. Вот мы как раз к ней подъезжаем. Взгляните-ка, как идет та машина — с полторы сотни километров выжимает. Разве это не красиво? Хотите на ней прокатиться? Сейчас круг обойдет, мы ее остановим. Всего несколько минут. Дорога эта кольцевая, но на ней есть длинные прямые участки. И знаете, что любопытно: часа через четыре после езды с большой скоростью прямые куски перестаешь замечать, в голове появляется ощущение сплошного круга.

Пересаживаюсь к молодому испытателю Николаю Морозову. Это высокий, плечистый парень, с сильными, уверенными руками, в которых рулевая баранка кажется совсем маленькой. Машина срывается с места, и сразу начинают мелькать березки за окном. К скорости быстро привыкаешь, и она нисколько не мешает беседе.

— Как попал в испытатели? Окончил курсы шоферов, потом пошел в армию. Отслужил, а теперь здесь. Проверили и взяли. Трудно ли? Всяко бывает. Березки вот эти даже во сне вижу, так намельтешат в глазах. Одно слово — скоростная... Рассчитана на езду до двухсот километров, а на ней, между прочим, уже двести один выжимали. Какие случаи интересные? Да особенного ничего не было. Вот разве лоси. Живут тут в лесу, так иногда через дорогу перебегают: видать, мы им тропу пересекли. Дважды меня ночью в оборот брали. Первый раз увидал лосиху слева на обочине, взял правее, а тут бык справа выскочил, сам, наверное, перепугался — уперся рожищами в бетон, аж скрежет пошел. Успел отвернуть, проскочил между ними впритирку. Но это, конечно, не проблема: к концу строительства лосей здесь не будет. При испытаниях автомобилей такие «интересные» случаи ни к чему. У нас и без того профессия не скучная...

Прямо поедешь — птицей полетишь.

Направо поедешь — душу вытрясет.

НОМЕР НЕ ПРОШЕЛ

Фельетон

Радушные хозяева пригласили гостей. Те пришли. Посидели, как водится, за столом, осмотрели дом, который им показывали.

— Вы уж там расскажите всем соседям,— недвусмысленно намекали хозяева,— как у нас славно, сытно и уютно. И вообще разъясните всем, какие мы хорошие.

Те вежливо кивали и при этом внимательно все рассматривали. Их серьезность обрадовала хозяев дома. Проводив гостей, они облегченно вздохнули и сказали с надеждой:

— Ну, эти не подведут! Не зря их приглашали. Теперь они всем расскажут, как у нас тут распрекрасно.

Но, вернувшись к себе домой, гости отозвались о хозяевах не очень лестно. Хозяева, естественно, обиделись. Казалось бы, их можно понять. Ведь они на самом деле любезно пригласили гостей, кормили и поили их и даже подарки раздавали, как на детской елке. Но дело в том, что в роли хозяев выступали американские военные власти в Южном Вьетнаме. А в роли гостей — группа японских журналистов, которых просили рассказать японским читателям о войне во Вьетнаме. И, разумеется, американские хозяева рассчитывали, что японские журналисты при этом будут петь с их голоса.

Номер не прошел. Американский журнал «Ньюсуик» с горечью свидетельствует, что японские журналисты в своих вьетнамских репортажах дали «наиболее сенсационные описания жестокостей, чинимых южновьетнамскими и американскими войсками в Южном Вьетнаме». А японский журналист Омари, которому удалось побывать и в Демократической Республике Вьетнам, написал о том, как американские бомбардировщики сметают с лица земли госпитали и дома, истребляют мирное население.

Репортажи из Вьетнама произвели большое впечатление на японскую общественность. (Между прочим, результаты массового опроса среди населения страны свидетельствуют о том, что семьдесят пять процентов японцев выступают против варварских налетов американской авиации на ДРВ.) Американский посол в Японии Эдвин Рейшауэр обрушил свой гнев на голову журналистов. Ему пришлось выступить в роли обиженного хозяина, надежды которого обманули неблагодарные гости. Ведь это он, Рейшауэр, известный специалист по Японии, был инициатором приглашения и возлагал на эту акцию большие надежды. Поэтому сегодня ему остается только клеветать на японских журналистов: «Вы поддались на пропаганду Ханоя! Это что за репортажи?!»

Помощник государственного секретаря по делам Дальнего Востока Уильям Банди тоже встал в позу обиженного хозяина и заявил: «Настроение японской общественности представляется нам опасным и неправильным».

Обида — плохой советчик. И вот уже незадачливые постановщики сорвавшегося пропагандистского трюка доходят до прямых оскорблений. Журнал «Ньюсуик» пишет, что возмущение японского народа политикой США можно сравнить «с поведением подростка, который вынужден быть в зависимости у своих родителей и негодует на них за это».

Видимо, «подросток» вырос. С каждым днем он все решительнее борется против политики войны, выступает в защиту своего национального достоинства. Тот же «Ньюсуик» вынужден констатировать: «Редкая неделя проходит без многотысячных антиамериканских демонстраций на улицах крупнейших японских городов». Это не бессильная досада «подростка». Это — зрелое и грозное выступление народа против насилия империализма.

В. НИКОЛАЕВ

Пленэр Сильвестра Щедрина

Д. САРАБЬЯНОВ

В понедельник 29 июля (по старому стилю) 1818 года Сильвестр Щедрин, сын скульптора Федоса Щедрина, прославленного автора кариатид петербургского Адмиралтейства, и племянник не менее известного петербургского пейзажиста Семена Щедрина, дождавшись попутного ветра, покинул Кронштадт на парусном судне.

Он плыл сначала в Германию, чтобы потом добраться до Италии, куда стекались в то время художники со всех концов мира. Щедрин был не один — с ним вместе отправлялись в это долгое странствие скульпторы Гальберг и Крылов, архитектор Глинка и живописец Сазонов. Все они ехали в Рим в качестве пенсионеров — так именовали художников, с успехом окончивших Академию художеств и посланных в Рим для усовершенствования мастерства.

В 1818 году Щедрин был уже не так молод — в те времена двадцатисемилетнего мужчину никто не рискнул бы назвать молодым. Академию он окончил давно — шесть лет назад. Но тогда шла война с французами; после войны не сразу наступило успокоение; к тому же у академии не было денег; поэтому лишь в 1818 году первые послевоенные пенсионеры академии смогли наконец начать свой долгий путь в эту Мекку всех художников мира.

Путь действительно был долгим. Морем до Свинемюнде (этот отрезок занял неделю). Затем сушей до Берлина, потом Дрезден, Прага, Вена, Триест, опять морем до Венеции и уж вслед за тем Рим. В Рим Щедрин и его попутчики прибыли лишь в октябре, успев устать от долгой дороги, претерпев не одну дорожную передрягу.

Рим всегда словно ждал паломников. Он привык к высокой роли законодателя художественных вкусов, привык внушать уважение не только к своим древним памятникам, но и к современным достопримечательностям. Итальянские и немецкие живописцы, работавшие в Риме, поражали приезжих своими большими картинами, написанными в строго классическом стиле.

Щедрин и его друзья посетили мастерскую известного итальянского скульптора Кановы, строгого и сухого живописца Камуччини, давно уже «осевшего» в Риме петербуржца Матвеева. Посетили и многие другие места, достойные внимания и всячески рекомендованные римскими старожилами. Обо всем этом написал Щедрин своим родственникам домой. Он воздержался от скороспелых суждений. Но вряд ли можно сомневаться в том, что к этим «раритетам» итальянской столицы русский живописец остался холоден.

Зато он с удовольствием описывал в своих остроумных посланиях открытую жизнь итальянцев, прекрасные зрелища карнавалов, быт простых рыбаков, уличных торговцев, забавные происшествия, случавшиеся с ним на улицах, в театре, в трактире.

Италия опьянила его красотой, солнцем, вечнозелеными деревьями, воздухом, уютными морскими бухтами, аллеями, увитыми виноградом, томной негой, словно охватывающей природу и людей этой прекрасной страны.

В то время многим русским Италия казалась землей обетованной. Вместе со Щедриным по улицам Рима прогуливался Батюшков, любуясь историческими памятниками и красотой города. Об Италии мечтал Пушкин; в этой стране подолгу живал Гоголь, запечатлевший увиденное в чудесном прозаическом отрывке «Рим»; там почти всю свою жизнь провел Иванов, долго жили Кипренский и Брюллов.

Щедрин прожил в Риме и Неаполе двенадцать лучших лет своей жизни; там он получил заслуженную славу, став всемирно известным живописцем; там он нашел свободу от казенной Петербургской академии.

В 1830 году там же его застигла болезнь и смерть...

В Петербурге Щедрин скорее был опытным и умелым учеником, чем открывателем. Он прекрасно усвоил все то, что завещал ему русский пейзаж XVIII столетия. В Петербурге он с успехом писал различные «виды» — «с Петровского острова в Петербург», «с Петровского острова на Тучков мост», «на Биржу с набережной Невы»... Щедрин был точен, строг и даже сух. Его пейзажи были рассчитаны и отмерены в соответствии с традиционной формой. Главный предмет внимания он помещал в глубине, композицию уравновешивал своеобразными кулисами, цветовую гамму строил на последовательной смене коричневых, зеленых, голубых тонов, для «отсчета пространства» в глубину помещал фигуры людей, которые имели лишь значение так называемого стаффажа. Так писали тогда почти все. Щедрин делал это более умело, чем другие. Но ничего нового он в пейзаже еще не открыл. Он не открыл для себя природу как повод для лирического переживания, он еще не увидел ее красоту.

В Италии Щедрин забыл о строгих правилах. Академия была теперь где-то далеко — три месяца езды, отделявшие Кронштадт от Рима, убедили его в этом. Можно было не оглядываться на старших, можно было теперь дать развернуться тому природному таланту пейзажиста, который всегда жил в нем, но был ограничен академическими рамками. С жаром взялся художник за изучение природы и архитектуры. Он начал писать этюды с натуры. «...Колисей мне заказал написать с себя портрет» — так сообщал он в одном из писем в Россию. Этот «портрет» Колизея нам известен — он хранится в Третьяковской галерее. Мастер внимательно отнесся к своей задаче: он точно изобразил старые стены знаменитого здания, словно прощупал их светом и тенью. Не подчиняясь теперь условным композиционным законам, живописец позволяет себе необыкновенную вольность: здание Колизея «не входит» в холст; Щедрин «отрезает» его половину. Его интересует теперь только натура, он хочет быть достоверным и правдивым.

Несколько лет ушло у Щедрина на изучение натуры. Он писал этюды, чаще всего знаменитые водопады в Тиволи, близ Рима. Повторяя один и тот же мотив, он с каждым разом все более совершенно передавал природу, достигая не только точности изображения скал, воды, растительности, но и впечатления воздушности. Но все то, что было доступно Щедрину в форме малой картины или этюда, не могло еще стать достоянием большой картины. Как только к ней обращался художник, он невольно возвращался к традиционным формам академического пейзажа.

Вся первая половина 20-х годов прошла в неустанных трудах. Щедрин сумел накопить за это время опыт в писании природы с натуры. Он ставит мольберт прямо в городе или на природе. А в мастерской художник, как говорил он сам, лишь «украшал» свои картины, то есть доводил их до конца. В полную меру этот опыт Щедрин смог реализовать в течение последних шести лет творчества.

С 1825 по 1830 год возникают «классические Щедрины». Именно тогда мастер овладевает окончательно сложными законами пленэра — живописи на открытом воздухе. Именно тогда его успехи становятся значительными, а имя живописца получает самую широкую известность.

Щедрин во второй половине 20-х годов обнаружил свойство пленэра, которому подчинялось далее развитие всей мировой пейзажной живописи. Многие итальянские пейзажисты начала XIX века, молодой француз Коро, в 20-х годах работавший в Италии, а затем ставший признанным главой французской пейзажной школы живописи, англичане, жившие на другом конце Европы, и из них самый смелый и талантливый, сын мельника из Суффолка — Констебл, наконец, наш Щедрин — все они почти одновременно открывали новые качества пейзажа. Преодолевая условность цвета, они писали полутонами, строя на холсте сложную гамму красок, близких друг другу. Живопись их наполнялась движением. Ее предметом становилась самая простая, неприкрашенная природа или повседневная жизнь города.

На этом новом пути европейского пейзажа важное место принадлежало Сильвестру Щедрину.

Переломной работой в его творчестве стала картина «Новый Рим», повторенная в нескольких вариантах. Щедрин изобразил берега Тибра, где идет обычная людская жизнь. Он не избрал в качестве главного предмета внимания какой-либо архитектурный памятник, как это любили делать художники-классицисты. Правда, перспективу уходящей вдаль реки замыкает на щедринской картине купол святого Петра, а неподалеку от зрителя, почти на первом плане справа, можно видеть замок святого Ангела. Но они интересуют художника не как свиде-

С. Щедрин. 1791—1830. НЕАПОЛЬ В ЛУННУЮ НОЧЬ.

ВИД СОРРЕНТО БЛИЗ НЕАПОЛЯ.

С. Щедрин. ВЕРАНДА, ОБВИТАЯ ВИНОГРАДОМ.

БОЛЬШАЯ ГАВАНЬ В СОРРЕНТО.

тельства исторического величия Рима, а как участники жизни современного города. Щедрина влечет теперь именно «новый Рим» с его повседневностью, которая сама по себе прекрасна, которая сама по себе, помимо всяких исторических мотивов, представляет ценность для живописца.

В утверждении этого нового взгляда на окружающий мир была большая победа Щедрина. Эта привязанность к простым явлениям обычной жизни повела за собой обогащение и одновременно очищение щедринской палитры. Новая художественная правда, которую открывал мастер, должна была воплотиться в цвете, в линиях, в ритмах, в композиции.

В «Новом Риме» Щедрин смело слил все планы в единое пространство. Он освоил его не только с помощью перспективы, не только с помощью композиционных линий, но прежде всего тонкими и сложными отношениями цветов.

Друг Щедрина скульптор Гальберг так описал разговор, происшедший у него со Щедриным в 1826 году: «Он выставил передо мною все того лета написанные им картины и просил откровенно сказать, нахожу ли я какую перемену в его манере. Я ответил: разница приметна и очень, вообще все краски серого тона холоднее, но более силы и более правды. Ну, слава богу, сказал он, насилу-то я выбрался из этих теплых тонов, о которых мне столько натолковали и о которых до сих пор толкуют господа любители».

Теплые коричневые тона были той самой традиционной условностью, с которой приходилось бороться Щедрину. В «Новом Риме» он уже «выбрался» из-под власти привычных академических приемов. Серые и серебристые цвета создают ощущение влаги, они словно трепещут под кистью художника, переливаются, колеблются. Эта вечная изменчивость цвета и создает ощущение живой жизни. Она будто течет перед вашими глазами, излучая сияние тихой красоты.

Через некоторое время Рим перестал удовлетворять Щедрина. Ему хотелось писать море, и он бо́льшую часть времени стал проводить в Неаполе. В первый раз Щедрин попал в этот город еще в 1819 году. Не жалея слов, он описал в своих письмах к родителям своеобразие неаполитанского быта, характеры жителей шумного города. Но теперь Неаполь привлек Щедрина своими окрестностями. Сорренто с его гаванями и гротами, остров Капри, Везувий, который однажды доставил Щедрину радость, выбросив из жерла столб дыма,— вот каковы теперь «любимые предметы» художника.

В многочисленных видах Сорренто Щедрин пишет море, окаймленное скалистыми берегами. Море всегда спокойно. Синяя вода тихо плещется о камни. Все подчинено в этих пейзажах тихой созерцательности. Но природа наполнена какой-то необычайно зрелой, великолепной красотой. Самое простое кажется в ней возвышенным. Она пьянит, рождает чувство удивления, восторга, преклонения.

Во всех этих картинах Щедрина изображены люди. Они нужны теперь художнику не для того, чтобы постигать пространство, не для того, чтобы заполнить первый план. Они живут вместе с природой, составляют с ней единое целое. Они возятся со своими сетями, плавают туда-сюда на своих лодчонках, отдыхают в тени или нежатся на солнце.

Композиции неаполитанских марин Щедрина всегда уравновешенны, замкнуты; объемы, располагающиеся в пространстве, прекрасно «зарифмованы». Свет льется спокойно; Щедрин не ищет эффектов, контрастов; свет в его картинах ласков; он несет в себе дыхание полуденного зноя, он словно наполняет зрелой сочностью все компоненты этого прекрасного мира — землю, воду, зелень. Цвет переливается сложными переходами, драгоценными соцветиями.

Образы природы, созданные Щедриным в Неаполе, выражают одну главную мысль — мысль о человеческом счастье, о красоте земного бытия.

Неаполитанские картины еще более упрочили успех Щедрина. За год до его смерти Неаполитанская академия присвоила тридцатишестилетнему русскому художнику звание своего почетного члена. Картины покупали приезжие русские, итальянцы, многочисленные иностранцы, путешествовавшие по Италии; некоторые щедринские полотна попали в Америку.

Щедрин повторял свои «Гавани». За «Гаванями» последовали «Гроты», за «Гротами» — «Веранды». Он не стоял на месте. Освоив тонкую пленэрную гамму серебристых и серых тонов, он захотел вновь вернуться к ярким и сильным краскам. Но это не было просто обращение к старому. Ведь в середине 20-х годов Щедрин уже овладел цветовым единством. Теперь он мог писать яркими красками, используя весь свой опыт пленэриста.

Наиболее полно эти новые интересы Щедрина проявились в его «Террасах» и «Верандах», особенно в «Веранде, обвитой виноградом», написанной в 1828 году. Теперь художник подчиняет композицию картины идее движения — смелой диагонали, уводящей глаз зрителя к дальним планам. За верандой открывается вид морского залива. Скалы замыкают бухту; ровной линией горизонта небо соединяется с водой. В далях у Щедрина продолжает царить покой. Но передний план подвижен, даже напряжен. Каменные столбы веранды и ветви винограда бросают густые тени. Солнечный свет выхватывает кое-где куски земли, камня или одежды людей. Красные пятна, сконцентрированные в середине холста, словно подготовлены теплыми коричневыми и желтыми тонами, распространившимися по всему полотну. В этих красных пятнах внутренняя энергия цвета находит полновесное выражение: красный загорается, передавая свое горение другим частям холста. Полуденная жаркая истома словно охватывает вас, когда вы смотрите на эту картину, до краев наполненную негой, как неаполитанские песни.

Под конец жизни у Щедрина усиливаются романтические настроения. Он выбирает для своих картин все более эффектные мотивы. Свет луны, яркое сияние солнца, поблескивающего на поверхности воды, костры на берегу залива — вот типичные темы, к которым теперь обращается Щедрин. Контрасты света и тени становятся у него все более резкими. Прежняя безмятежность щедринских пейзажей сменяется взволнованной тревожностью.

«Неаполь в лунную ночь» — одна из поздних композиций Щедрина. Здесь он оказывается на пороге новых решений. Но этим решениям не суждено было сбыться. Смерть пришла гораздо раньше.

В последних письмах художник все чаще писал о своем скором возвращении в Россию. Но домой он не вернулся. Его похоронили в Сорренто. Позже Гальберг поставил надгробный памятник на могиле своего друга.

Картины Щедрина не умерли со смертью их создателя. Открытия, сделанные художником, приумножились его последователями. Через четыре года после смерти Щедрина в Рим приехал Михаил Лебедев. Щедрин, открывавший природу в ее реальном, естественном бытии, стал для Лебедева лучшим путеводителем в его живописных исканиях. В конце 30-х годов в той же Италии великий Иванов начал работать над своими пейзажными этюдами — гениальными предвидениями будущего. Александр Иванов не был похож на Щедрина: он был героичен, монументален, грандиозен. Но то, что открывал Щедрин, Иванов не мог обойти стороной. В ивановских пейзажных откровениях есть доля участия Сильвестра Щедрина.

Щедрин продолжает жить сегодня, ибо ему удалось взглянуть на природу глазами человека, восхитившегося красотой мира, и воспеть эти вечные радости земли кистью подлинного мастера.

Георгий НИССКИЙ,
действительный член Академии художеств СССР

ПОЕДИНОК С ПРИРОДОЙ

С пейзажистом Сильвестром Щедриным мы не схожи ни в чем. Нас разделяют почти полтора столетия. Работал он в другой стране. Жил в других ритмах. Запечатлел настроения и состояния души, которые, казалось бы, мне, советскому художнику атомного XX века, далеки, как далеки те давно ушедшие времена. Но я люблю этого мастера, чувствую его своим собратом и товарищем. Созданные им картины рассказывают мне о его художнических интересах, заботах, волнениях — как он писал, чем тревожилось сердце, какие мысли приходили в голову, чего он искал и добивался, к чему стремился.

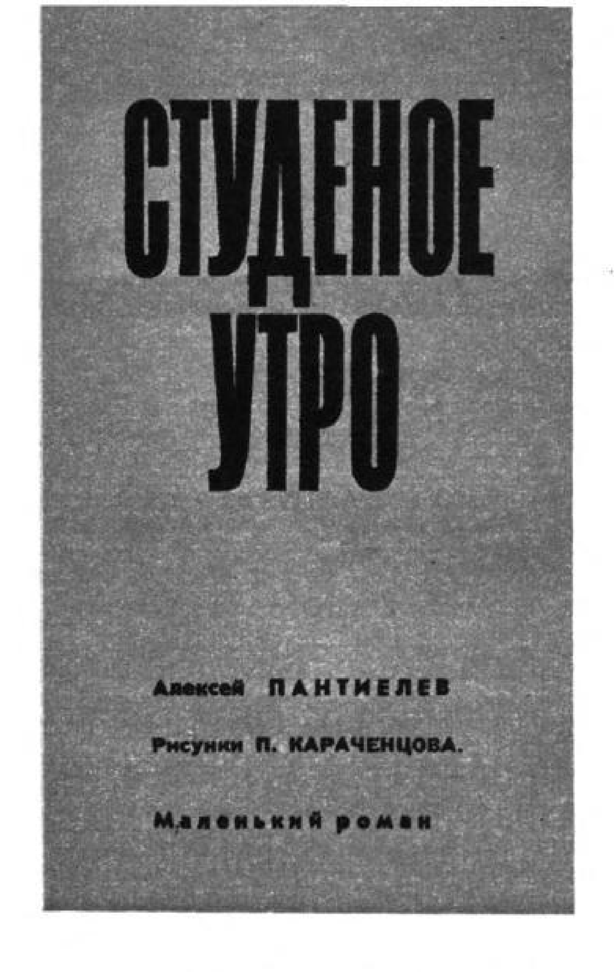
Полтора века назад осмелился выйти на поединок с природой Сильвестр Щедрин — первый из нас, русских пейзажистов. И выстоял в поединке с честью. За то искусствоведы и назвали его «основоположником реалистического пейзажа в русской живописи». После него пейзажисты России уже не могли довольствоваться отгороженной от мира атмосферой мастерских, не видеть живого воздуха и света, не стремиться передать их все правдивей, все ближе к жизни.

Я никогда не понимал нарочитости в искусстве, абстрагирования от натуры. Меня привлекает выражение реальности, ощущение живой плоти жизни. Поэтому я и люблю Сильвестра Щедрина за его искренность, умение видеть никем до него не увиденное, за взволнованность от встреч с природой, за влюбленность в то, что он изображал. Эти качества, создающие художника, невозможно ни подделать, ни притянуть силой, ни подменить самыми хитроумно выдуманными схемами... Живая натура у Сильвестра Щедрина вошла на полотно хозяйкой, а не «поводом» к написанию картины. Раньше всего ворвался туда живой воздух и превратил одинаковый золотисто-коричневый классический колорит картин в то, что мы, художники, называем световоздушной средой. А как она прихотлива, переменчива, капризна, всякий знает, кто хоть раз наблюдал за небом. Сильвестру Щедрину потребовались не только «теплые», но и «холодные», без примеси красного цвета тона. Засияли на этом ясном, прозрачном фоне локальные цвета — яркие одежды.

Оттого и мы с вами, через столько лет глядя на щедринские картины в зале Третьяковской галереи или Русского музея, ощущаем свежее дыхание Адриатики, томящий жар полуденной Италии. Для этого и стал Сильвестр Щедрин писать по-новому, современно. А не потому, что захотел выделиться или удивить, открыть неожиданный живописный фокус или позабавиться от нечего делать, повторяя один и тот же мотив. И мне думается, что и до сих пор ни в чем главном не переменилась эта благородная природа новаторства в искусстве.

Был Сильвестр Щедрин пейзажистом, и уж, конечно, такая драгоценная для нас «ландшафтная часть», как сам он ее называл, привлекала его особенно сильно. Но душа радуется, как сердечно, увлеченно писал Щедрин итальянских рыбаков. Были эти веселые, трудолюбивые люди для русского художника не просто «натурой». Среди них выбирал он друзей... Не раз думалось мне: ведь это рыбаки Италии научили его писать, понимать и любить море.

Все эти безмятежные, покойные, овеянные мечтательным, лирическим настроением заливы, гавани, запечатленные Щедриным, напоминают мне наш Крым, балаклавских рыбаков, с которыми сам я дружу.

Иноходец почувствовал ее состояние и снова завилял.

— Ну, ты... балуй, однако! — крикнула она, твердо посылая коня к перевалу и зло думая про Павлищева: «Так это ты руководишь Докутичами?»

На перевале подул сильный, порывистый ветер. Девушка заслонилась от него рукавом и обронила носовой платок. Он скользнул по гладкой поле пальто и упал под ноги коню промерзшим комком.

Конь остановился, потянулся к нему мордой, понюхал и шумно вздохнул, ожидая.

— Д-дура! Безрукая!..— выговорила она с сердцем.

Платочек батистовый, с кружевной каемкой. Такие на дороге не валяются... Он лежал у переднего правого копыта, далеко внизу, точно под обрывом. Слезть за ним? Но оттуда в седло нет возврата!

Всадница поспешно утерла нос обшлагом рукава и замычала от боли,— жесткий шов царапнул распухшие ноздри.

Иноходец послушал-послушал, как она пыхтит, свесившись боком с седла, распустил благодушно свои толстые мягкие губы и пошел вниз, с перевала. Платочек остался на дороге.

Фу, какая обида! Не потерять бы еще валенка с ноги...

Из-за хребта выглянуло солнце, пригрело горы. Небо заголубело, снег стал белей, леса зеленей, скалы выпуклей. Кругом чистота, простор. Куда ни глянешь — ясные дали. Высоко над скалами возникла и повисла неподвижно в воздухе, точно мазок тушью, длиннокрылая птица.

Девушка выпрямилась в седле. На время и нос у нее будто бы подсох. И на сердце стало немного легче.

«Маркел Ефимыч...— сказала она мысленно не то ему, не то себе.— Держись, милый Мырзя...»

Становилось теплей. Верховой перевальный ветер утих за спиной, за поворотом дороги. Конь осмотрительно сносил наездницу с крутизны. Теперь и он работал честно. Она любовно обняла его за шею и незаметно для себя тихонько запела, сперва не размыкая рта, без слов, потом громче и громче, сочиняя на ходу смешные, нелепые слова.

— Еду, еду, еду... Но не в пансион! Где ты, Карачаев? Погляди на нас...

А что? Чем плоха песня? А певица? Не хуже других!

Она долго смеялась своему простуженному, сиплому голосу, откидываясь в седле, и вдруг закричала с удовольствием, ото всей полноты души:

— Кара... кара... ча-ев... Я! тебя! люблю!

— Лю... лю... лю...— отозвалось эхо.

«Люблю,— подумала она.— Может, и люблю... А кому какое дело,—и люблю!»— И тут же закусила губу, представив себе, как корчилась на траве та бесстыжая из геологической партии от комариных укусов. Опять стало холодно.

Конь дернул за повод и побежал во весь мах. Кончики его ушей сблизились. Ноздри напряженно округлились. Девушка умолкла и прислушалась. И тут до нее донеслось непонятно откуда, словно из-под земли, глухое, отдаленное необъяснимое гудение.

Что такое? Шмели зимой спят. Река шумит не так — она шепелявит. Самолет? Откуда ему здесь взяться?

Иноходец бежал, цокая подкованными копытами, а гудение не ослабевало и не усиливалось, но теперь уши были полны только им. Тихий, плавный, волнистый гул.

Дорога округло изгибалась вправо. Над ней все круче и круче нависала источенная ветрами скала. Всадница приникла к гриве коня,— скала ложилась ей на плечи. Затем серая глыбища оборвалась отвесной шершавой стеной и осталась позади. Открылась обширная безлесая долина, покрытая свежим снегом. И сразу гудение обрело силу, разлилось от края до края, встало незримой пеленой до неба.

Колокола! Это колокольный звон... Вдали завиднелись искристо-белые крыши изб и приземистая бревенчатая церквушка с синими игрушечными луковичками куполов, не тронутыми снегом. Это она гудела.

— Какой сегодня праздник? — спросила себя девушка.— Мой! Престольный...— И лицо ее, кирпично-красное, обветренное морозом, засияло, а грудь наполнилась торжественным, возвышенным чувством.

«Кара.. кара... чаев...» — гудели колокола.

У крайних изб она сползла с коня, чтобы не срамиться на людях, размялась немного, высморкалась и пошла в село, ведя коня в поводу.

Гордая походка выдала ее тотчас. При таком коне и — пехом! Точно в горницу вступила...

Детишки повалили за ней шумливым, веселым конвоем. А улица размахнулась во всю долину, конца не видать. Приезжая улыбалась, но на губах ее лежала печать муки.

Зато в селе ее ждала нечаянная встреча. Павлищев собственной персоной!

— Иван Викентьевич... какими судьбами?

Он принял из ее рук повод. Улыбчиво прищурился, осматривая статного иноходца.

— На этом коне поездил и я. М-да-с... Великолепное животное!

Внезапная догадка блеснула в ее узких, растянутых к вискам, глазах. «Ты ездил на этом коне?..» Она отвела Павлищева в сторону, стараясь глядеть на него построже.

— Послушайте... Тут под перевалом есть лощинка в виде подковы, пихтовый лес... Вы можете мне сказать, зачем вы ездили туда? Хотите, покажу по карте?

Павлищев поднял мизинец к кончику носа и опустил, забыв почесать.

— Браво, браво,— сказал он вполголоса.— Н-непостижимо, как вы об этой штуке дознались. Но если вы скажете, кто меня... выдал, я отвечу на любые ваши вопросы.

— Скажу,— небрежно вымолвила она, сняв варежку и ласково касаясь покрытой инеем морды иноходца,— если вы меня поразите, как я вас поразила.

Павлищев пожевал толстыми, лошадиными губами.

— Слушаюсь, сударыня... Это я сделаю. Всенепременно.— Он кивнул, чтобы увели коня.— Наверно, вам будет интересно узнать, что Карачаев сейчас едет с целой свитой по вашим следам. В данный момент он, по вящей вероятности, беседует по душам с неки-им Любишкиным, вам известным!

Сердце у нее забилось.

— Это и должно меня поразить?

— О... минуточку терпения, отдохните с дороги...— ответил он любезно и зловеще.

Ей приготовили баню. Мылась она часа два, истратив бочку воды. Потом выпила ведро чаю. А ночью, на пуховой перине, ей приснилось, что Иван Викентьевич убивает из малокалиберки Карачаева. Убивает, будто бы приревновав ее к нему, на глазах у всех... Глупейший сон. Детские видения...

Утром Павлищев ждал ее. Сам заваривал чай.

— Вы желали посетить тайную молельню. Пойдемте, провожу.

Окончание. См. «Огонек» №№ 1 и 2.

Она не поверила.
— Вы серьезно?
— Вполне.
Солнце только что взошло над перевалом. Село казалось безлюдным. Колокола молчали. Необычно молчалив был и Павлищев.
По узкому поперечному проулку они вышли на задворки. Каменистая тропа с зеленоватыми пятнами расплесканной заледеневшей воды привела их к реке.
Сельские крыши скрылись за привалком, над его белым гребнем торчала одна луковица колокольни с шестиконечным, чуть покосившимся крестом. Река с кошачьим шипением катила по чистому скальному ложу, бледно-зеленая, прозрачная до дна. Ее шипение не замечалось. Тишина. Безмолвие.
— Отменная погодка,— сказал Павлищев, сдвинув одним пальцем беличью шапку на ухо.— Пахнет оттепелью. Хотите на ту сторону?
— Там молельня?
— Возможно.
Река огибала крутой выступ горы, тот берег был отвесный, но девушка кивнула, не колеблясь, лишь спросив глазами: «А как перейти?»
— По камушкам,— ответил Павлищев, в точности как Карачаев у Иртыша.— Как люди ходят...
Реку пересекала цепочка сухих, гладких, устойчивых камней.
Девушка прыгнула на первый камень, с него — на второй и остановилась, теряя равновесие, стараясь больше не глядеть на воду. Река, черная, как вар, неслась у ее ног с сокрушительной силой и уже не шипела — грохотала громово, оглушающе.
Голова кружилась. Широкий, плоский камень под ее ногами казался пиком высокой башни. Немыслимо было ни стоять на этом острие, ни пойти дальше, ни вернуться. Хотелось сесть и вцепиться в камень руками.
— Не шевелитесь,— сказал Павлищев.— Придется вас перенести. Вы разрешите?
Она не ответила. Он шагнул к ней раз, другой, и она ухватилась за отвороты его полушубка.
— Ой... простите!..
Он легко поднял ее на руки. Напрягая голос, сказал отчетливо:
— Ну-с, вот... дорогая моя... Бросить вас сейчас в воду — унесет, как щепу! Костей не соберете. И никто не заподозрит, не обвинит! Оступилась, и баста. Несчастный случай. Вполне натуральная вещь...
Но в руках Павлищева ей было покойно, небо и горы перестали качаться, и она засмеялась ему в лицо, крича сквозь гром реки:
— Что вы, что вы, Иван Викентьевич! И думать не могите... Вам нельзя. У вас такое прошлое... Погубите себя безвозвратно.
— Пожалуй... Вы правы,— сказал он, тоскливо озираясь.— Ну, тогда я с вами заодно... Это еще натуральней. Минутное дело. И нет никакого прошлого. Нет ничего.
— Подождите! — сдавленно выговорила девушка, вдруг почувствовав, что он способен сейчас на все: может убить ее и себя.
— Извольте, подожду,— сказал Павлищев, подумав, и понес ее через реку.
На другом берегу они сели рядом, под обрывом, на солнцепеке. Солнце било им в глаза. Камень, на котором они сидели, был тепел. Девушка чинно сложила руки на коленях, чтобы скрыть свой испуг.
— Выходит дело, я вас не поразил.
— Ну, Иван Викентьевич, это было бы так тривиально...
Он усмехнулся углом рта, сморщив половину лица.
— Я полагаю, нам с вами пора говорить напрямик.
— Я это делала и прежде...
— Товарищ Коренева,— спросил ее бухгалтер раздраженно и нетерпеливо,— вас подослало ко мне ОГПУ, не так ли?
Она сняла с головы платок и поправила волосы на затылке дрожащей рукой.
— Вот тебе и на! Вы находите, что я похожа на чекистку?
— Не знаю, не знаю... По-моему, лучшего выбора Чека не могла бы сделать. Вы прирожденная разведчица.
— С чего вы это взяли?
— Видите ли, там, в лощинке под перевалом, где пихтовый лес, уже ничего нет, но некогда было... Не бог весть что — маленькое оружейное депо. Один станковый, фирмы Виккерс, образца восемнадцатого года, плюс всякая мелочишка. Пулемет цел, закопан на ригаче у старшего Докутича, правда, без боезапаса.
— Что такое ригач? — негромко спросила она, со страхом глядя на реку, шипящую у ее ног.
— Я понимаю вас,— проговорил Павлищев после недолгого молчания,— понимаю... Держитесь вы артистично. И все-таки есть минуты и положения, когда, знаете ли, надо отвечать откровенностью на откровенность и на пользу делу открыть все карты!
У девушки язык приклеился к небу. Так с ней было однажды в детстве, на берегу Иртыша: отец дал ей подержать удочку в тот самый миг, когда наживу клюнул громадный сом; она увидела его в воде, черного, плоскомордого, похожего на обугленный конец бревна-топляка, и оцепенела, потому что знала,— если сом дернет, то утащит ее на середину реки, а выпустить уду из рук нельзя...
— Иван Викентьевич,— сказала она с неожиданной решимостью и даже со скрытым юмором, как бы признавая, что в самом деле сейчас лучше на открышку.— Возможно, я виновата перед вами и очень сожалею... а быть может, в душе и не так уж сожалею... Но если вы узнаете, как я разведала про лощинку под перевалом... Короче говоря, меня послали в командировку из школьного класса, в котором я учу детей арифметике и родному языку с тех пор, как мне стукнуло шестнадцать лет...
— Не мож-жет быть! — затрудненно выговорил Павлищев и прикрыл длинными пальцами рот, словно собираясь кашлянуть или зевнуть.— Нонсенс! Мальчики кровавые в очах... О старый осел!
— Это я дурочка,— сказала она с горестным и смешливым вздохом,— и, наверно, не стою того, чтобы меня топили... действительные тайные советники бандитских дел, как вас называет Карачаев. Выдал вас конь, на котором вы ездили туда, в депо...
Он протянул руку.
— Ущипните меня.
Она ущипнула, и он, глядя на руку, стал смеяться.
Но смеялся Павлищев странно-холодно и чересчур долго. На секунду он затихал и снова принимался трястись и давиться смехом, уткнув лицо в ладони.
— Что с вами?
Он ответил:
— Уби-ить вас ма-ха-ха-ло...
Она чуть не захохотала против своей воли.
— За что же? За то, что я не подослана к вам? Простая смертная...
Он утих наконец и внимательно посмотрел ей в переносицу.
— Скажите лучше, кому вы проболтаетесь про меня — любовнику... или первому милиционеру?
Она встала и выгнулась, точно ее хлестнули по спине.
— Вы... Павлищев... не распускайтесь!
У него сильно дернулась щека. Он тоже встал, прямой как столб.
— Вот эта манера мне больше нравится. Благодарю вас... По-видимому, я застрелюсь вскоре.— Он почесал ногтем нос.— А ригач — это место под ригой... Ну-с, теперь я сказал все. Пойдемте. Мне кажется, нас уже ждет Карачаев.
Он опять перенес ее по камушкам через поток и быстро пошел к селу впереди нее. Снег визгливо хрустел под его сапогами.
Она смотрела ему в спину с невольным холодком и тревогой: «Застрелюсь вскоре... Что это значит? Хорошее или плохое?» И ей было неприятно то, что она испытывала,— кажется, она жалела этого человека и опасалась за него, как за Мырзю...
Карачаев приехал на следующий день в легких городских санках и без «свиты».
С утра разыгралась погода. Вила снежные силки метель, со свистом хлестала белыми плетьми. Под полуденным небом — точно в темном, тесном сарае.
Голова у Карачаева была обвязана под шапкой. Сквозь марлю надо лбом проступало коричневое пятно. Глаза — жгуче-черные, страшные, словно загримированные недосыпанием.
Павлищеву он сказал, едва сойдя с саней:
— Здорово, бухгалтер! У старшего Докутича изъят станковый пулемет, английский. До того расстроился куркуль,— отстреливался! Двое наших ранено.
Павлищев поморщился.
— Даже пулемет! Скажите на милость!
— И вы... вы поскакали сюда с такой головой,— сдавленным голосом проговорила девушка, глядя с крыльца на окровавленную марлю, отдуваясь от колючего дыхания метели и забывая спросить, как собиралась со вчерашнего вечера: «Мырзя жив?»
— Это еще кто такой? — спросил Карачаев. Подошел и протянул ей руку.
Его ладонь показалась ей горячей, как свежеиспеченный хлеб. Он не выпускал ее руки, пока она сама не потянула ее, чтобы он вошел в избу. Это было их первое рукопожатие.
А войдя в избу, скидывая шубу и отряхивая пимы, Карачаев стал говорить учительнице арифметики без вступлений и околичностей, словно отчитываясь перед ней в чем-то заранее и всесторонне договоренном:
— Любишкин арестован. Поспел фруктик. Собирался улепетнуть в Синьцзян. Предлагал мне взятку золотом, шакал! Порядочно у него оказалось и монеты и камешков... Мырзя принят в партию.

— Уже! Так скоро?

— В самое времечко. Написал, между прочим, в заявлении черным по белому: «Прошу принять в ВКП(б), поскольку у них на ригаче закопанный пулемет». Чудо-парень. Вот, действительно, золото! На обратном пути заедем к нему, проведем выборы нового правления и председателя. Там вас ждут. И я согласен: Мырзя — как раз то, что нужно.

«Он согласен!» — с ликованием подумала девушка, пораженная тем, как Карачаев с ней говорил, и тем, что откровенно говорили его бесконечно усталые и горячие глаза: «Да, видишь, поскакал, раненный в голову, чтобы увидеть тебя поскорей, раз ты сделала все, что обещала...»

Ей было радостно и совестно, очень совестно слушать его и смотреть ему в глаза, потому что он еще ничего не знал, даже не подозревал о ее позоре, о том, что она безумно влюблена. Именно безумно, бессмысленно и беспричинно, с той самой минуты, как он ей нагрубил и высказал свое презрение, с той минуты, как это заметил Павлищев, вторую неделю подряд!

«Сперва обругал,— думала она.— Теперь примчался. То-то, милый мой... За мной, мальчик, не гонись!»

И лишь где-то поодаль, словно насупясь, маячила другая мысль, несчастная: «Застрелюсь вскоре».

— Так значит, Крестная? — спросил Карачаев, потирая себе лоб у края повязки.— Совсем окержачилась, комсомолка! Ну, рассказывай... сколько раз еще переходила Иртыш?

Он и не заметил, как перешел на «ты», а она порозовела от ощущения, что стала ему ближе. Это партийное «ты», оно их роднило.

Сев верхом на табуретку, она с комичными подробностями рассказала и показала в лицах, как воевала с иноходцем, умолчала только про вазелин...

Карачаев смеялся глазами и скулами, но так беззвучно-заливисто, что нельзя было спокойно смотреть на его лицо. «Не надо так... У вас разболится голова...» — молила она взглядом. Павлищев молча почесывал ногтем нос.

Ей было немыслимо хорошо, так хорошо, что впору разрыдаться. Это не могло кончиться благополучно.

Улучив минуту, она пошла в сени напиться.

Напилась, вынула из нагрудного кармана гимнастерки серебряные отцовские часы, послушала, как они звучно тикают, поцеловала и с силой стукнула их ребром по бревенчатой стене избы. Часы остановились. Она еще раз судорожно прижала их к губам и положила в карман.

Вернувшись в горницу, она с озабоченным видом протянула часы Карачаеву.

— Вы не посмотрите, что с ними стряслось?

— Как—что стряслось?—удивился он. У него был особый слух на механизмы, и он ясно слышал безупречное, гармоничное тиканье часов в кармане ее гимнастерки перед тем, как она пошла в сени.— Ты что, уронила их?

— Н-нет!

Тут же она поняла, что выдала себя с головой.

Лицо Карачаева потемнело. Черные пятна из-под глаз расплылись по скулам. И стало видно, как ему худо,—наверное, долгое было кровотечение из раны на голове.

Он сидел, она стояла, держа часы с открытой крышкой.

— У бухгалтера научилась,— сказал он ей скучливо, как говорил в Усть-Каменогорске.

И, не касаясь часов, пробежал глазами надпись, выгравированную на внутренней стороне верхней крышки: «Г-ну Кореневу Павлу Евгениевичу от коллег по Российскому Императорскому математическому о-ву в М-ве, 1913». Угрюмо покачал головой. А она покраснела так, что на носу у нее выступили капельки пота.

Вот она и показала, чего она стоит.

Павлищев смотрел на нее сочувственно...

С громким щелчком она закрыла крышку и пошла из избы с глаз долой, пореветь где-нибудь в темном углу.

Карачаев догнал ее в сенях, остановил, повернул к себе лицом и поднял перед собой, как куклу. Насупился и поцеловал ее сперва в одну, потом в другую щеку.

Судя по его сжатым губам, он был взбешен. Судя по глазам,— восхищен.

— Бывает, что и часам больно... поняла? Ось маятника сломана. Где ее теперь достанешь?

— Я больше не буду... поверьте,— ответила она и тоже потянулась губами и поцеловала его в небритую щеку.

Хотела коснуться пятна на его повязке, как вдруг он вскинул голову, прислушиваясь (что-то клацнуло металлическое), и кинулся в горницу огромными бесшумными прыжками, словно журавль перед тем, как взлететь.

Когда она вбежала следом, Карачаев и Павлищев стояли посреди горницы друг против друга, неподвижно, бурые от натуги. Карачаев держал Павлищева за запястья, и в правой полураскрытой ладони бухгалтера висел черный браунинг.

Браунинг висел на кончиках пальцев. Но она не разглядела этого и закричала:

— Иван Викентьевич! Сейчас же! Бросьте!

Павлищев выронил пистолет, и она ногой толкнула его под стол.

Карачаев отпустил бухгалтера, поднял браунинг. Павлищев грузно опустился на табуретку у стола.

Поглядывая на него, Карачаев вынул обойму. В ней был один патрон!

— Это для кого же вы приберегали... последний?

Девушка подошла к Павлищеву.

— Он хотел застрелиться.

— Ты знала об этом?

— Он мне сам сказал.

— Вон что! — Карачаев подбросил на ладони разряженный браунинг.— Спектаклик-то, оказывается, с репетицией. По всем правилам искусства.

Павлищев опять усмехнулся одной стороной лица. Правая кисть его была скрючена, как будто обнимала невидимый шар. Павлищев положил ее на стол. Сказал вяло:

— Непонятно, как вы справились левой рукой с моей правой...

— А я левша. Вы запамятовали?

— Ах, да-да-да...

«Неужели же это разыграно? — подумала девушка с неожиданным гневом.— Может, и пулемет на ригаче у старшего Докутича Павлищев выдал, уже зная, что пулемет нашли и взяли... Ах лиса! Значит, и отчаяние, и откровенность, и комплименты ей и Карачаеву — ложь, личина, как у Хлюбишкина?»

— Черт же вас побери! — сказала она, сжимая маленькие кулачки.

Павлищев брезгливо пожевал губами и сказал Карачаеву:

— Ну, так вот-с... У Колчака я не был. Тем более у Дутова или Унгерна, как вы изволите предполагать. И только вам, вам, Карачаев, я обязан идиотской репутацией головореза! Пусть я бывший, так сказать, старой веры, не отрицаю, но все-таки не пара Докутичам и уж отнюдь не комедиант... Я офицер, господа. Моя лошадь сломала спину, и этот единственный последний патрон — извините, мое неотъемлемое право.

Карачаев с недоумением посмотрел на девушку.

— Постойте, постойте,— сказал он,—это кому же вы говорите? Это перед ней вы распускаете хвост?

Павлищев злобно-раздраженно взглянул на Карачаева, на миг оскалив зубы.

— Да хотя бы и перед ней, сударь мой! Сего фортеля вам не понять... А меж тем ей вы мно-огим обязаны.

— Ага. Приятно слышать,— сказал Карачаев и сел против Павлищева, землисто-серый, без кровинки в лице.— А вы никогда не задумывались, господин офицер, кому вы о-обязаны тем, что так долго живете в здешних краях на свободе и разыгрываете вот эти свои спектакли? Вы никогда не слыхали, кто ручался головой, партийным билетом, что вы, бывший помещик и лошадиный идеолог, не поднимете оружия на Советскую власть... ручался, что в свое время придете с повинной и выдадите подпольные склады оружия и тех, кто его против нас поднимает? Об этих фортелях вы не подозреваете? Отвечайте!

— Те-те-те...— сказал Павлищев и погрозил Карачаеву двумя пальцами.— Это вы тоже для нее?

Карачаев утомленно оперся головой на ладонь, а Павлищев с шумом вскочил на ноги, отпихивая ногой табуретку.

— Не шутите, Карачаев! Это святые вещи.

— Надоел ты мне, бухгалтер,— медленно, тяжело выговорил Карачаев.— Тебе должно быть известно: подобного рода заступничество сейчас у нас не особо поощряется — кулаки-то вон что творят! Ну, в общем, надоел... Докутич со станковым пулеметом тебя утопит все равно. На «этот патрон» ты права не имеешь. Иди, открывайся сам, пока не поздно. Иди, пробил твой час.

— Ге-оргий Ге-оргиевич...— невнятно, потерянно пробормотал Павлищев.— Но... это же не согласуется... с вашей большевистской философией! Вы поплатитесь за меня...

Девушка вспыхнула.

— Что вы знаете о нашей философии? Как вы смеете судить!

— Погоди,—остановил ее Карачаев, пристально глядя на Павлищева.— Ну, чего ты еще хочешь? Говори.

— Георгий Георгиевич!.. И вы, милая девочка... Больше молчать не могу — невыносимо. К вашему сведению: я... дядя Ваня. Да, я! Тот самый, который сбежал в прошлом году на Черный Иртыш. Как видите, не сбежал... Остался здесь, на родной земле.

Карачаев пододвинул к себе браунинг.

— Враки!

— Нет, правда. Но повторяю: на моей совести ни одной загубленной души. Мои руки белы.

— Вот за это спа-сибо,— протяжно проговорил Карачаев.

— А на ком кровь — я покажу,— доба-

вил Павлищев, — если пробил мой час... если вам это нужно... Мне с Докутичами не по пути.

Девушка с гордостью смотрела на Карачаева.

«А я знала, я чувствовала все, все, все! Я все знала наперед еще в Усть-Каменогорске...» — думала она.

Ночевали впервые под одной крышей: Карачаев и Павлищев — у окон, в углах горницы, девушка — в глубине, за ситцевой занавеской. Когда задули лампу и горница осветилась лунными бликами, уснул один Карачаев. Он громко бредил. К полуночи луна зашла, стало совсем темно, и девушка решила, что Павлищев подозрительно тих. Она встала, натянула на себя бриджи и пошла к кровати Карачаева с разряженным браунингом в руке. Нащупала в изголовье табуретку и уселась, глядя в угол Павлищева. Печь напротив пышала жаром, но девушка дрожала всем телом — так боялась неспящего дядю Ваню...

Карачаев проснулся, едва она подошла, сказал хрипло:

— Не дури. У меня голова...

— Я буду тут... Простите, — сказала она.

Он поднял горячую руку и притянул ее голову к своему плечу. Сонно попросил:

— Убери эти...

Она вытащила шпильки, волосы рассыпались. Он взял их полной горстью и прижал к своему лицу. А она чуть не разрыдалась, вспомнив, как вела себя та отчаянная из геологической партии. И, чтобы он не сравнил ее с той женщиной, проговорила торопливо, положив ему на грудь руку с браунингом:

— Ваш друг сказал, что я его невеста.

— Какой друг? А!.. Он понимает, где золото, где руда.

Она улыбнулась, не шевеля губами, чтобы он не почувствовал, что она улыбается, и тотчас вскинула голову: Карачаев впал в забытье, он опять бредил. Она окликнула его, он не отозвался. Тогда она потихоньку влезла на кровать и легла рядом с ним поверх ватного одеяла. Приложила ладонь к его лбу под бинтом. Лоб был сух и горяч, бинт гладок и тверд от запекшейся крови.

Карачаев выговаривал невнятно:

— Вык... кырс... амб-блийск... флирма...

Она послушала и стала целовать его нежно, успокаивающе, как ребенка, в щеки и в колючий угол рта.

Карачаев очнулся, умолк, а она все целовала его в щеки, потом в глаза, не помня себя.

Он обнял ее железными руками, схватил за волосы, которые она откинула за спину. Ей было больно. Но она продолжала целовать его в глаза, только в глаза, запавшие от бессонных ночей.

Руки его ослабели. Он вздохнул, засыпая, и больше не просыпался и не бредил до утра.

Чуть забрезжило в окнах, она хотела уйти; он почувствовал это во сне и сжал в кулаках ее волосы.

— Спли, — пробормотал он. — Я те... разб... жу... — и проснулся совершенно свежий.

Вгляделся в ее лицо, словно не узнавая, нащупал браунинг в ее руке на своей груди, бриджи, подпоясанные мужским ремнем, босые ступни, холодные, как ледышки, и чертыхнулся, вытаскивая из-под нее одеяло и укрывая ее.

— Простите, — шептала она, глядя на него с мольбой, — простите...

— Молчи, пожалуйста... Я дурак, — сказал он. — Но дуракам счастье... Здравствуй, что ли, Карачаева!

Павлищева в горнице не было. Когда луна зашла, он неслышно оделся, вышел вон и всю ночь бродил у реки, прощаясь с местами, которые почитал родными...

В город они вернулись вместе, втроем, в одних санях, и Павлищев пошел в районное ОГПУ.

Стало известно, что в Семипалатинск будет ходить раз в неделю автобус — великая роскошь тех дней. Всего десять часов пути!

Девушку устроили в автобус. Туда же ввели Павлищева под конвоем.

Карачаев не провожал ее — он лежал в больнице со швами на голове, — но в ушах девушки звучал его голос:

— Так ты приедешь? Не застрянешь? Говори честно!

В кабине автобуса не сохранилось ни одного кожаного сиденья и ни одного целого стекла. Сидели на досках; в окнах торчали фанерки, обсахаренные морозом. И в дороге так дуло со всех сторон, что девушка не раз припомнила удобства обоза, веретье и армяки, которыми ее укрывали возчики, тишину и безветрие.

Подъезжая к Семипалатинску и прощаясь с ней, Павлищев сказал:

— Ну хоть вы с Карачаевым будете поминать меня добром. Если б не я... быть может, ваши отношения сложились бы менее благоприятно.

Девушка не ответила ему. Ее сильно знобило.

Сошла она с автобуса уже с температурой за тридцать девять, ночью бредила, а назавтра или послезавтра тоже попала в больницу с крупозным воспалением легких.

В больнице ее отыскал Небыл, бесстрашный геолог. Дней десять она его не узнавала в горячечном бреду. И лишь позднее нянечки ей рассказали, кто не спал ночей у ее постели, доставал ей лекарства, легкую еду, кто ее отпоил молоком, выходил, как мать ребенка.

Добрый, верный Янка. Он нашел ее вовремя. Он опоздал.

В день, когда больничный врач сказал ей, что жить она будет, а бегать «по Сибири» без галош — нет, на одни сутки примчался Георгий, обругал Небыла, должно быть, за то, что тот молчал о ее болезни, и сказал, что едет учиться в Москву и берет с собой болящую, хочет она или не хочет!

Их не отпускали до поздней осени, а осенью, когда она плыла вниз по Ульбе на плоскодонном дощанике, у нее под сердцем шевелился сын Георгия.

Павлищева судил военный трибунал и дал ему два года, то есть, по сути, оправдал.

Давно это было...

Далеко это было...

Годы пролетели, как волны в Ульбе...

Забавные мелочи

НАУКА СТРОИТЬ ГЛАЗКИ

Уже несколько лет в Ницце (Франция) существует «школа разговора глазами», основанная доктором Отиноа. Курс обучения длится два месяца. Посещают эту необычную школу в основном женщины. Один из преподавателей, Вильям Клик, даже выпустил специальный учебник по этой дисциплине, а его жена ведет в школе практические занятия по искусству строить глазки.

НА ПОЛНОМ СКАКУ

Стрельба из лука в цель на полном скаку — национальный вид спорта, культивируемый в Японии.

ХОЛОДНОВАТО

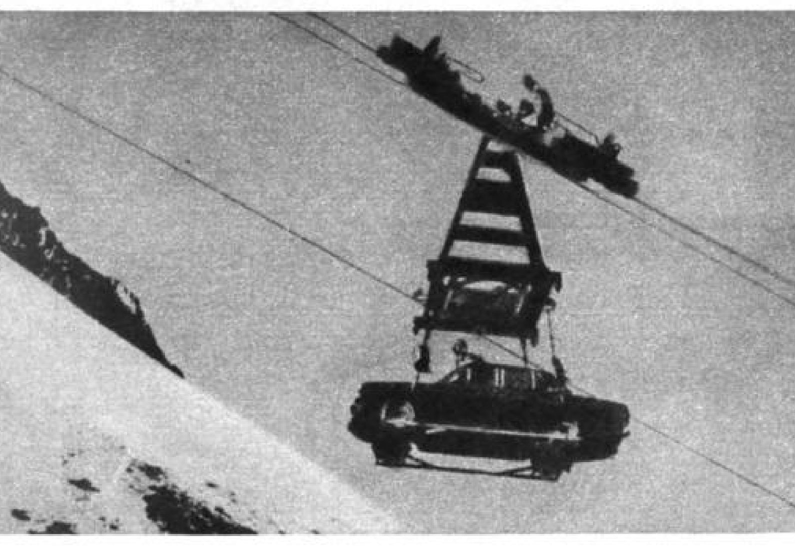
Титан и Нигра — так зовут этих молодых горилл. Они прибыли в Пражский зоопарк.

Обезьяны вполне довольны своей судьбой: у них красивый домик и вкусная еда. Только, правда, немного холодно. Пришлось надеть на них шерстяные костюмчики.

ПО ВОЗДУХУ НА АВТОМОБИЛЕ

Новая воздушная дорога в австрийских Альпах может перевозить и автомобили. Туристы, не выходя из машины, поднимаются на высоту 2 000 метров.

БРИЛИСЬ ВО ВРЕМЯ ИГРЫ

Один из западноберлинских джазовых оркестров решил установить новый рекорд по продолжительности непрерывной игры. Музыканты играли без остановки 176 часов. В течение этого времени парикмахер периодически приводил неутомимых джазистов в человеческий вид.

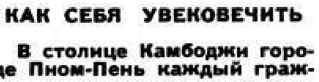

БОГОСЛУЖЕНИЕ ПОД ГИТАРУ

Для привлечения в храм молящихся священники американской церкви в Париже пригласили певицу Ненси Трейс, которая во время богослужения пела, аккомпанируя себе на гитаре.

БРАТЬЯ

Они появились на свет в Лондонском зоопарке. Вначале тигрята, как и все малыши, жалобно пищали. Сейчас братья подросли и уже с достоинством расхаживают по вольеру.

КАК СЕБЯ УВЕКОВЕЧИТЬ

В столице Камбоджи городе Пном-Пень каждый гражданин может получить право назвать улицу своим именем. Для этого надо только замостить ее за свой счет.

Галина **КУЛИКОВСКАЯ**

Мой сын принес как-то тройку. Это была единственная тройка в четверти. Среди четверок и пятерок она выглядела черной вороной в нарядной березовой роще. Обиднее всего, что «ворона» облюбовала не требующую, казалось бы, умственного напряжения физкультуру. В старой школе у сына с ней как будто были лады.

Я задумалась. Сын не имел никаких физических изъянов, которые не позволяли бы ему дружить со спортом. Худенький, долговязый, он, как и все мальчишки, хотел быть сильным и ловким. Помню, еще в шесть лет стал на лыжи.

Увлекся он и плаванием. Не то в третьем, не то в четвертом классе привела я его в бассейн. Тренер, как котят, бросал нескладных, голенастых мальчишек в воду и впивался взором в каждого из них. Он выуживал будущих разрядников, «пескари» его не интересовали. «Можешь одеваться», «Не годишься!»—безжалостно разбивал он голубые мальчишечьи надежды. А мой «пескарь» так жаждал по-настоящему научиться плавать!

Второй удар постиг его на «Метеоре», маленьком стадионе, расположенном неподалеку от нашей новой квартиры. Там ребята играли в баскетбол. Сын ростом удался, но тренеру было мало одного роста. «Выйди!» — тыкал он пальцем в неопытных новичков. Сын пришел домой очень тихий, ссутулившийся и не подымал глаз.

Все это вспомнилось мне, пока я разговаривала с Александром Ивановичем Волковым. Мы сидели в его «мастерской», как он называет узкую комнату, которая и впрямь напоминала слесарную: стояли какие-то железные каркасы, собранные из старых кроватей, самодельные барьеры и в углу возле шкафа — небольшой зеленый пресс.

— Почти все делаем сами.— Александр Иванович достал из ящика тряпичные мячи в размер теннисного. Разве наберешься готовых? Нагрудные значки, эстафетные палочки, модели гранат, флажки—все собственного производства. А кровати пригодились для настольного тенниса. Очень удобные подставки получаются.

Я уже знала от него, что бедна школа не только денежными средствами, но и квадратными метрами. В старом четырехэтажном доме, построенном еще до войны, нет спортивного зала. Под зал Волков приспособил обычный класс, он чуть подлиннее и чуть пошире этой мастерской. В нем не разгуляешься, не поброcаешь мяч через сетку, не разбежишься. Но на снарядах поработать можно. И надо было видеть, с каким

ОБЫКНОВЕННЫЙ ВАЯТЕЛЬ

Александр Иванович Волков и его питомцы: Володя Волков, Галя Вещагина, Галя Макеева, Нина Гринякина, Лида Усик и Володя Чугунов.

Фото А. Бочинина.

упоением мальчишки занимались! Они прыгали, шлепались через планку на маты и вскрикивали от удовольствия. Стало темно, в окна постучал голыми тополиными ветвями зимний вечер, а они все прыгали и прыгали.

— Что это на них нашло?

— Хотят стать чемпионами, как Чугунов. Володя ездил в ГДР этим летом, побил там рекорд Европы.

Тут я обратила внимание на вымпелы, развешанные по стенам, и один из них, синий, с расшитыми на нем золотом буквами. Мне, конечно, не терпелось узнать подробности, но я вовремя придержала себя, попросила рассказать все по порядку, с самого начала.

— Что ж тут рассказывать? — Волков собрал учебные карточки, разложенные на столе. Ни минуты он не сидит со спокойными руками, даже разговаривая со мной, что-то все время делает свое. — По ранению отправили со Сталинградского фронта. Отлежался в госпитале и приковылял в военкомат. Получил новое назначение — военруком в школу. Не рассуждал. Военрук так военрук. Значит, так надо. А когда предложили: «Поступайте, товарищ, в училище учиться на преподавателя физкультуры»,— взмолился: «Какой я физкультурник, когда ковыляю с костылем? И специальность другая — полиграфический техникум перед самой войной окончил». Но тут мне крепенько напомнили, что время, мол, военное. Ох, и трудно же было! Жил у Киевского вокзала, работал в Кутузовской слободке, а учился на вечернем на Красной Пресне. Отработаешь, проглотишь жидкую похлебку — и на тренировки. Зал, каток, лыжи.

Волков вздохнул, поморщился, будто ему стало больно при одном только воспоминании. Я пыталась себе представить, как этот небольшой, не сильный с виду человек, прислонив к стене палку, прихрамывая, шел к перекладине. И как, стиснув до скрежета зубы, приподнимался на руках и перебрасывал свое ставшее легким, трижды израненное, больное тело. Искры сыпались из глаз, все вдруг темнело, плыло, кружилось, и Волкову казалось: еще секунда—и он не выдержит, грохнется...

В сорок седьмом году в школу на Первой Поклонной улице пришел новый учитель физкультуры. Случилось невероятное: может быть, оттого, что она доставалась ему такой дорогой ценой, с такой мукой и болью, он полюбил свою новую профессию. Двадцать три года здесь, в школе № 75, Александр Иванович Волков. Двадцать три года, которые как один большой, предлинный день, которому нет конца. Приходят и уходят дети, все новые и новые, маленькие становятся большими, а он, Александр Иванович, все такой же...

Галю Макееву он приметил три года назад, в пятом классе. Высокая, крупная девочка легко брала в высоту метр. Сможет и больше. Но Галя вовсе не собиралась тренироваться. Ее влекло другое — драмкружок. Как-то ей доверили роль злой волшебницы в «Спящей красавице». На секцию не пришла. Нина Гринякина, подружка, передала: «Александр Иванович сердится, говорит, что ты должна обязательно ходить, что у тебя есть данные».

Когда Галя пропустила два занятия подряд, она вдруг почувствовала: чего-то ей не хватает. Не хватает этой веселой полуторачасовой разминки, которая придает силы и освежает память. И Галя стала приходить регулярно. Если

позволяла погода, учитель выводил ребят в школьный двор, а в плохую можно было побегать и в широком школьном коридоре. Он показывал, как надо брать старт, как передавать друг другу эстафетную палочку, как толкать ядро. Играть в волейбол и баскетбол водил на ближайший стадион, а плавать — в Лужники.

Через год на соревнованиях в Киеве школьная команда, в которую попали Галя с Ниной и Володя Чугунов, победила с отрывом в сто очков. Тогда Волков стал готовить ее к Ялте. Там должен был определиться коллектив, который поедет защищать честь советских школьников в ГДР. Семиклассница Ира Макоткина вернулась из Ялты с лавровым венком. И тут разразилась катастрофа. «К соревнованиям допускаются ученики только 1951 года рождения» — оповещало дополнительно присланное условие. А Ира и еще три сильнейших девочки родились в пятидесятом! Пришлось их срочно заменить. А это означало: еще более настойчивые тренировки. Занимались два раза в неделю, потом три, потом четыре. Но и этого Волкову казалось мало. С нетерпением ждал он лета. С немалым трудом заранее выхлопотал путевки в пионерский лагерь так, чтобы вся сборная была вместе.

И вот наступило лето. В Жаворонках он появился на второй день с утра. Сначала подготовили площадки для прыжков и бега. Выкопали ямы, натаскали носилками песок. Потом сделали колодки для стартов. Работали от завтрака до самого обеда. Ребята шли в столовую, а Александр Иванович — на электричку. На следующий день приезжал снова. И так каждый день своего отпуска.

В Магдебурге, где проходили соревнования школьников Болгарии, Польши, СССР, Франции, Финляндии, Румынии, Венгрии, Чехословакии и ГДР, к Волкову подошел тренер немецкой команды.

— Кто, вы думаете, камрад Волков, кто будет победителем? — спросил он.

— Вы или болгары, — ответил Александр Иванович.

— А я считаю, что победите вы. Спорим на вашу шляпу?

— Согласен, — улыбнулся Волков. — В случае поражения я рискую получить солнечный удар.

А на стадионе не все шло гладко. Лида Усик, которая должна была, по прогнозам, прибежать первой, повредила ногу. Ее опередила полька Барбара Пауль. Лида расплакалась от огорчения. «Ну что ты, Лидочка, — успокаивал ее Волков. — Не все еще потеряно...» И действительно, Лида заняла первое место по метанию мяча. Но та же самая Барбара побила в прыжках Галю Макееву, капитана команды. Галя взяла 140 сантиметров, а Барбара — 143. Олег Петров распорол шиповкой палец, но держал себя мужественно и продолжал выступать наравне со всеми. Зато настоящую сенсацию вызвал Володя Чугунов. Он легко преодолел высоту 160 сантиметров, попросил поднять планку еще на пять сантиметров, а потом еще на пять и еще. 175 сантиметров взял четырнадцатилетний московский школьник! Суетились вокруг него, щелкали своими аппаратами репортеры.

А итог был таков: команда московской школы № 75 по сумме очков заняла первое место.

Возвращался Волков в Москву без своей капроновой шляпы, но зато вез в голубом бархатном ларце огромный хрустальный кубок и вымпел победителей...

Увы, радостные дни победы — уже история, а заботы и огорчения — вот они, рядом. У одного из лучших преподавателей физического воспитания и тренера усталое лицо. Два десятка лет он трудится за двоих, а сейчас взвалил на себя новую ношу. Оклад у него небольшой, тренерство вообще не оплачивается, вот и пришлось Александру Ивановичу поступить на работу в спортобщество по совместительству. Отказаться же от своих «кузнечиков», что прыгают за стеной, ребят пятьдесят второго, пятьдесят третьего и так далее года рождения, он не может. Ни за что! Вот она откуда, усталость.

...Моему сыну очень не повезло. Не встретился ему в свой час добрый ваятель юных спортсменов, способный влюбить в спорт кого угодно, — и вот неверие в свои силы, охлаждение к спорту. С грустью я поведала Александру Ивановичу о своих раздумьях. Он долго молчал: неудобно бранить своих коллег. А потом вступился за тренера на «Метеоре»:

— Я знаю этот маленький стадиончик. Там зал дают на два-три часа, не более. Не может же инструктор принять всех жаждущих ребят! Старая, наша извечная беда: базы, стадионы, бассейны. Вот и нам изощряться в своих школах приходится. Не опускать же руки...

ОТ РЕДАКЦИИ

О работе Александра Ивановича Волкова упоминала заслуженный тренер СССР Г. Турова в своем отклике на статью Г. Коробкова «Молодость знает...» (№ 40 журнала «Огонек»). Александр Иванович, как это видно из очерка, немало сделал для популяризации легкой атлетики среди учеников школы № 75. Перед нами педагог, который, несмотря на все трудности, все же ведет большую и успешную работу по физическому воспитанию молодежи. Но тут же возникает вопрос: почему в таких трудных условиях приходится работать Александру Ивановичу Волкову?.. Да разве только одному Волкову? В таком же, а может быть, и худшем положении находятся многие другие преподаватели.

Немало вопросов накопилось и в редакции и у наших читателей к Министерству просвещения РСФСР. Не пора ли наконец товарищам из министерства дать на них ответ?

ПРЕМЬЕРА ТЮС.а

НЕОКОНЧЕННЫЙ ТУРНИР

Режиссер-постановщик З. ОЛЬШЕВСКАЯ

ЧТО ТАКОЕ ТЮС?

Н. ПУТИНЦЕВ

Это Театр юных сорванцов, есть такой театр в подмосковном городе Павлово-Посаде. У него своя афиша, свой герб: мушкетер в шляпе, со шпагой.

В марше юных сорванцов поется:

«Мы сорванцы! Нам неизвестен страх,
Пусть не вздыхают мамы и не ворчат отцы,
Пусть пляшет солнце в озорных глазах —
Мы сорванцы! Мы сорванцы!»

Первым увидел «Трех мушкетеров» в кино Вадик Дмитриев — вот бы самим сыграть такой спектакль! Предложил ребятам, все обрадовались: как интересно! В день рождения Саши Ольшевского — ему исполнилось 10 лет — состоялась премьера. Все участники были сверстниками и друзьями Саши. Спектакль понравился «публике», его пришлось повторить еще и еще раз.

А почему бы правда не создать свой театр? Кто-то предложил: назовем — Театр юных сорванцов. Сказали об этом в школе; желающих оказалось очень много. Пришлось ребятам самим устраивать просмотр — отбирать.

Конечно, не обошлось без взрослых. Художница Лидия Сергеевна Шаховская обещала писать пьесы и делать эскизы оформления. А другая художница, работник местного комбината Злата Александровна Ольшевская, вспомнила, что когда-то занималась в театральном кружке; она стала режиссером, руководителем, душой ребячьего коллектива. Нашлись и другие энтузиасты: учитель музыки Александр Георгиевич Сухарев, хореограф Наталья Владимировна Пушина...

Начались занятия по речи и танцам. А родители забеспокоились: что случилось, дети почти все свободное время проводят в клубе камвольного комбината, где приютился ТЮС. Но потом и родителям нашлось дело: помогали шить костюмы, расписывать и подвешивать декорации. Все своими руками!

Новый спектакль, «Два заклинания», показывали уже на сцене клуба, а потом в школах, в Доме пионеров.

Прошло три года. Сейчас юным сорванцам по 13—14 лет; они подружились с Центральным детским театром. Привезли в Москву альбом с фотографиями. На нем надпись: «Чтобы дружить, надо хорошо знать друг друга. Смотрите, как мы занимаемся, отдыхаем, готовим спектакли». Театр принял шефство над «сорванцами»; ребята часто приезжают на спектакли ЦДТ, артисты также побывали у них в гостях.

Минувшим летом ТЮС осуществил давнюю мечту: ребята поехали в Ленинград. Денег на поездку было мало, но «сорванцы» не растерялись: доберемся сами — где пешком, где на попутных машинах!

Ехали несколько дней, по пути выступали с концертами, программу приготовили заранее. Играли в деревнях, пионерских лагерях, в Доме творчества художников. А в Ленинграде осмотрели все: Петергоф, Пушкино, Разлив; побывали в музеях, в редакции журнала «Костер»... Получили множество подарков, грамоты, книги, значки. Все это теперь находится в собственном «театральном музее» ТЮСа — небольшой комнатке при клубе.

Последний спектакль, «Неоконченный турнир», стал событием в городе. О нем писали в газете. Театр занял второе место на областном смотре детской художественной самодеятельности. Это — красочное, праздничное представление. Спектакль рассказывает, как пионерка Таня попала в сложное положение на школьном шахматном турнире. Черная пешка уходит с доски и уводит Таню в сказочное шахматное королевство. Тане угрожает опасность. Только находчивость, мужество девочки и помощь друзей помогают ей одержать победу.

На сцене можно увидеть водопад, непроходимые джунгли, полосатую зебру, черных коней.

Сейчас Театр юных сорванцов ставит русскую сказку «Аленушка».

Интересно ребятам жить в Павлово-Посаде!

Белая королева — Валя Соловьева.

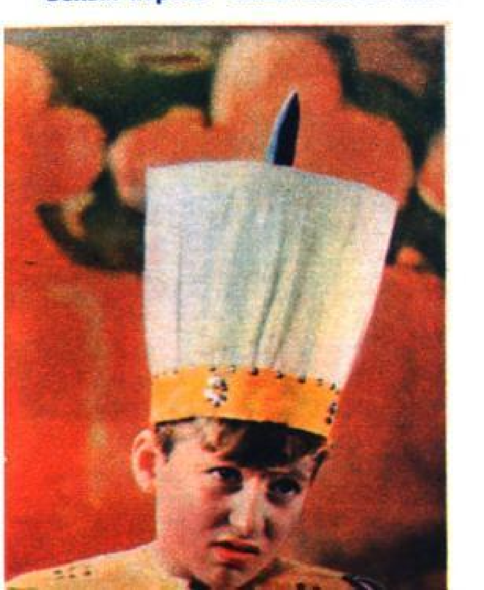
Черный воин — Оля Кузнецова.

Таня — Алла Колосова.

Черные воины наступают.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Белый король—Саша Ольшевский.

Черная королева — Галя Кониковская.

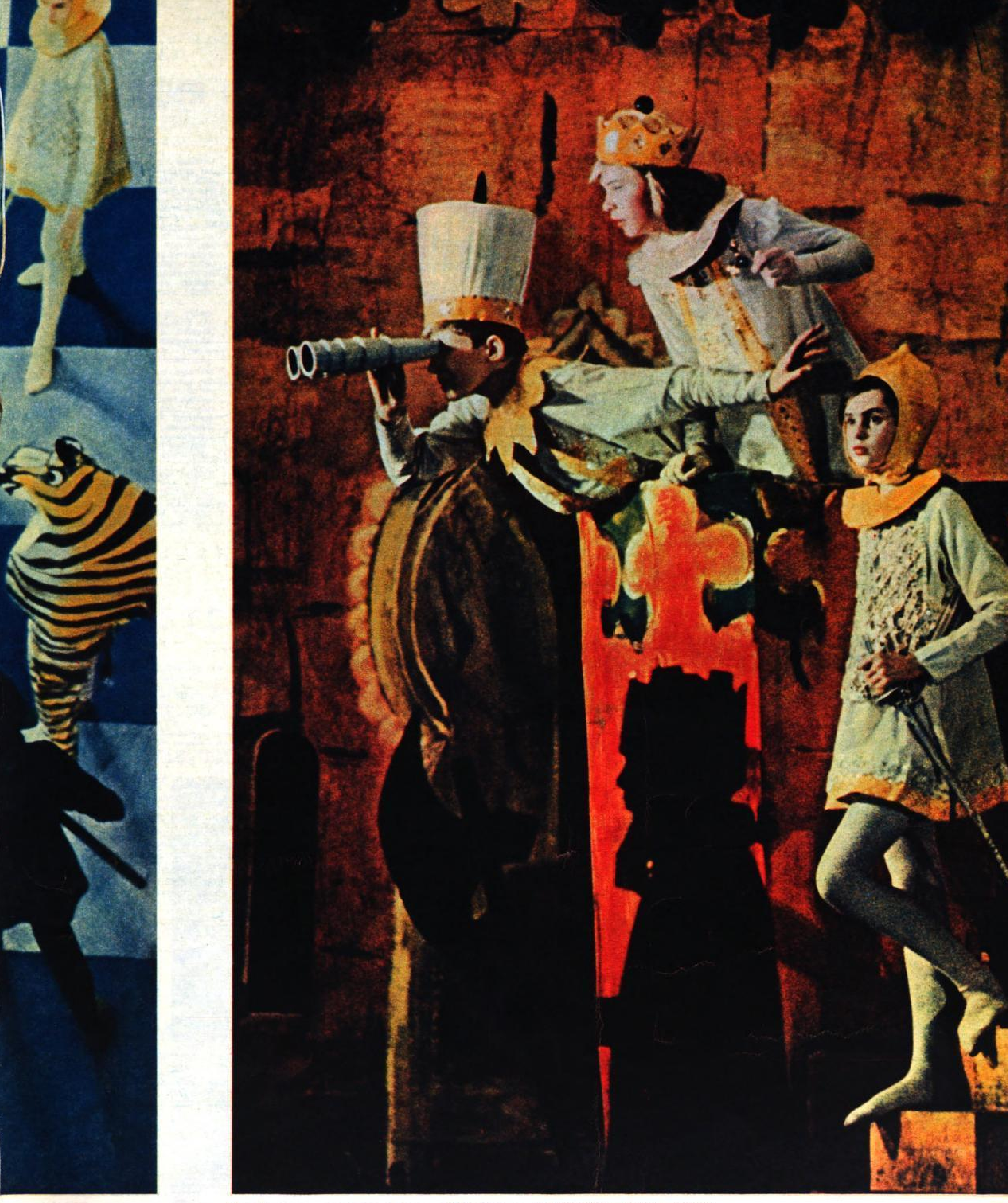
Тур-ладьянс—Сережа Ольшевский.

Черный воин — Наташа Шахватова.

Поле боя — шахматная доска.

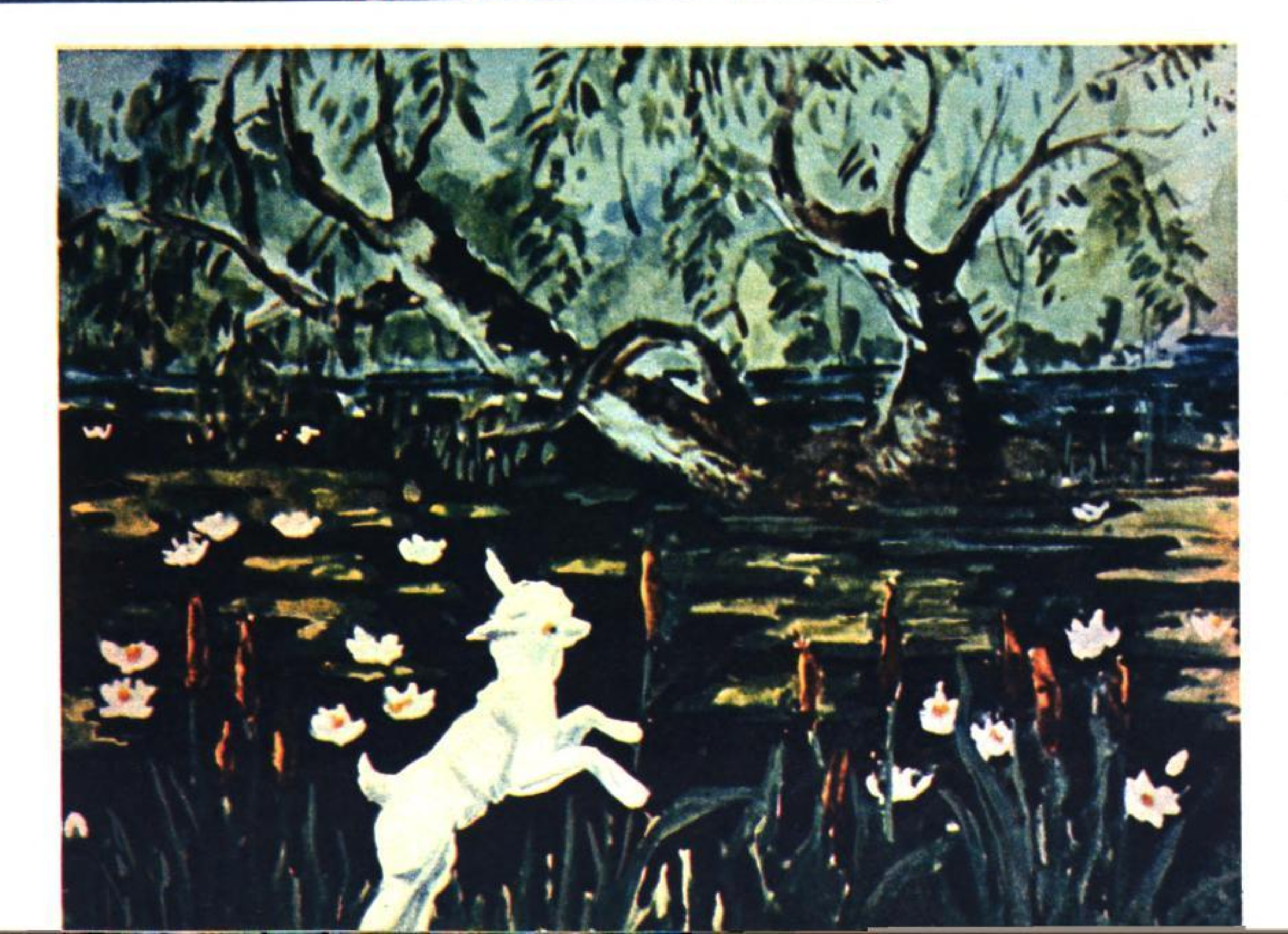
Белый король, королева, офицер наблюдают за приближением черных воинов.

Эскизы декораций для будущего спектакля «Аленушка».

Читка новой пьесы.

ТРАГЕДИЯ ГРИГОРИЯ МЕЛЕХОВА

Среди миллионов читателей «Тихого Дона» вряд ли найдется хоть один, кто остался бы равнодушным к Григорию Мелехову, человеку на редкость яркого, самобытного характера, кто не пережил бы его судьбу с любовью к нему и болью за него. И каждый читатель вновь и вновь спрашивает себя, как могло случиться, что погубил Гришка Мелехов свою жизнь, почему совершил он эти страшные, непоправимые ошибки.

К многочисленным исследованиям, посвященным великой шолоховской эпопее, прибавилась интересная книга В. Литвинова «Трагедия Григория Мелехова». В самом ее начале критик определил поставленную им перед собой задачу: «...разобраться в этом естественно-противоречивом сплетении разных побуждений, праведных помыслов и иллюзий, сформировавших сложную психику человека — чуждого тебе и вместе с тем очень дорогого».

И вот В. Литвинов ведет нас по страницам «Тихого Дона», заставляя по-особому внимательно и зорко присматриваться к каждому поступку Мелехова, чутко прислушиваться к каждому слову этого человека, которому «в такой яркой степени присущ дар человечности, жизнерадостности и доброты, чувства личного достоинства и свободолюбия», что «его нельзя не уважать». Автор ведет нас сквозь десятилетие жизни героя, сквозь мучительные его раздумья, колебания и сомнения, постепенно приводя к ясному и отчетливому пониманию тех коренных, так сказать, изначальных заблуждений, которые и определили жизненный путь Григория.

Нет, никакой он не отщепенец, не собственник, не индивидуалист, не выразитель кулацкой идеологии, как пытались представить его некоторые литературоведы. (Кстати говоря, полемика с ними — одна из сильных сторон книги Литвинова.) «Мало признать, что Григорий «связан» с народом,— пишет В. Литвинов.— Он... сам из народа и в народе», но беда его в том, что «он не в силах подняться до понимания народа во всей его общенациональной трудовой цельности, до истинных задач социалистической революции».

Круг понятий Мелехова так и остался ограниченным пределами родной донской земли, интересами трудового казачества, которому всей силой своей души желает он лучшей доли. Он сам боролся за эту лучшую долю, за освобождение казаков от власти царизма, от власти «белоруких», против диких патриархальных нравов хутора, но не смог примириться с тем, «чтобы советская демократия покусилась на его привилегии, сословную «вольницу», чтобы, подчинив единой революционной дисциплине, она сравняла казаков с остальными, «омужичила»... Так приходит Григорий к идее казачьей «самостийности» и обособленности от общей борьбы и, следовательно, к необходимости защищать эту «самостийность» с оружием в руках. Избранный им «третий путь» в жизни — между злом и добром, правдой и неправдой, революцией и контрреволюцией, передовой идеологией и идеологией реакционной» с неумолимой последовательностью привел Мелехова в банду Фомина.

«Правда социалистической революции — единственная правда трудового человека,— заключает В. Литвинов.— Не приняв ее, самый одаренный от природы оказывается беззащитным перед лицом исторических испытаний. Вся сила шолоховского психологизма, шолоховской поэтики направлена на утверждение этой правды».

Здесь нельзя не остановиться и на второй, очень существенной и важной теме, которую разрабатывает в своей книге Литвинов. Несмотря на обширность литературы о творчестве Шолохова, тема эта мало изучена. Речь идет о психологизме шолоховского романа, об открытой Львом Толстым «диалектике души», которая «под пером советского художника надежно служит исследованию характеров людей нового века, обретая здесь свои особые, чисто шолоховские черты».

На протяжении всей книги анализ характера и поступков героя «Тихого Дона» сочетается, сплетается с анализом особенностей художественного психологизма писателя. Внимательно исследуя роман, критик подчеркивает яркую социальную и историческую предметность шолоховского реалистического психологизма, подчеркивает его отличительные свойства: «Действие, конкретный поступок или живая эмоция, мысль героя, прямо связанная с происходящим,— это у Шолохова чаще всего и есть воплощение элементов диалектически развивающегося чувства, и есть своеобразно «материализованный» психологический комментарий».

Многочисленными примерами подтверждает это свое суждение В. Литвинов, останавливая читательское внимание на том, как, какими средствами изображает Шолохов трудного своего героя, сложную его судьбу.

Говоря об идейности «Тихого Дона», критик называет его «произведением о САМИХ ИДЕЯХ, овладевающих людьми». Но идеи эти воплощены в столь зримых образах, что «читательское представление об идее словно материализуется, стучит в сердце, требует от человека безоговорочной ответственности за исповедуемое и содеянное».

И все те, кому бесконечно дорог «Тихий Дон», кто пережил его в сердце своем, бесспорно, будут благодарны В. Литвинову за его яркую, умную книгу, написанную с огромной любовью к шолоховскому творению.

Н. ЦВЕТКОВА

В. Литвинов. Трагедия Григория Мелехова («Тихий Дон» М. Шолохова). «Художественная литература». Москва. 1965.

СВИДЕТЕЛЬСТВА СЕРДЦА

Льва Славина давно знает читатель и зритель. Кто не помнит его замечательную пьесу «Интервенция», его роман «Наследник»? Он один из старых писателей, один из тех, кто создавал советскую литературу.

Новая книга Л. Славина делится на две части. В первой — воспоминания о людях, во второй — очерки, частично также мемуарные.

Люди, о которых рассказывает писатель, оставили по себе светлую память: они живут и после смерти в своих книгах. Лев Славин знал их близко, с некоторыми работал вместе, с некоторыми провел незабываемые дни юности, которые были днями юности нашей революции. Очень разными были они: каждый — особенная, неповторимая индивидуальность. Но Славин увидел в каждом из них и то, что делает близкими друг другу таких разных художников,— он в каждом из них увидел гражданина, патриота своей Отчизны.

Рисуя портрет Э. Багрицкого, Л. Славин пишет: «Он был всегда писателем политическим». В непрестанно ищущем, непрестанно размышляющем Ю. Олеше он почувствовал горячий пафос гражданственности. Вспоминая И. Ильфа и Е. Петрова, он справедливо подчеркивает, что их объединяла «заботливая, деятельная, воинствующая любовь к человеку». О дружбе Б. Лапина и З. Хацревина, геройски павших под Киевом, говорится, что она «выдержала испытания работой, опасностями, самой смертью» потому, что в основе ее лежала настоящая общность идей. В очерке «Кольцов в Испании» мы видим ее героя на переднем крае борьбы: Лев Славин рассказывает о том, каким знал он М. Кольцова, как сражался в Испании бесстрашный мастер репортажа, какую замечательную книгу («Испанский дневник») он написал.

Перед нами проходят яркие образы писателей, кровно связанных с нашей революционной действительностью: автор «Бронепоезда» Вс. Иванов, Ной Лурье — автор «Лесной тишины», человек революционной биографии, Виктор Кин — революционер с детских лет, создатель прекрасного романа «По ту сторону», Андрей Платонов — проникновенный писатель и отважный солдат. В коротенькой зарисовке «Мраморная доска» Славин вспоминает товарищей, павших на фронтах Отечественной войны: А. Гайдара, Ю. Крымова, В. Стрельченко, А. Роскина и других.

С первого дня Великой Отечественной войны Лев Славин был в Действующей армии. Он пришел с войсками в Берлин, был свидетелем падения гитлеровского рейха. О последних днях фашистской империи он интересно и обстоятельно рассказал в большом очерке. Другой очерк — «Свидание с Польшей» — полон любви к братскому польскому народу. Он поэтичен, лиричен, в нем есть глубокое понимание истории и современности, ощущение того сплава «гордости и горечи, отваги и юмора, упорства, изящества и революционного пыла», который так характерен для судьбы и нрава Польши.

Очень хорошую книгу написал Лев Славин — богатую наблюдениями, умную, сердечную!

Ал. ДЫМШИЦ

Лев Славин. Портреты и записки. «Советский писатель». Москва. 1965.

АРБАТ—СЕЛЕНГА

Новая повесть Николая Сизова, «Арбат и Селенга», рассказывает о наших днях, о наших современниках, решающих актуальные вопросы науки, стремящихся крепче спаять теорию с практикой, с задачами, которые ставит жизнь.

Как и в предыдущих повестях и романах («Трудные годы», «Сердца беспокойные»), Николай Сизов остается верен своим излюбленным героям и своей тематической линии. Его герои — партработники — ведут борьбу за новый стиль руководства, за партийное, бескомпромиссное решение важнейших вопросов.

Сюжетной пружиной повести является характер секретаря партбюро научно-исследовательского института Сергея Шумилина. Именно неуемный, принципиальный Шумилин и переводит мирную жизнь института, уютно расположившегося в тихом арбатском переулке, на конфликтные рельсы. Он говорит: «...Институту, занимающемуся проблемами лесной промышленности Сибири, логичнее быть ближе к тому, что он изучает, над чем работает». Вокруг этого разгораются страсти, возникают споры и вскрываются характеры — из-за привычных масок появляются настоящие лица. В частности, вынужден сбросить маску и «всемогущий» директор института Каштанов — опытный деятель, который давно уже думает лишь о собственном благополучии.

Достоверность основных персонажей повести, цельность их характеров, жизненность поднимаемых проблем — вот основа удачи повести.

Особо хочется отметить широкое смысловое и символическое использование автором изобразительных средств. Так, например, даже обычный городской пейзаж Николай Сизов лишь одной мягкой иронической деталью заставляет работать на общую идею повести. Описывая местоположение института, его тихую, затхлую атмосферу, он пишет: «Сюда, за заборы института, постоянно проникает шум города, но люди привыкли к нему и перестали замечать. Более того, этот шум, пожалуй, даже необходим, он как бы подчеркивает, что и их институт включен в созидательный ритм огромного города».

Правдивая повесть Николая Сизова посвящена важной теме и написана хорошим пером. Автор уверенно владеет и сочным диалогом и мягкой шуткой. И можно не сомневаться, что «Арбат и Селенга» привлечет внимание широкого читателя.

М. СЕРГЕВИЧ

Н. Сизов. Арбат и Селенга. Повесть. Журнал «Октябрь» № 10. 1965 год.

РУКОТВОРНАЯ РАДУГА

Вероятно, каждый удивится, узнав, что в художественном оформлении наших городов и по сию пору принимает непосредственное участие... Михайло Ломоносов. А между тем это так. Тысячи людей восхищаются панно, украшающими станции Московского метро. Но мало кому известно, что в эту яркую мозаику вкраплена смальта, сваренная две сотни лет назад руками великого ученого. Запасы ее, бережно сохраненные до наших дней, нашли применение в работах художников-монументалистов.

Цветное непрозрачное стекло для мозаичных картин использовалось еще в Древней Руси. Потом смальтоварение возродил Ломоносов. Известно, что его смальта превосходила по богатству колеров всемирно прославленную ватиканскую. Но после Ломоносова производство ее у нас почти полностью прекратилось. Запасы смальты истощались, а между тем спрос на нее рос с каждым годом,— мы хотим видеть свои города современными, красивыми. Наконец энтузиасты нашлись: на Лисичанском стеклозаводе был создан экспериментальный цех смальты, и ее многоцветная радуга засияла вновь.

— Засиять-то она засияла,— рассказывает начальник этого цеха Александра Трофимовна Леонова,— да не так ярко, как бы хотелось. У нас много трудностей. Устранить их в общем-то можно. Нужно, чтобы нам больше внимания уделили Министерство промышленности стройматериалов Украины и Госплан республики; нас пока еще плохо снабжают материалами и красителями, мало отпускают средств, не хватает людей. Обижаемся мы и на ленинградскую Академию художеств. У них хранится двадцать пять тысяч рецептов смальты. Мы просим — они не дают. Правда, академия и сама делает смальту — килограммов десять в день, но это капля в море. Мы даем по десять тонн в месяц, а удовлетворить спрос не можем: только Российская Федерация просит в год четыреста тонн, да Украина двести, да Молдавия... Про нашу смальту еще другие республики не знают, проведают — тоже требовать начнут. А мы будто велосипед изобретаем — заново создаем рецепты, нащупываем вслепую, опытным путем, когда все это уже имеется...

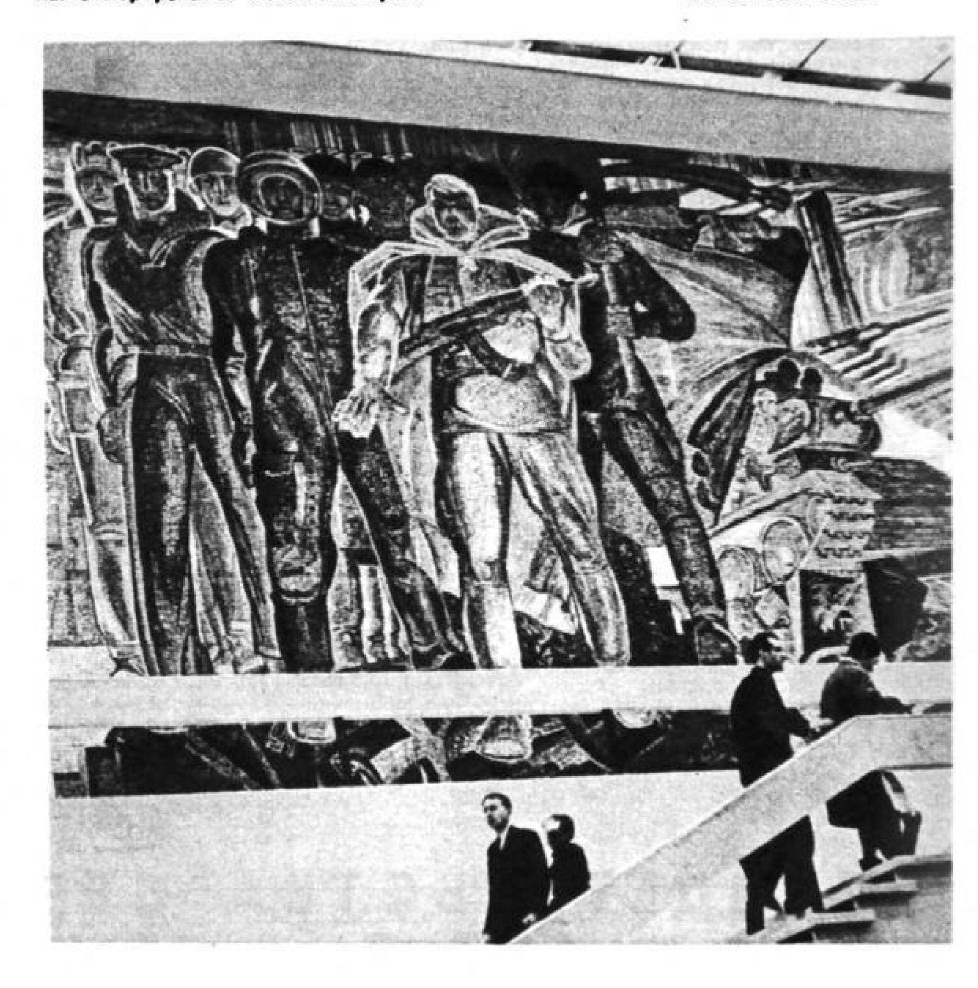
Беседа наша идет в одном из цехов комбината декоративно-оформительского искусства московского отделения Художественного фонда. Просим высказаться по этому поводу художника Б. А. Корина, одного из создателей панно на станции метро Комсомольская.

— Лисичанская смальта хороша,— говорит Борис Алексеевич,— она близка к классическим образцам, которые можно видеть, например, в Киево-Печерской лавре,— матовая, хорошо колется. Но тонов пока еще маловато — двести тридцать, а надо раз в десять больше. Конечно, лисичанцам нужно помочь...

— Заказов хоть отбавляй,— вступает в разговор руководитель производственно-экспериментальной мастерской комбината Л. Е. Мордухович.— На днях отправили готовые панно в Ставрополь для нового кинотеатра.

Наши мозаики теперь можно увидеть в Караганде — там ими украшены Дом профсоюзов и здание геологоуправления; в Звездном городке космонавтов — пилоны с портретами Ленина и Циолковского. Ну и, конечно, в самой Москве: в университете, Бородинской панораме, Музее Вооруженных Сил; панно, украшающее этот музей, вы видите на нашем снимке. «Продукция» наша, если можно так назвать художественные произведения, исчисляется сотнями квадратных метров. Вот мы и просим лисичанцев: дайте больше смальты, и мы сделаем наши города веселыми и нарядными.

П. ЛАРИН,
Ю. КРИВОНОСОВ

ГОРОД В ЧИСТОМ ПОЛЕ

В коридорах московского института «Гипрогор» висят планы будущих городов. На одном из планов бросилось в глаза непривычное слово: вертодром. Что это такое?

— Так мы назвали вертолетную станцию в новом городе — Нижнекамске,— объяснили нам архитекторы.— Только вертодром — это далекое будущее. И не это, конечно, сейчас главное для города. Теперь там уже тысяч тридцать народу живет.

Город рождается в Татарии, в сорока километрах от Набережных Челнов, а неподалеку строится крупный химкомбинат.

Особенности Нижнекамска? Какие же у него особенности? Обыкновенный современный город со всем возможным комфортом для жителей. Впрочем, есть одна особенность, и немаловажная. Новые города, как правило, создаются на месте старых поселений. А Нижнекамск растет в чистом поле. Это значит, никакого скопища ветхих домишек, с которыми, хочешь не хочешь, приходится считаться до поры до времени, так сказать, вписывать их в пейзаж. А тут у архитекторов руки развязаны. И это определило лицо города: дома сразу взметнулись ввысь. В основном пятиэтажные, но есть и в девять этажей.

Жить в этом городе не только удобно, но и уютно. Красивые окрестности — с трех сторон лес. Подступают реки Кама и Старица. Дома окрашены в спокойные цвета. У каждого квартала своя тональность. Некоторые здания украшены росписью. Обо всем позаботились создатели города — архитекторы 3-й мастерской «Гипрогора» под руководством Е. И. Кутырева. Позаботились и о чистоте воздуха. На пути к комбинату вырастет своеобразный заслон — фруктовые сады.

Вот какой городок поднялся в чистом поле!

Н. ВЕРИНА

На снимке: один из жилых кварталов Нижнекамска.

РАЗНОЕ...

МЕБЕЛЬ ВОЛКОВСКОГО

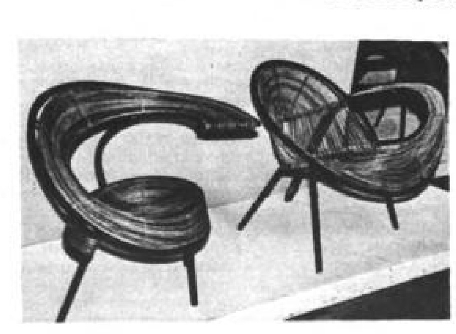
Темой разговора было искусство, а поводом — стулья. Это не покажется странным, если скажем, что плетеная мебель польского художника Владислава Волковского — подлинное произведение искусства. Работы его были представлены в Москве на выставке, организованной Союзом художников СССР. Выставка закрылась, а интерес к ее экспонатам по-прежнему большой.

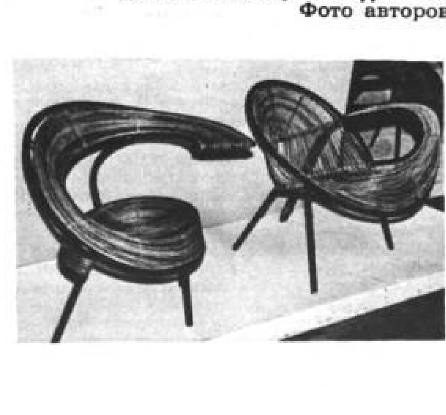
«Семейство» кресел современной динамичной конструкции. Красивый и удобный гарнитур для гостиной, стилизованный под старину: стулья с приспущенным по бокам плетением и столик со стеклянной столешницей...

Вся мебель Волковского — без единого гвоздя. Материалом служит обыкновенный ивовый прут. Лишь в основе конструкции — каркас из металлических трубок.

Владислав Волковский соединил древнее прикладное искусство с модерном. Это сочетание обеспечивает его произведениям прописку в сегодняшнем дне.

А. СТРИЖКОВ, К. ВИДМАЙЕР
Фото авторов.

ДАР ЭРМИТАЖУ

Ящики, ящики, ящики... И в каждом из них свидетели давно ушедших эпох — монеты. Сорок три года занимается ими в Эрмитаже заведующий отделом нумизматики Алексей Иванович Быков. Трудно даже себе представить, какой через его руки прошел металлический поток.

Сейчас перед ним новый «ручей» в одиннадцать тысяч монет. Это дар Эрмитажу бакинского профессора историка Евгения Пахомова. Коллекция содержит денежные знаки первой арабской чеканки, согдийские, японские, монгольские монеты. Они помогут воссоздать картину торговых отношений стран Востока на протяжении последних двух с половиной тысячелетий.

Фото П. Федотова (ТАСС).

РАЗНОЕ...

ЮБИЛЕЙ... КАРАНДАША

Карандаш... Маленький, незаметный и такой полезный предмет. К нему так привыкли, что вряд ли кто-нибудь вспоминает историю его происхождения. А между тем у нашего друга карандаша история довольно интересная. Ему недавно исполнилось 400 лет.

Когда человек познал грамоту, ему, естественно, понадобилось какое-то приспособление для письма. Вот тогда-то и стали пользоваться кусочками чистого свинца с острым концом. Однако не столько для письма, сколько для черчения.

Примерно с XI столетия из свинца и серебра стали изготовлять специальные палочки с заостренными концами, но служили они главным образом живописцам. Такие карандаши стоили очень дорого, быстро изнашивались и, конечно, были доступны только состоятельным людям. Впервые эти карандаши появились в Италии и Германии, где рисовальное искусство зародилось и развилось ранее, нежели в других странах. Выдающиеся мастера живописи эпохи Возрождения — Рафаэль, Вазари, Дюрер и Гольбейн — еще в XVI веке пользовались палочками из свинца и серебра.

Первое описание карандаша из графита мы находим в трактате о минералах швейцарского естествоиспытателя Конрада Геснера. Трактат был опубликован в 1565 году.

Как же человек пришел к промышленному использованию графита для карандашей? Решающую роль здесь сыграл «его величество» случай.

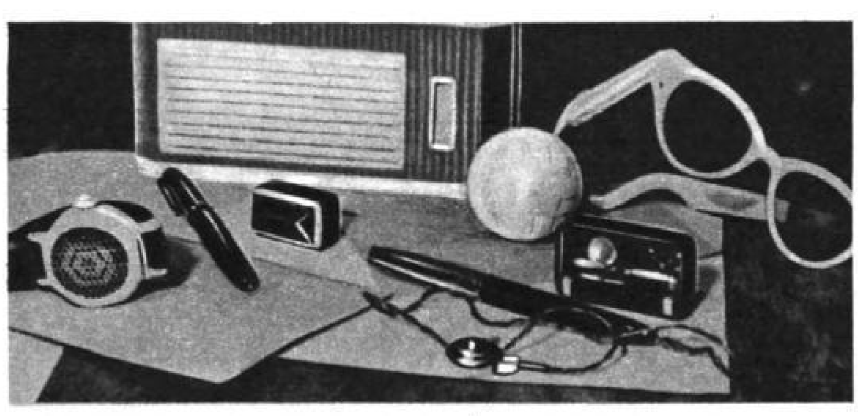
Было это в Англии. Однажды житель небольшого селения в графстве Камберленд, возвращаясь домой, в сумерках сбился с пути, забрел в кустарник и споткнулся о какую-то блестящую черную глыбу. Путник отколол от неизвестного минерала небольшой кусок. Дома он — тоже случайно — установил, что обломок оставляет четкий след на бумаге. Ученые и предприимчивые коммерсанты заинтересовались минералом и решили, что его можно использовать для организации производства карандашей. На месте, где в 1658 году путник нашел глыбу, начались первые на земном шаре промышленные разработки графита. Вначале карандаши делали из чистого графита, что было и сложно и дорого. Стоимость карандашей была очень высока, поэтому широкого распространения они не имели.

В 1795 году французский механик и живописец Никола Контэ предложил рациональный способ изготовления грифелей из смеси графита и глины. Таким способом карандаши делаются и в наше время. Для их изготовления используется древесина липы, ольхи и главным образом кедра.

Первая карандашная фабрика, появившаяся в Германии в 1761 году, принадлежала известным впоследствии промышленникам Фаберам. В России первые карандашные фабрики были основаны в 1842 году.

Б. ШАФЕР

Радиомалютки конструкции Н. Ф. Брюквы. Фото А. Дмитриева.

АВТОРУЧКА? НЕТ, ТРАНЗИСТОР

В авторучке кончились чернила, и я попросил преподавателя Киевского инженерно-строительного института Николая Федоровича Брюкву одолжить на минутку его «вечное перо». Открыв колпачок черного «Салюта», я вдруг услышал мелодичный женский голос, доносившийся из крохотного репродуктора, вмонтированного вместо пера.

Один за другим Николай Федорович извлекает из карманов забавные приемники: «говорящую книгу», «футбольный мяч», «Эру» величиной со спичечную коробку. Аппараты, задуманные в перерыве между лекциями, воплощенные в схемы в выходной день, во время отпуска. Уже двадцать с лишним лет конструирует Николай Федорович эти миниатюрные приемники, весящие в сотни раз меньше, а принимающие в десятки раз больше станций, чем крупные.

Я смотрю на ювелирно отделанные пластмассовые корпуса микроприемников, на тонкую работу и спрашиваю:

— Неужели все вручную?

— Да, только так, ведь в этом мой отдых.

В самом маленьком приемнике Николая Брюквы — радиоавторучке — всего около десятка деталей. Сделать его можно за два-три часа, хотя над схемой преподавателю пришлось поработать много лет.

— Рад бы расстаться с этим увлечением,— шутит Николай Федорович,— да сил нет. К тому же помогает оно мне. Сейчас я готовлю кандидатскую диссертацию и здесь хочу применить один из своих приборов, который позволит точно измерять величину напряжения строительных конструкций.

О. ГУСЕВ

БИОГРАФИЯ САМОВАРА

Вещи, как и люди, имеют свои биографии. И, как у людей, бывают они удивительны.

Вот биография одного самовара. Родился он в Туле. Его родители — известные всему миру мастера, потомки легендарного Левши. Они приурочили рождение своего детища к знаменательной дате — созданию Союза Советских Социалистических Республик. В конце декабря 1922 года рабочие Тулы преподнесли чудо-самовар всесоюзному старосте Михаилу Ивановичу Калинину. А Михаил Иванович, в свою очередь, подарил его краснопресненским рабочим. И самовар стал украшением праздничных столов краснопресненцев. Тульский самовар высотой в недюжинный человеческий рост вмещал в себя 250 литров воды.

В 1923 году он совершает путешествие в далекую по тому времени Среднюю Азию. Шефы Бухарской Народной Республики — краснопресненцы — привозят его на первую промышленную выставку, организованную в Бухаре. Дарят его узбекским братьям. По душе пришелся туляк бухарцам. За сорок минут вскипает в нем вода и не остывает целых двое суток. А тут любят попить чайку за дастарханом.

После I съезда Советов Узбекской Советской Социалистической Республики самовар передают узбекскому старосте Юлдашу Ахунбабаеву. А председатель ВЦИК Узбекистана дарит его в 1935 году одному из первых колхозов республики — «Шарк юлдузи».

За 30 минувших лет далеко за пределы нашей страны распространилась слава этого замечательного хозяйства. Делегации из Африки и Англии, из Америки и Финляндии, с Кубы и Вьетнама, из Японии и Бразилии побывали в гостях у колхозников «Шарк юлдузи». И, пожалуй, не было ни одного гостя, который бы за щедрым узбекским дастарханом не пил чая из тульского самовара, родившегося в день образования Союза Советских Социалистических Республик.

ЮРИЙ СБИТНЕВ,
собкор «Огонька»
Фото Дм. Бальтерманца.

Памятник Н. М. Пржевальскому на Иссык-Куле.
Фото В. Сваричевского

ЖИЗНЬ НА КРЫЛЕ ОРЛА

...Человек победил горы. Он стоял на перевале, сильный, широкоплечий. Ветер трогал его волосы, трепал полы одежды и ложился у ног белыми змейками крупичатой снежной поземки. Пржевальский повернулся к своим спутникам. И люди, измученные невероятными трудностями горных переходов, улыбнулись своему вожаку.

«Сегодня для нас знаменательный день,— негромко сказал Пржевальский,— мы перешли границу и вступили на родную землю. Более двух лет минуло с тех пор, как мы начали из Кяхты свое путешествие».

Он говорил, и казалось, что древние скалы Тянь-Шаня повторяют его голос, разнося по всему свету весть о победе горсточки храбрецов. «...Вспомните, что мы ходили то по сыпучим пескам Ала-Шаня и Тарима, то по болотам Цейдама и Тибета, то по громадным горным хребтам. Мы жили два года под открытым небом и переносили то 40-градусные морозы, то еще большие жары, то ужасные бури пустыни...»

Он делает паузу и широко шагает навстречу товарищам, чтобы обнять каждого и троекратно, по доброму обычаю, поцеловать их. А через несколько дней караван спустился с гор и, миновав село Сметанино, направился к пограничному городу Караколу.

Так 80 лет назад закончилась последняя экспедиция великого русского путешественника Николая Михайловича Пржевальского. Через три года ученый прибыл в Каракол, чтобы предпринять новое путешествие, но планам его не суждено было сбыться: Пржевальский умер на пороге новых великих открытий.

Казаки и солдаты, которых он называл своими товарищами, выполнили его последнюю просьбу: «Похороните меня непременно на Иссык-Куле, на берегу, но чтобы не размыло водой. Надпись простая: «Путешественник Пржевальский». Положить в гроб в моей экспедиционной одежде...»

На похоронах Пржевальского жители города дали слово воздвигнуть ученому живой памятник — вырастить на безводном, каменистом холме сад. И вот я брожу меж яблоневых деревьев, подолгу слушаю шелест листвы молодых тополей, трогаю руками цветы... Сад в пустыне — добрый памятник первопроходцу неведомых земель.

В крохотном помещении Музея Пржевальского необыкновенно людно. Свыше пятидесяти тысяч человек бывает за год. Жители из всех уголков страны встречаются тут. Старый чабан-киргиз, спустившийся с высокогорных сыртов на отдых в межколхозный санаторий, говорит мне: «Жизнь на крыле орла...» Пожалуй, лучше и не скажешь о жизни человека, прошедшего по заоблачным путям Центральной Азии.

С. ЮРОВ

Пржевальск.

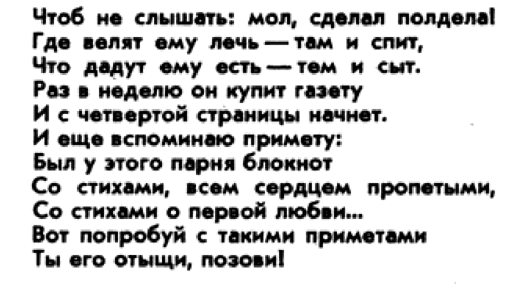
Слава ищет героя

Алим КЕШОКОВ

I

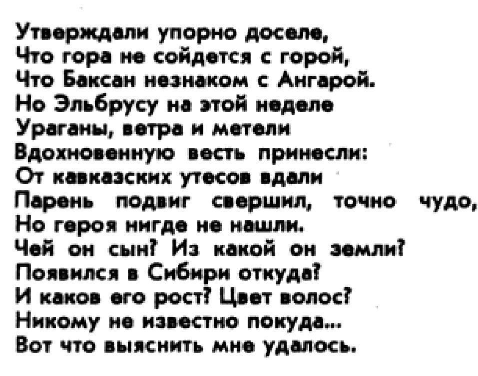
Не герои нуждаются в славе,
А сама их находит она,
И тогда-то крылатая вправе
Высоко их поднять имена.
Словно музыка — сильного слова,
Словно конь — седока-смельчака,
Ищет слава героя такого,
Чтобы с ним прозвенеть на века.
Постучится ль в окно без стесненья,
Обернется ль весенним дождем,
А не в каждый войдет она дом
И не все напитает растенья.
Пусть бывает порой разговорчива —
Не любая нужна ей молва.
Как мелодия, слава разборчива:
Выбирает с пристрастьем слова...

II

Утверждали упорно доселе,
Что гора не сойдется с горой,
Что Баксан незнаком с Ангарой.
Но Эльбрусу на этой неделе
Ураганы, ветра и метели
Вдохновенную весть принесли:
От кавказских утесов вдали
Парень подвиг свершил, точно чудо,
Но героя нигде не нашли.
Чей он сын? Из какой он земли?
Появился в Сибири откуда?
И каков его рост? Цвет волос?
Никому не известно покуда...
Вот что выяснить мне удалось.

Чтоб отцу стало ясно, придире,
Что «посредственник» вряд ли дурак,
Что на время неплох и барак
На строительстве в снежной Сибири,
Он сказал: «Не беда, не помру» —
И отправился на Ангару.

Специальность? «Пойди, куда скажут».
Был доволен работой любой.
Напоить ли собаку прикажут —
Отведет ее на водопой
Да еще и доложит как надо.
Не знавал, что такое досада,
Только вкалывал, брат,— будь здоров!
Ни начальников, ни докторов
Не любил он разглядывать близко.
Не бросался на повара с миской
За остывший до времени суп.
Посещал с удовольствием клуб,
Где в морозы тайга сатанела,
А особенно если кино,
Потому что, во-первых, темно,
Во-вторых, можно с девушкой смело
Целоваться в последнем ряду.
Так плясал у тайги на виду,
Что земля под ногами звенела,
А в Сибири сурова земля!
Чарку дашь ему — пьет до нуля,
Чтоб не слышать: мол, сделал полдела!
Где велят ему лечь — там и спит,
Что дадут ему есть — тем и сыт.
Раз в неделю он купит газету
И с четвертой страницы начнет.
И еще вспоминаю примету:
Был у этого парня блокнот
Со стихами, всем сердцем пропетыми,
Со стихами о первой любви...
Вот попробуй с такими приметами
Ты его отыщи, позови!

Он среди плотогонов на Каме?
Иль с отарою под облаками?
Добывает в горах алюминий?
Разбивает палатки в пустыне?
Он такой, что на подвиг пойдет
Не затем, что приятен почет,
Не к тому направляет усилия,
Чтоб гремела повсюду фамилия,—
Он такой, что работать привык,
Валунами-делами ворочая,
Потому-то и подвиг велик,
Что творит его гордость рабочая!

За такими не ходит биограф,
Не висят их портреты в саду,
Их не просят, чтоб дали автограф.
Где ж я этого парня найду?
Но Эльбрус приказал седоглавый:
«Хоть пешком, хоть на верном коне,
А доставь ты героя ко мне!»

...С давних лет есть стремленье у славы —
Тех найти, кем она рождена,
Чтоб назвать их по имени-отчеству,
Чтоб о них услыхала страна.
Ибо слава чужда одиночеству!
Как неправы поэты, к примеру,
Те, кто просят авансом, на веру,
Выдать золото славы вперед.
Но она только тех изберет,
Кто готов перейти через пропасти
И по сабельному лезвию,
Кто в бою не изведает робости,
Правоту утверждая свою.

III

От Эльбруса до Ангары
Всех дорог — что на небе звезд.
Как соседи, живут дворы,
Меж которыми сотни верст.
Там о женщине в шестьдесят
«Эк, в соку еще!» — говорят,
И, по мнению сибиряка,
Наша водочка не крепка.

Говорят, что в себя вобрал
Столько рек и речек Байкал,
Сколько дней в году и ночей,
Что и песни самой звончей!
Но из множества этих рек,
Чей красив тревожный разбег,
Лишь одну — Ангару — назвал
Милой дочкой своей Байкал.
У Байкала руки щедры,—
Не скупясь, ей вручил дары,
Что копил века и века,
И теперь вода Ангары
И прозрачна и широка.

IV

Река разорвала, разъярена,
Кольчугу ледяную Падуна,

Отпрянула от векового ложа,
Тайгу красою дикою тревожа.

Годами — в комариный зной, в пургу —
Врубались люди в древнюю тайгу.

У них болота жизнь отнять хотели,
Кружили их бураны и метели,

Но холод побеждала мощь тепла,
Но пела неустанная пила,

Не молкли голоса лесоповала:
Тайга, как вражье войско, отступала.

Ночные звезды в тех лесных местах
Спускаются на тоненьких шестах

И видят, слышат, как, шумя листвою,
Тайга качает буйной головою:

«Кто, кто сюда осмелился прийти,
Чтоб Ангару свернуть с ее пути?

Подумайте, на что это похоже:
Ужель река свое покинет ложе?

Там, где мои деревья встали в рост,
Скорей железный уберите мост,

Не то плотину да и мост железный
Низвергнет Ангара в объятья бездны!»

V

Над непокорной Ангарою,
Где грохотал водоворот,
Холодной, вьюжною порою
Поднялся вертолет.

Пощады род людской не просит?
Река становится лютей.
Ждет: на руки ей ветер сбросит
Летающих людей.

Но за шасси вдруг зацепился
Опасный ящик: динамит!
Повис он там, где вихрь клубился,
Бикфордов шнур дымит!

Дрожит дымок во мгле небесной
От подпаленного шнура,

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

А вертолет скользит над бездной,
Где злится Ангара.

Мгновение — и вихрь жестокий
Его швырнет на дно реки,
Чтобы в неистовом потоке
Погибли смельчаки.

Не молкнет гул водоворота.
О время, свой замедли бег:
Под самым люком вертолета —
Ты видишь — человек!

Все ближе ящик с динамитом,
Что угрожал толпе людской,—
Но ящик оказался сбитым
Уверенной рукой.

Взрыв грянул над водой стремнины
И даль таежную потряс.
Отвел он гибель от плотины,
Людей от смерти спас.

VI

Пусть не в области,
пусть не в столице,
Напечатан ли парня портрет?
Но, увы, на газетной странице
Ни портрета, ни имени нет.

Может, с помощью радио станет
Тот безвестный смельчак знаменит,
И добром его каждый помянет?
Но и радио тоже молчит.

Разве подвига не совершил он?
Разве жизни людские не спас?
Разве, добрые люди, от вас
Благодарности не заслужил он?

VII

Всю страну изъездив, наконец
Путь направил я к родному дому.
Я Эльбрусу доложил седому,
Будто славой присланный гонец:

Был я в Забайкалье, в Заонежье,
На Дону, среди степных дорог,
На Кавказе, на морском безбрежье,
А героя отыскать не смог...

Мой старик не прерывал рассказа,
Долго шла беседа с Шат-горой.
Он, Эльбрус, уверен: сын Кавказа —
Этот нам неведомый герой!

Он казак кубанский, иль чеченец,
Иль грузин пришел из-за гряды
Снежных скал? Иль это уроженец
Навсегда мне милой Кабарды?

Он, быть может, дагестанский горец?
Армянин? Иль осетин-дигорец?
Русский? Предсказать я не берусь,
Но его, как сына, ждет Эльбрус!

Ждет его и та, о ком мечталось
Парню над рекой вечеровой
Так, что в сердце места не осталось
Для мечты о славе мировой.

К ним придут и горы вековые,
Свадебные принесут дары
И увидят, может быть, впервые
Славного героя Ангары.

И, придя на праздник небывалый,
Станут в круг, запляшут, запоют,
И на свадьбе снежные обвалы
Прогремят, как праздничный салют.

Мой герой, безвестный и далекий,
Отзовись! В мои войди ты строки
Всей упорной силой мастерства,
Ты стихи наполни правдой жгучей,
Стань для них мелодией певучей,
Если есть для музыки слова!

Перевел с кабардинского
С. ЛИПКИН.

Братск.

ОТ ИНСБРУКА ДО ТОКИО

Отличный подарок преподнесло нам издательство «Физкультура и спорт»: вышел объемистый том, посвященный сразу двум олимпиадам[1]. Листаешь его страницы — и перед тобой возникает олимпийский год со всеми его радостями и горестями, успехами и неудачами. Короткие, но исчерпывающие обзоры большого коллектива авторов (вступительная статья М. Шишигина), разнообразные, исключительно динамичные снимки, и цветные и черные, Л. Бородулина, М. Боташева, М. Ефимова, А. Короткова, Б. Светланова, Ю. Сомова раскрывают перед нами яркие картины спортивной борьбы, которая началась в австрийских Альпах и закончилась на земле Японии.

Мне не довелось побывать в Инсбруке, ведь в то время мы уже готовились к борьбе в Токио, но разве могли мы, представители летних видов спорта, оторваться в те дни от телевизоров, не радоваться успеху Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова — замечательных фигуристов, новому триумфу наших хоккеистов, четырем золотым медалям Лидии Скобликовой, победе скорохода Антса Антсона, лыжницы Клавдии Боярских, биатлониста Владимира Меланина! И вот они все снова перед нами. А потом, простившись с Инсбруком, на страницах этого великолепного альбома, с большим вкусом оформленного художниками В. Березкиным, Н. Лобаневым и художественным редактором Е. Галинским, мы совершаем путешествие в Токио.

Естественно, что львиная доля из 480 страниц этой книги занята участниками летней олимпиады: ведь в ее программу входили 23 вида спорта, в ней приняли участие около 6 тысяч человек из 94 стран мира. И после всех просчетов и неудач, в первую очередь допущенных нами, легкоатлетами (увы, этого из строки не вычеркнешь), советские спортсмены все же оказались победителями и привезли на Родину 30 золотых, 31 серебряную и 35 бронзовых медалей.

Листаешь страницу за страницей — и перед тобой снова возникают дни, отданные борьбе и дружбе. Проходят участники торжественного парада, вбегает на переполненный стадион ровесник Хиросимы — Иошинори Сакаи, вступают в борьбу легкоатлеты, пловцы, боксеры, штангисты. А вот и первые олимпийские чемпионы — обладательницы трех золотых медалей — сестры Тамара и Ирина Пресс и метатель молота Р. Клим.

Сколько же знакомых лиц промелькнуло передо мной! Вот счастливо улыбаются героиня олимпийского бассейна Галина Прозуменщикова и гребец Вячеслав Иванов, неувядаемая гимнастка Лариса Латынина и штангист Леонид Жаботинский...

Страница за страницей. И все это уже история! А когда закрываешь эту книгу, вобравшую в себя весь пыл спортивных страстей, то думаешь: ну что ж, не успеем мы и оглянуться, как перед нами ляжет новый объемистый том — Гренобль — Мехико.

Валерий БРУМЕЛЬ,
чемпион XVIII Олимпийских игр

[1] Год олимпийский. Инсбрук. 1964. Девятые зимние Олимпийские игры. Токио. 1964. Восемнадцатые летние Олимпийские игры. Издательство «Физкультура и спорт». Составитель В. Денисов. Москва. 1965.

РАСКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Пять тысяч метров — 12,5 круга по стадиону — одна из самых «сюжетных» дистанций обширной беговой программы, состоящей из тринадцати номеров. Судите сами. С 1954 по 1957 год кипела на беговых дорожках борьба, которую вел Владимир Куц с английскими стайерами К. Чатауэем, Г. Пири и венгерским бегуном Ш. Ихарошем. Последний рекорд Куца — 13 минут 35 секунд — был установлен им в Риме и простоял незыблемо восемь лет. Он оказался самым старым мировым рекордом, и все попытки лучших стайеров превзойти его кончались неудачей. Но в январе 1965 года нашелся наконец преемник Владимира Куца. Им стал австралиец Рон Кларк.

Кларку удалось пробежать 5 тысяч метров за 13 минут 34,8 секунды, спустя две недели он улучшил свой результат еще на 1,2 секунды, а в июне добился нового успеха — 13 минут 25,8 секунды.

— Ну, это надолго! — говорили знатоки.

Правда, вслед за австралийцем в том же июне 1965 года удалось и первому европейскому стайеру французу Мишелю Жази пробежать 5 тысяч метров лучше, чем Куц,— за 13 минут 27,6 секунды. Но этот результат уступал рекорду Кларка. Однако внимание специалистов привлек другой бегун, занявший второе место на этих соревнованиях в Хельсинки,— 25-летний спортсмен из Кении Кипчого Кейно.

До этого мы впервые увидели Кейно на Токийской олимпиаде, где он занял в беге на 5 тысяч метров пятое место, а теперь он и на европейской земле показал высокий результат — 13 минут 28,2 секунды. Стайер-новичок стремительно прогрессировал. Вскоре он победил Кларка, показав 13 минут 26,2 секунды, а затем, в конце ноября 1965 года, когда легкоатлетический сезон в Европе закончился, из далекой Новой Зеландии пришло поразительное сообщение: в городе Окленде, на стадионе «Уэстернспрингс», в борьбе с новозеландцем В. Бейли и югославом Ф. Черваном Кейно пробежал 5 тысяч метров за 13 минут 24,2 секунды, побив мировой рекорд Рона Кларка.

И вот перед нами снова два сильнейших стайера мира — Кипчого Кейно и Рональд Кларк. Этот снимок сделан 21 декабря

1965 года в Мельбурне. Бег ведет Кларк, но Кейно обошел австралийца на финише.

Итак, легкоатлетический сезон продолжается. Сейчас в Новой Зеландии тренируются и выступают советские бегуны — Леонид Иванов, Виктор Кудинский и Олег Райко. А готовит их к борьбе с лучшими стайерами мира экс-рекордсмен мира в беге на 5 тысяч метров Владимир Куц.

В. ВИКТОРОВ

ЧЕМПИОН — СЫН ЗОЛУШКИ

Ия МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Будущий чемпион в холодных, тихих подземельях.

Соискателей было восемьсот шестьдесят четыре. Среди них выдержанные, игристые, сухие, красные, белые, шипучие — всякие... Собрались они здесь со всех концов мира и терпеливо ждали признания своих достоинств.

Экзаменаторов тоже было немало: двадцать три из восемнадцати стран. Они добросовестно трудились целую декаду. Десять дней с утра до вечера поднимали бокалы, взбалтывали их слегка, чтобы рассмотреть чистоту и игру цвета, вдыхали аромат, брали толику на язык.

...В Тбилиси проходил — впервые в СССР — Международный конкурс виноградных вин. И когда все было закончено — открылись тщательно законспирированные имена соискателей, выявились медалисты,— захотелось узнать: а кто же все-таки лучший из лучших? Кто набрал наивысшее количество баллов?

Еще раз просмотрели дегустационные листы членов Международного жюри: 19,36 из 20 возможных получило «салхино». «Салхино» стало чемпионом мира.

Кто-то из французов приписал на дегустационном листе: «Гранд вино!..» Вспомнили и такой случай, происшедший два года назад тоже в Тбилиси, на 10-м Международном конгрессе виноградарей и виноделов: участник конгресса, итальянец, пил это вино, преклонив колено.

Эмоции? Почему бы и нет? «Салхино» в переводе с грузинского означает — для пира, для отрады. Вот люди и радуются: очень вкусно, приятно, поднимает настроение. А что еще нужно? От вина — больше ничего. Остальное зависит от самого человека.

Родина чемпиона — берега Риони в Западной Грузии. Красивый лес, красивый вид на долину. Винный завод с рабочим поселком Варцихе стоит на высоком берегу, обдуваемом всеми ветрами.

И вдруг неожиданность: это вино здесь непопулярно. Как же оно появилось на свет без любви? Но любовь была. Не к вину — к своему краю.

В середине двадцатых годов молодая республика только становилась на ноги. Крестьяне Западной Грузии жили скверно: фасоль, кукуруза и диний, вьющийся по деревьям виноград «изабелла», который переселился в эти места из Одессы. Виноград никудышный, грошовый. Виноделы на него и смотреть не хотели.

А винодельческая промышленность в республике постепенно набирала темпы. Можно было бы и продавать вино за пределы Грузии, да только к сухим некрепленым винам не было еще вкуса ни у кого, кроме грузин.

И тут появляется человек, который берется быстро решить обе эти проблемы — сбыт крестьянского винограда и производство вина, на которое есть спрос. Он берет простушку, замарашку «изабеллу», усматривает в ней частичку великолепных тонов, которыми так богаты крымские мускаты, создает оригинальную технологию и делает «салхино» — великолепное десертное вино, мягкое, с медовым букетом, шоколадного цвета, с гранатовым оттенком. Крестьяне сдают на винзаводы свою неприхотливую кормилицу. И «салхино» находит потребителя во всех (кроме Грузии!) уголках страны.

Автор «салхино» создал еще много вин, награжденных золотыми медалями на международных выставках: «карданахи», «саамо», «хихви». Сам Михаил Иванович Калинин вручил ему в Кремле ордена «Знак Почета», Трудового Красного Знамени...

Давно нет в живых Валериана Антоновича Канделаки. Но если вам, читатель, доведется поднять чарку с лучшим в мире виноградным напитком, вспомните его, воспитанника Никитского училища, доброго грузинского винодела. Вино тоже требует искусства, таланта и любви.

У Валериана Антоновича остались на Варцихском заводе хорошие ученики: главный винодел Отари Ломадзе, главный технолог Амбросий Саникидзе. «Салхино» готовится только здесь. Сюда крестьяне свозят все ту же золушку «изабеллу». Кстати, в иных дворах она обвивает сразу по нескольку деревьев, а у винодела Нико Дьяконидзе одна лоза увила в этом году 25 деревьев и дала трехтонный урожай.

Здесь, на Варцихском заводе, из дикарки хитроумным способом выжимают в чанах все соки, купажируют с виноградным медом, выдерживают три года в дубовых бочках — то под горячим рионским солнцем, то в холодных, тихих подземельях. Словом, не оберешься хлопот с чемпионом, пока его крепость не достигнет 15 градусов, а сахаристость — 30 процентов.

Старенький завод с глубокими, двухъярусными подвалами давно уже распирает от тесноты. Потребность в «салхино» увеличивается. Сейчас его выпускают в два раза больше, чем несколько лет назад. Ведь «салхино» завоевало на международных выставках четыре золотых медали!...

На Варцихском заводе нам сказали:

— «Салхино» не пьют, его вкушают!..

Потом старший винодел Жора Цуцхвашвили сбегал домой, принес чинчилку — маленький глиняный сосуд с узким горлышком.

— Не рюмкой, не бокалом, а только так, понемножечку...— сказал он.

Потому что хорошее вино надо не только уметь сделать, но и уметь вкусить.

Лаборатория. Крепость вина должна составлять 15 градусов, сахаристость — 30 процентов.

Главный технолог Амбросий Саникидзе доволен цветом вина.

Золотая медаль «салхино».

Фантастический рассказ

Роберт ШЕКЛИ

Ему как будто послышался чей-то голос. Но, может быть, просто померещилось? Стараясь припомнить, как все это произошло, Джо Коллинз знал только, что он лежал на постели слишком усталый, чтобы снять с одеяла ноги в насквозь промокших башмаках. Он не отрываясь смотрел на расползшуюся по грязному, желтому потолку паутину трещин и следил, как сквозь трещины медленно, тоскливо, капля за каплей просачивается вода.

Вот тогда, по-видимому, это и произошло. Коллинзу показалось, будто что-то металлическое поблескивает возле его кровати. Он приподнялся и сел. На полу стояла какая-то машина. Там, где раньше никакой машины не было.

И когда Коллинз уставился на нее в изумлении, где-то далеко-далеко незнакомый голос произнес: «Ну вот! Это уже все!»

А может быть, это ему и послышалось. Но машина, несомненно, стояла перед ним на полу.

Коллинз опустился на колени, чтобы ее обследовать. Машина была похожа на куб — фута три в длину, в ширину и в высоту — и издавала негромкое жужжание. Серая зернистая поверхность ее была совершенно одинакова со всех сторон, только в одном углу помещалась большая красная кнопка, а в центре — бронзовая дощечка. На дощечке было выгравировано: «Утилизатор класса «А», серия АА-1256432». А ниже стояло: «Этой машиной можно пользоваться только по классу «А».

Вот и все.

Никаких циферблатов, рычагов, выключателей — словом, никаких приспособлений, какими, по мнению Коллинза, должна обладать каждая машина. Просто бронзовая дощечка, красная кнопка и жужжание.

— Откуда ты взялась? — спросил Коллинз.

Утилизатор класса «А» продолжал жужжать. Коллинз, собственно говоря, и не ждал ответа. Сидя на краю постели, он задумчиво рассматривал Утилизатор. Теперь вопрос сводился к следующему: что с ним делать?

Коллинз осторожно коснулся красной кнопки, вполне отдавая себе отчет в том, что у него нет никакого опыта обращения с машинами, которые падают с неба. Что будет, если нажать эту кнопку? Провалится пол? Или маленькие зеленые человечки прыгнут в комнату через потолок?

Но чем он рискует? Он легонько нажал на кнопку.

Ничего не произошло.

— Ну что ж, сделай что-нибудь,— сказал Коллинз, чувствуя себя несколько подавленным.

Утилизатор продолжал все так же тихонько жужжать.

Ладно, во всяком случае, машину всегда можно заложить. Честный Чарли даст ему не меньше доллара за один металл. Коллинз попробовал приподнять Утилизатор. Он не приподнимался. Коллинз попробовал снова, натужился что было мочи, и ему удалось на дюйм-полтора приподнять один угол машины над полом. Он выпустил машину и, тяжело дыша, присел на кровать.

— Тебе бы следовало прислать мне на помощь парочку дюжих ребят,— сказал Коллинз Утилизатору.

Жужжание тотчас стало значительно громче, и машина даже начала вибрировать.

Коллинз ждал, но по-прежнему ничего не происходило. Словно по какому-то наитию, он протянул руку и ткнул пальцем в красную кнопку.

Двое здоровенных мужчин в грубых рабочих комбинезонах тотчас возникли перед ним. Они окинули Утилизатор оценивающим взглядом. Один из них сказал:

— Слава тебе господи, это не самая большая модель. За те, огромные, никак не ухватишься.

Второй ответил:

— Все же это будет похлестче, чем ковырять мрамор в каменоломне, как ты считаешь?

Они уставились на Коллинза, который уставился на них. Наконец первый сказал:

— Ладно, приятель, мы не можем прохлаждаться тут целый день. Куда ее тащить?

— Кто вы такие? — прохрипел наконец Коллинз.

— Такелажники. Разве мы похожи на сестер Ванзагги?

— Но откуда вы взялись? — спросил Коллинз.

— Мы от Такелажной фирмы «Поуха Минайл»,— сказал один.— Пришли, потому что ты требовал такелажников, ясно почему. Ну, куда тебе ее?

— Уходите,— сказал Коллинз.— Я вас потом позову.

Такелажники пожали плечами и исчезли. Коллинз минуты две смотрел туда, где они только что стояли. Затем перевел взгляд на Утилизатор класса «А», который теперь снова мирно жужжал.

Утилизатор? Он мог бы придумать для машины название и получше.

«Исполнительница Желаний», например.

Нельзя сказать, чтобы Коллинз был очень уж потрясен. Когда происходит что-либо сверхъестественное, только тупые, умственно ограниченные люди не в состоянии этого принять. Коллинз, несомненно, был не из их числа. Он был блестяще подготовлен к восприятию чуда.

Почти всю свою жизнь он мечтал, надеялся, молил судьбу, чтобы с ним случилось что-нибудь необычайное. В школьные годы он мечтал, как проснется однажды утром и обнаружит, что скучная необходимость учить уроки отпала, так как все выучилось само собой. В армии он мечтал, что появятся какие-нибудь феи или джины, подменят его наряд, и, вместо того чтобы маршировать в строю, он окажется дежурным по казарме.

Демобилизовавшись, Коллинз долго отлынивал от работы, так как психологически не чувствовал себя к ней подготовленным. Он плыл по воле волн и снова мечтал, что какой-нибудь сказочно богатый человек возымеет желание изменить свою Последнюю Волю и оставит ему все.

По правде говоря, он, конечно, не ожидал, что какое-нибудь такое чудо может и в самом деле произойти. Но когда оно все-таки произошло, он уже был к нему подготовлен.

— Я бы хотел иметь тысячу долларов мелкими бумажками с незарегистрированными номерами,— боязливо произнес Коллинз.

Когда жужжание усилилось, он нажал кнопку. Большая куча грязных пяти- и десятидолларовых бумажек выросла перед ним. Это не были новенькие шуршащие банкноты, но это, несомненно, были деньги.

Коллинз подбросил вверх целую пригоршню бумажек и смотрел, как они, красиво кружась, медленно опускаются на пол. Потом снова улегся на постель и принялся строить планы.

Прежде всего надо вывезти машину из Нью-Йорка куда-нибудь на север штата, в тихое местечко, где любопытные соседи не будут совать к нему свой нос. При таких обстоятельствах, как у него, подоходный налог может стать довольно деликатной проблемой. А впоследствии, когда все наладится, можно будет перебраться в центральные штаты или...

В комнате послышался какой-то подозрительный шум.

Коллинз вскочил на ноги. В стене образовалось отверстие, и кто-то с шумом ломился в эту дыру.

— Эй! Я у тебя ничего не просил! — крикнул Коллинз машине.

Отверстие в стене расширялось. Показался грузный краснолицый мужчина; он сердито старался пропихнуться в комнату и уже вылез из стены наполовину.

Коллинз внезапно сообразил, что все машины, как правило, кому-нибудь принадлежат. Любому владельцу Исполнительницы Желаний не понравится, если машина пропадет. И он пойдет на все, чтобы вернуть ее себе. Он может не остановиться даже и перед...

С. Щедрин. ЗАРОСШИЙ ГРОТ В СОРРЕНТО.

ВИД С ГОР НА НЕАПОЛЬ И ВЕЗУВИЙ.

С. Щедрин. НОВЫЙ РИМ.

РАЗВАЛИНЫ В БАЙЯХ БЛИЗ НЕАПОЛЯ.

— Защити меня! — крикнул Коллинз Утилизатору и вонзил палец в красную кнопку.

Появился маленький лысый человечек в яркой пижаме, зевая, явно спросонок.

— Временная Служба Охраны Стен «Саниса Лиик»,— сказал он, протирая глаза.— Я Лиик. Чем могу быть вам полезен?

— Уберите его отсюда! — взвизгнул Коллинз.

Краснолицый, дико размахивая руками, уже почти совсем вылез из стены.

Лиик вынул из кармана пижамы кусочек блестящего металла. Краснолицый закричал:

— Постой! Ты не понимаешь! Этот малый...

Лиик направил на него свой кусочек металла. Краснолицый охнул и исчез. Почти тотчас отверстие в стене пропало тоже.

— Вы убили его? — спросил Коллинз.

— Разумеется, нет,— ответил Лиик, пряча в карман кусочек металла.— Я просто повернул его вокруг оси. Тут он больше не полезет.

— Вы хотите сказать, что он будет искать других путей? — спросил Коллинз.

— Не исключено,— сказал Лиик.— Он может испробовать Микротрансформацию или даже Одушевление.— Он пристально, испытующе поглядел на Коллинза.— А это ваш Утилизатор?

— Ну, конечно,— сказал Коллинз, покрываясь испариной.

— А вы по классу «А»?

— А то как же? — сказал Коллинз.— Иначе на что бы мне эта машина?

— Не обижайтесь,— сонно произнес Лиик.— Это я по-дружески.— Он медленно покачал головой.— И куда только вашего брата по классу «А» не заносит! Зачем вы сюда вернулись? Верно, пишете какой-нибудь исторический роман?

Коллинз только загадочно улыбнулся в ответ.

— Ну, мне надо спешить дальше,— сказал Лиик, зевая во весь рот.— День и ночь на ногах. В каменоломне было куда лучше.

И он пропал, не закончив нового зевка.

Дождь все еще шел, и с потолка капало. Из вентиляционной шахты доносилось чье-то мирное похрапывание. Коллинз снова был один на один со своей машиной.

И с тысячью долларов в мелких бумажках, разлетевшихся по всему полу. Он нежно похлопал Утилизатор. Эти самые — по классу «А» — неплохо его сработали. Захотелось чего-нибудь? Достаточно произнести вслух и нажать кнопку. Понятно, что настоящий владелец тоскует по ней.

Лиик сказал, что, быть может, владелец будет пытаться завладеть ею другим путем. А каким?

Да не все ли равно? Тихонько насвистывая, Коллинз стал собирать деньги. Пока у него эта машина, он себя в обиду не даст.

В последующие несколько дней в образе жизни Коллинза произошла резкая перемена. С помощью такелажников фирмы «Поуха Минайл» он переправил Утилизатор на север. Там он купил небольшую гору в пустынной части Адирондакского горного массива и, получив купчую на руки, углубился в свои владения на несколько миль от шоссе. Двое такелажников, обливаясь пóтом, тащили Утилизатор и уныло бранились, когда приходилось продираться сквозь заросли.

— Поставьте его здесь и убирайтесь,— сказал Коллинз. За последние дни его уверенность в себе чрезвычайно возросла.

Такелажники устало вздохнули и испарились. Коллинз огляделся по сторонам. Кругом, насколько хватал глаз, стояли густые сосновые и березовые леса. Воздух был влажен и душист. В верхушках деревьев весело щебетали птицы. Порой среди ветвей мелькала белка.

Природа! Коллинз всегда любил природу. Вот отличное место для постройки просторного, внушительного дома с плавательным бассейном, теннисным кортом и, быть может, с маленьким аэродромом.

— Я хочу дом,— твердо проговорил Коллинз и нажал красную кнопку.

Появился человек в аккуратном деловом сером костюме и в пенсне.

— Конечно, сэр,— сказал он, косясь прищуренным глазом на деревья,— но вам все-таки следует несколько подробнее развить свою мысль. Хотите ли вы что-нибудь в классическом стиле, вроде бунгало, ранчо, усадебного дома, загородного особняка, замка, дворца? Или что-нибудь примитивное, на манер шалаша или иглу? По классу «А» вы можете построить себе и что-нибудь ультрасовременное, например, дом с полуфасадом, или здание в духе Обтекаемой Протяженности, или дворец в стиле Миниатюрной Пещеры.

— Как вы сказали? — переспросил Коллинз.— Я не знаю. А что бы вы посоветовали?

— Небольшой загородный особняк,— не задумываясь, ответил агент.— Они, как правило, всегда начинают с этого.

— Неужели?

— О, да. А потом перебираются в более теплый климат и строят себе дворцы.

Коллинз хотел спросить еще что-то, но передумал. Все шло как по маслу. Эти люди считали, что он класс «А» и настоящий владелец Утилизатора. Не было никакого смысла разочаровывать их.

— Позаботьтесь, чтоб все было в порядке,— сказал он.

— Конечно, сэр,— сказал тот.—Это моя обязанность.

Остаток дня Коллинз провел, возлежа на кушетке и потягивая ледяной напиток, в то время как Строительная Контора «Максимо Олф» материализовала необходимые строительные материалы и возводила дом.

Получилось длинное приземистое сооружение из двадцати комнат, показавшееся Коллинзу в его изменившихся обстоятельствах крайне скромным. Дом был построен из наилучших материалов по проекту знаменитого Мига из Дегмы, интерьер был выполнен Тоуиджем, при доме имелся Муловский плавательный бассейн и английский парк, разбитый по эскизу Виериена.

К вечеру все было закончено, и небольшая строительная бригада сложила свои инструменты и пропала.

Коллинз повелел своему повару приготовить легкий ужин. Потом он сидел в просторной, прохладной гостиной, перебирая в уме только что происшедшие события. Напротив него на полу, мелодично жужжа, стоял Утилизатор.

Коллинз закурил дорогую сигару и вдохнул ее аромат. Прежде всего он решительно отверг всякие сверхъестественные объяснения случившегося. Разные там духи или демоны были тут совершенно ни при чем. Его дом был выстроен самыми обыкновенными человеческими существами, которые смеялись, божились, сквернословили, как всякие человеческие существа. Утилизатор был просто хитроумным научным изобретением, механизм которого был ему неизвестен и познакомиться с которым он не стремился.

Мог ли Утилизатор попасть к нему с другой планеты? Непохоже. Едва ли там стали бы ради него изучать английский язык.

Утилизатор, по-видимому, попал к нему из Будущего. Но как?

Коллинз откинулся на спинку кресла и задымил сигарой. Мало ли что бывает, сказал он себе. Разве Утилизатор не мог просто провалиться в Прошлое? Может же он создавать и то и это из ничего, а ведь это куда труднее.

Как же, должно быть, прекрасно это Будущее! — думал Коллинз. Машины — исполнительницы желаний! Какая вершина цивилизации! Все, что от вас требуется, это только пожелать себе чего-нибудь. Просто! Вот, пожалуйста! Со временем они, вероятно, упразднят и красную кнопку. Тогда все будет происходить без малейшей затраты мускульной энергии.

Конечно, он должен быть очень осторожен. Ведь все еще существует законный владелец машины и остальные представители класса «А». Они будут пытаться отнять у него машину. Возможно, это фамильная реликвия...

Краем глаза он уловил какое-то движение. Утилизатор дрожал, словно сухой лист на ветру.

Мрачно нахмурясь, Коллинз подошел к нему. Легкая дымка пара обволакивала вибрирующий Утилизатор. Было похоже, что он перегрелся.

Неужели он дал ему слишком большую нагрузку? Может быть, ушат холодной воды...

Тут ему бросилось в глаза, что Утилизатор заметно уменьшился в размерах. Теперь каждое из его трех измерений не превышало двух футов, и он продолжал уменьшаться прямо-таки на глазах.

Владелец! Или, может быть, эти, из класса «А»! Вероятно, это и есть Микротрансформация, о которой говорил Лиик. Если тотчас чего-нибудь не предпринять, сообразил Коллинз, его Исполнительница Желаний уменьшится до ничтожных размеров и станет невидимой.

— Охранная Служба «Лиик»! — выкрикнул Коллинз. Он надавил на кнопку и поспешно отдернул руку. Машина сильно накалилась.

Лиик в гольфах, спортивной рубашке и с клюшкой в руках появился в углу.

— Неужели необходимо каждый раз беспокоить меня, как только я...

— Сделай что-нибудь! — воскликнул Коллинз, указывая на Утилизатор, который был уже не больше одного кубического фута в объеме и раскалился докрасна.

— Ничего я не могу сделать,— сказал Лиик.— У меня патент только на возведение временных стен. Вам нужно обратиться в Микроконтроль.— Он помахал ему своей клюшкой и был таков.

— Микроконтроль! — заорал Коллинз и потянулся к кнопке. Но тут же отдернул руку. Кубик Утилизатора не превышал теперь четырех дюймов. Он стал вишнево-красным и весь сверкал. Кнопка, уменьшившаяся до размеров булавочной головки, была почти неразличима.

Коллинз обернулся, схватил подушку, навалился на машину и надавил кнопку.

Появилась девушка в роговых очках, с блокнотом в руке и карандашом, нацеленным на блокнот.

— Кого вы хотите пригласить? — невозмутимо спросила она.

— Скорей помогите мне! — завопил Коллинз, с ужасом глядя, как его бесценный Утилизатор делается все меньше и меньше.

— Мистера Вергона нет на месте, он обедает,— сказала девушка, задумчиво покусывая карандаш.— Он объявил себя вне предела досягаемости. Я не могу его вызвать.

— Кого вы можете вызвать?

Она заглянула в блокнот.

— Мистер Вис сейчас в Прошедшем Сослагательном, а мистер Илгис возводит оборонительные сооружения в Палеолитической Европе. Если вы очень спешите, может быть, вам лучше обратиться в Транзит-Контроль. Это небольшая фирма, но они...

— Транзит-Контроль! Ладно, исчезни! — Коллинз сосредоточил все свое внимание на Утилизаторе и придавил его дымящейся подушкой. Ничего не последовало. Утилизатор был теперь едва ли больше кубического дюйма, и Коллинз понял, что сквозь подушку ему не добраться до ставшей почти невидимой кнопки.

У него мелькнула было мысль махнуть рукой на Утилизатор. Может быть, уже пора. Можно продать дом, обстановку, получится довольно кругленькая сумма...

Нет! Он еще не успел пожелать себе ничего по-настоящему значительного! И не откажется от этой возможности без борьбы!

Стараясь не зажмуривать глаз, он ткнул в раскаленную добела кнопку негнущимся указательным пальцем.

Появился тощий старик в потрепанной одежде. В руке у него было нечто вроде ярко расписанного пасхального яйца. Он бросил его на пол. Яйцо раскололось, из него с ревом вырвался оранжевый дым, и микроскопический Утилизатор мгновенно всосал этот дым в себя, после чего тяжелые, плотные клубы дыма взмыли вверх, едва не задушив Коллинза, а Утилизатор начал принимать свою прежнюю форму. Вскоре он достиг нормальной величины и был, казалось, нисколько не поврежден. Старик отрывисто кивнул.

— Мы работаем по старинке, но зато на совесть,— сказал он, снова кивнул и исчез.

И опять Коллинзу показалось, что откуда-то издалека до него донесся чей-то сердитый возглас.

Потрясенный, обессиленный, он опустился на пол перед машиной. Обожженный палец жгло и дергало.

— Вылечи меня,— пробормотал он пересохшими губами и надавил кнопку здоровой рукой.

Утилизатор зажужжал громче, а потом умолк совсем. Боль в пальце утихла. Коллинз взглянул на него и увидел, что от ожога не осталось и следа, даже ни малейшего шрама.

Коллинз налил себе основательную порцию коньяку и не медля ни минуты лег в постель. В эту ночь ему приснилось, что за ним гонится гигантская буква «А», но, пробудившись, он забыл свой сон.

Прошла неделя, и Коллинз убедился, что поступил крайне опрометчиво, построив себе дом в лесу. Чтобы спастись от зевак, ему пришлось потребовать себе целый взвод солдат для охраны, а охотники стремились во что бы то ни стало расположиться в его английском парке.

К тому же Департамент Государственных Сборов начал проявлять живой интерес к его доходам.

А главное, Коллинз сделал открытие, что он не так уж обожает природу в конце-то концов. Птички и белочки — все это, конечно, чрезвычайно мило, но с ними ведь особенно не разговоришься. А деревья, хоть и очень красивы, никак не годятся в собутыльники.

Коллинз решил, что в душе он человек городской.

Поэтому с помощью такелажников «Поуха Минайл», Строительной Конторы «Максимо Олф», Бюро Мгновенных Путешествий «Ягтон» и крупных денежных сумм, врученных кому следует, Коллинз перебрался в маленькую республику в центральной части американского континента. И поскольку климат здесь был теплее, а подоходного налога не существовало вовсе, он построил себе большой, крикливо роскошный дворец, снабженный всеми необходимыми аксессуарами: кондиционированным воздухом, конюшней, псарней, павлинами, слугами, механиками, сторожами, музыкантами, балетными труппами — словом, всем, чем должен располагать каждый дворец. Коллинзу потребовалось две недели, чтобы ознакомиться со своим новым жильем.

До поры до времени все шло хорошо.

Как-то утром Коллинз подошел к Утилизатору, думая, не попросить ли ему спортивный автомобиль или небольшое стадо племенного скота. Он наклонился к серой машине, протянул руку к красной кнопке...

И Утилизатор отпрянул от него в сторону.

В первую секунду Коллинзу показалось, что у него начинаются галлюцинации, и даже мелькнула мысль бросить пить шампанское перед завтраком. Он шагнул вперед и потянулся к красной кнопке.

Утилизатор ловко выскользнул из-под его руки и на рысях выбежал из комнаты.

Коллинз во весь дух припустился за ним, проклиная владельца и весь класс «А». По-видимому, это было то самое Одушевление, о котором говорил Лиик: владельцу каким-то способом удалось придать машине подвижность. Но нечего ломать над этим голову! Нужно только догнать машину, нажать кнопку и вызвать ребят из Контроля Одушевления!

Утилизатор несся через зал. Коллинз бежал за ним по пятам. Младший дворецкий, начищавший массивную дверную ручку из литого золота, застыл на месте, разинув рот.

— Остановите ее! — крикнул Коллинз.

Младший дворецкий неуклюже шагнул вперед, преграждая Утилизатору путь. Машина, грациозно вильнув в сторону, обошла дворецкого и стрелой помчалась к выходу.

Коллинз успел подскочить к рубильнику, и дверь с треском захлопнулась.

Утилизатор взял разгон и прошел сквозь запертую дверь. Очутившись снаружи, он споткнулся о садовый шланг, но быстро восстановил равновесие и устремился за ограду в поле.

Коллинз мчался за ним. Если б только подобраться к нему поближе...

Утилизатор внезапно прыгнул вверх. Несколько секунд он висел в воздухе, а потом упал на землю. Коллинз ринулся к кнопке. Утилизатор увернулся, разбежался и снова подпрыгнул. Он висел футах в двадцати над головой Коллинза. Потом взлетел по прямой еще выше, остановился, бешено завертелся волчком и упал.

Коллинз испугался: вдруг Утилизатор подпрыгнет в третий раз, совсем уйдет вверх и не вернется? Когда Утилизатор приземлился, Коллинз был начеку. Он сделал ложный выпад и, изловчившись, нажал кнопку. Утилизатор не успел увернуться.

— Контроль Одушевления! — торжествующе выкрикнул Коллинз.

Раздался слабый звук взрыва, и Утилизатор послушно замер. От Одушевления не осталось и следа.

Коллинз вытер вспотевший лоб и сел на машину. Враги все ближе и ближе. Надо поскорее, пока еще есть возможность, пожелать чего-нибудь грандиозного.

Быстро, одно за другим он попросил себе пять миллионов долларов, три функционирующих нефтяных источника, киностудию, безукоризненное здоровье, еще двадцать пять штук танцовщиц, бессмертие, спортивный автомобиль и стадо племенного скота.

Ему показалось, что кто-то хихикнул. Коллинз вскочил и поглядел по сторонам. Кругом не было ни души.

Когда он снова обернулся, Утилизатор исчез.

Он стоял глядя во все глаза. И в следующее мгновение он исчез тоже.

Коллинз открыл глаза и увидел, что стоит перед столом. За столом сидел грузный краснолицый мужчина, который первоначально пытался пробиться к нему в комнату сквозь стену. Он не казался сердитым. Скорее вид у него был умиротворенный и даже меланхоличный.

С минуту Коллинз стоял молча; ему было жаль, что все кончилось. Владелец и класс «А» поймали его в конце концов. Но все-таки это было великолепно!

— Ну,— сказал наконец Коллинз,— вы получили обратно свою машину, что же вам теперь еще нужно от меня?

— Мою машину? — повторил краснолицый, с недоверием глядя на Коллинза.— Это не моя машина, сэр. Отнюдь не моя.

Коллинз в изумлении воззрился на него.

— Не пытайтесь обдурить меня, мистер. Вы — класс «А» — хотите сохранить за собой монополию, разве не так?

Краснолицый отложил в сторону бумагу, которую он просматривал.

— Мистер Коллинз,— сказал он твердо,— меня зовут Флайн. Я агент Союза Охраны Граждан. Это чисто благотворительная, лишенная всяких коммерческих задач организация, и единственная цель, которую она себе ставит,— это защищать лиц, подобных вам, от возможных заблуждений на жизненном пути.

— Вы хотите сказать, что не принадлежите к классу «А»?

— Вы пребываете в глубочайшем заблуждении, сэр,— спокойно и с достоинством произнес Флайн.— Класс «А» — это не общественно-социальная категория, как вы, по-видимому, полагаете. Это всего-навсего форма кредита.

— Форма чего? — оторопело спросил Коллинз.

— Форма кредита.— Флайн поглядел на часы.— Времени у нас мало, и я постараюсь быть кратким. Мы живем в эпоху децентрализации, мистер Коллинз. Наша промышленность, торговля и административные учреждения довольно сильно разобщены во времени и пространстве. Акционерное общество «Утилизатор» является весьма важным связующим звеном. Оно занимается перемещением благ цивилизации с одного места на другое и прочими услугами. Вам понятно?

Коллинз кивнул.

— Кредит, разумеется, предоставляется автоматически. Но рано или поздно все должно быть оплачено.

Это уже звучало как-то неприятно. Оплачено? По-видимому, это все-таки не такое высокоцивилизованное общество, как ему сначала показалось. Ведь никто ни словом не обмолвился про плату. Почему же они заговорили о ней теперь?

— Почему никто не остановил меня? — растерянно спросил он.— Они же должны были знать, что я некредитоспособен.

Флайн покачал головой.

— Кредитоспособность — вещь доброволь-

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

ная, она не устанавливается законом. В цивилизованном мире всякой личности предоставлено право решать самой. Я очень сожалею, сэр.— Он поглядел на часы и протянул Коллинзу бумагу, которую просматривал.— Прошу вас взглянуть на этот счет и сказать, все ли здесь в порядке.

Коллинз взял бумагу и прочел:

Один дворец с оборудованием	450 000 000 Кр.
Услуги такелажников фирмы «Поуха Минайл», а также фирмы «Максимо Олф» . .	111 000 »
Сто двадцать две танцовщицы	122 000 000 »
Безукоризненное здоровье . .	888 234 031 »
. . . .	

Коллинз быстро пробежал глазами весь счет. Общая сумма слегка превышала восемнадцать биллионов Кредитов.

— Позвольте! — воскликнул Коллинз.— Вы не можете требовать с меня столько! Утилизатор свалился ко мне в комнату неизвестно откуда, просто по ошибке!

— Я как раз собираюсь обратить их внимание на это обстоятельство,— сказал Флайн.— Как знать? Быть может, они будут благоразумны. Во всяком случае, попытаемся, хуже не будет.

Все закачалось у Коллинза перед глазами. Лицо Флайна начало расплываться.

— Время истекло,— сказал Флайн.— Желаю удачи.

Коллинз закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, перед ним расстилалась унылая равнина, опоясанная скалистой горной грядой. Ледяной ветер, налетая порывами, стегал его по лицу, небо было серо-стального цвета.

Какой-то оборванный человек стоял рядом с ним.

— Держи,— сказал он и протянул Коллинзу кирку.

— Что это такое?

— Кирка,— терпеливо разъяснил человек.— А вон там каменоломня, где мы с тобой вместе с остальными будем добывать мрамор.

— Мрамор?

— Ну да. Всегда найдется какой-нибудь идиот, которому нужен мраморный дворец,— с кривой усмешкой отвечал человек.— Можешь звать меня Янг. Нам некоторое время придется поработать на пару.

Коллинз тупо поглядел на него.

— А как долго?

— Подсчитай сам,— сказал Янг.— Расценки здесь — пятьдесят Кредитов в месяц, и тебе будут их начислять, пока ты не покроешь свой долг.

Кирка выпала у Коллинза из рук. Они не могут этого сделать! Акционерное общество «Утилизатор» должно понять свою ошибку! Это же их вина, что машина провалилась в Прошлое. Не могут же они этого не знать!

— Все это сплошная ошибка! — сказал Коллинз.

— Никакая не ошибка,— сказал Янг.— У них большой недостаток в рабочей силе. Набирают где попало. Ну, пошли. Первую тысячу лет трудно, а потом привыкнешь.

Коллинз двинулся следом за Янгом, потом остановился.

— Первую тысячу лет? Я столько не проживу!

— Проживешь! — заверил его Янг.— Ты же получил бессмертие, забыл разве?

Да, он его получил. Он попросил себе бессмертие как раз в ту минуту, когда они отняли у него машину. А может быть, они взяли ее потом?

Вдруг Коллинз что-то припомнил. Странно, в том счете, который предъявил ему Флайн, бессмертия как будто не стояло вовсе.

— А сколько они насчитали мне за бессмертие? — спросил он.

Янг поглядел на него и рассмеялся.

— Не притворяйся простачком, приятель. Пора бы уже тебе кое-что сообразить.— Он подтолкнул Коллинза к каменоломне.— Ясное дело, этим-то они награждают задаром.

Перевела с английского Т. Озерская.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

У экс-чемпиона мира Макса Эйве имеется подушечка, на которой нарисована заключительная позиция его 30-й партии матча с А. Алехиным 15 декабря 1935 года. С этой партией связаны самые счастливые воспоминания в жизни Эйве. Но у шахматистов, разумеется, имеются не только радостные дни. Есть дни и печальные. Вспомним, что до встречи в Тбилиси счет Спасский — Таль был 5 : 1 в пользу Спасского. И все же, несомненно, что для Бориса Спасского эта одна проигранная партия является самой печальной в его жизни. Проиграв Талю в последнем туре XXV чемпионата СССР в Риге (1958 год), Б. Спасский лишился путевки на межзональный турнир в Югославии и на три года выбыл из борьбы за титул чемпиона мира.

— Это был для меня хороший урок, хотя и очень жестокий,— сказал Б. Спасский в Тбилиси.

Несомненно, что, готовясь к матчу, Спасский ни на минуту не забывал об этой рижской партии и до последнего момента играл с полным напряжением всех сил. Ведь Таль особенно опасен, когда ему уже нечего терять. Но и с таким Талем Спасский отлично справился в последней, 11-й партии матча. Она характерна для стиля игры сегодняшнего Бориса Спасского, который готов предоставить противнику возможность атаки. Он даже не прочь спровоцировать эту атаку с тем, чтобы затем перейти самому в решительное контрнаступление.

Приводим заключительный аккорд Бориса Спасского — 11-ю партию матча в Тбилиси.

ИСПАНСКАЯ ПАРТИЯ
М. Таль — Б. Спасский

1. e2—e4 ...

Почему М. Таль потерпел такое крупное поражение в матче? Экс-чемпион мира признался: его подвели нервы на финише. К этому можно добавить, что в течение всего матча Таля ужасно подводила его любимая королевская пешка. Сколько гроссмейстеров самого высокого класса дрогнуло, когда М. Таль начинал игру ходом 1. e4! Поэтому и не удивительно, что в ответственнейшем матче с Б. Спасским экс-чемпион мира пять раз пользовался своим самым опасным оружием. Но ничего не получилось. Другой на месте Таля, возможно, давно бы обиделся на королевскую пешку. Но экс-чемпион мира, как зачарованный, и в этой последней партии все еще возвращается к своей первой любви, надеясь на взаимность. Но и в шестой раз королевская пешка его огорчила, на этот раз окончательно.

... e7—e5

Если Б. Спасский в пяти встречах с успехом применил этот ход, то с его стороны было бы неблагодарно и нелогично под занавес изменить репертуар.

2. Kg1—f3 Kb8—c6
3. Cf1—b5 ...

Творческое упрямство Таля во всех шести партиях к добру не привело, наоборот: три ничьи и три (!) поражения, такой поистине сенсационный результат «белого» Таля.

3... a7—a6
4. Cb5—a4 Kg8—f6
5. 0—0 Cf8—e7
6. Лf1—e1 b7—b5
7. Ca4—b3 0—0
8. h2—h3 ...

После окончания матча очень много говорилось и писалось о большой дружбе между Б. Спасским и М. Талем. Однажды, когда Спасский поднял тост за здоровье своего соперника, М. Таль шутливо бросил реплику: «Если ты меня так любишь, то почему же три раза применил атаку Маршалла?»

Слово «атака» звучит агрессивно. Исходя из старого правила, что «лучшая защита — атака», Спасский во время подготовки к матчу с Талем решил применить «атаку Маршалла». Благодаря этому Спасскому удалось выбить главный козырь у экс-чемпиона мира. Во всех трех партиях, в которых Спасский применил «атаку Маршалла», он добился ничьей. Поскольку ничья в 11-й партии не устраивала Таля, он ходом в тексте избегает «атаки Маршалла», которая, как известно, получается после 8. c3 d5.

8... Cc8—b7
9. d2—d3 d7—d6
10. c2—c3 Kc6—b8
11. Kb1—d2 Kb8—d7
12. Kd2—f1 Kd7—c5
13. Cb3—c2 Лf8—e8
14. Kf1—g3 Ce7—f8
15. b2—b4 Kc5—d7
16. Cc2—b3 ...

Подобная позиция уже встречалась в практике, и хорошо известно, что после 16. d4 у белых лучшая игра. Но по положению в матче Таля не устраивает «игра с некоторым преимуществом». Таля в этой партии устраивает только пожар королевского фланга черных...

Чем в шахматной практике часто кончаются подобные акты агрессии, хорошо известно: нападающий сам сгорает.

16... a6—a5!

В этот момент я вспомнил слова тренера Таля — А. Кобленца, сказанные им перед началом 11-й партии: «Миша будет играть ва-банк!» Спасскому, конечно, это заявление не было известно, но он прекрасно понимал все подспудное психологическое напряжение этой партии и своим ходом как бы говорит: «Я не буду пассивно ждать развития событий».

17. a2—a3 ...

Приходится терять темп, ибо 17. Kg5 был бы холостым выстрелом из-за 17... d5 18. ed a4.

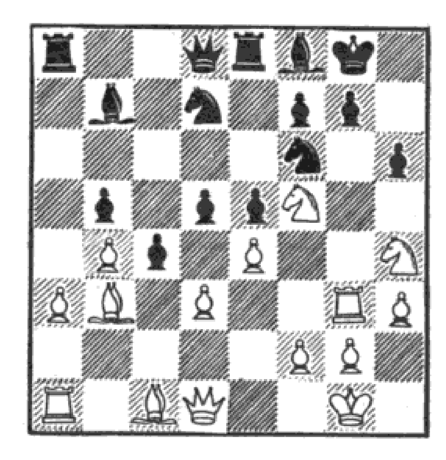
17... a5 : b4
18. c3 : b4 h7—h6
19. Kg3—f5 ...

Нормальное продолжение было 19. d4. Но напоминаю читателям, что эта партия игралась при чрезвычайных обстоятельствах.

19... d6—d5
20. Kf3—h4 ...

Таль смотрит только на одну сторону шахматной доски — на королевский фланг. Но хорошо известно, что в шахматах действует железный закон: при необеспеченном центре фланговая атака не имеет шансов на успех. На что же рассчитывает Таль? Он же знает, как действует этот железный закон. А рассчитывает он на то, что нервы Спасского могут не выдержать чудовищного напряжения.

20... c7—c5
21. Лe1—e3 c5—c4
22. Лe3—g3 ...

Трудно передать словами то, что в этот вечер, особенно после этого хода, творилось и в переполненном театре и на проспекте Руставели. Зал бушевал, как море, хотя зрители и говорили шепотом. То и дело вспыхивала световая сигнализация «Соблюдайте тишину!». Зрителям казалось, что наконец-то Таль создал «свою позицию», что в матче «еще не вечер».

Даже невозмутимый, хладнокровный Борис Спасский не мог скрыть своего волнения. Большими, нервными шагами мерил он сцену. Еще бы! В семи отборочных этапах эта встреча являлась 98-й. Будет ли она последней, или Спасский

в последний момент споткнется? Это не могло не волновать Бориса. Честно говоря, мне его было очень жаль. Несколько раз я чуть-чуть не обратился к нему со словами: «Боря, не волнуйтесь так сильно»,— но главный арбитр не отец и не дядя, арбитр обязан молчать.

Борис Спасский после игры признался в том, что в этой позиции он себя чувствовал весьма неуютно. «Мне казалось, что Миша должен меня разгромить, хоть я и не видел точно, где». Полагаю, что эти опасения Бориса Спасского были вызваны его нервной лихорадкой. Анализ самих претендентов и других гроссмейстеров не установил, как Таль мог усилить свою рискованную атаку.

22... Крg8—h7

Над своим ходом Спасский продумал не более пяти секунд. Он поверил Талю на честное слово, что слона на b3 брать нельзя.

23. Cb3—c2 d5—d4!

Жизнь заставляет Спасского вести оборону аккуратно. Ход в тексте обязателен. Он выключает из игры слона на c2.

24. Фd1—f3 ...

Включает в атаку еще ферзя — главную фигуру. «Неужели здесь не получится мат?» — надеялись поклонники Таля. Но нет, мат не мог получиться, ибо защита Спасского на высоте. Его защитные ресурсы более чем достаточны для того, чтобы отразить угрозы Таля. Беда белых в том, что они никак не могут перебросить на фронт ладью ферзевого фланга и своих слонов.

Возможно, что белые уже здесь должны были пожертвовать коня на h6. Но экс-чемпион мира после партии объяснил, что он не видел продолжения атаки после 24. К:h6 gh 25. Кf5 Ла6 26. С:h6 С:h6 27. К:h6 Кр:h6 28. Фd2+ Крh7 29. Фg5 Кg4! Именно так имел в виду продолжать Спасский при этом варианте. Это выяснилось при анализе партии.

24... Ла8—а6!

Ход в тексте надежно защищает критические поля g6 и h6, на которые нацелены фигуры белых. Надежды Таля не сбылись: Спасский сохранил спокойствие и выдержку.

25. Кf5:h6 ...

Жертвой фигуры экс-чемпион мира предпринимает последнюю попытку расшатать королевский фланг черных. И снова Спасский успел предпринять все контрмеры.

... g7:h6
26. Кh4—f5 Фd8—а8!

Еще один отличный ход Спасского, который произвел сильное впечатление не только в зрительном зале, но и на сцене на Таля. Картина резко изменилась: Б. Спасский заметно успокоился, ибо он увидел, что, во всяком случае, не проигрывает. Внешне спокоен был и М. Таль. Ну что же, он не подвел своих многочисленных поклонников, обещав им: «Если уж проиграю, то с музыкой!»

27. Кf5:h6 Сf8:h6
28. Фf3—f5+ Крh7—h8
29. Сс1:h6 Ле8—g8
30. Сh6—g5 Фа8—е8

Не давая белым никаких шансов.

31. f2—f4 Кf6—h7
32. Сg5—h4 Лg8:g3
33. Сh4:g3 Ла6—f6
34. Фf5—g4 Лf6—g6
35. Фg4—h4 е5:f4
36. Фh4:f4 f7—f6

Контрнаступление Спасский ведет с сокрушительной силой. От атаки белых остались одни руины...

37. Сg3—f2 с4:d3
38. Сс2:d3 Кd7—е5
39. Сd3—f1 Кh7—g5
40. Крg1—h1 Кg5:е4
41. Ла1—с1 Ке4:f2+

Этот ход записал Спасский, но в момент, когда судья собирался заклеить конверт, Таль попросил:

— Постойте минуточку.— И, обращаясь к Спасскому, экс-чемпион мира сказал:— Боря, тут, пожалуй, у меня шансов на выигрыш нет. Я сдаюсь и поздравляю тебя с победой!..

В качестве главного арбитра матча я известил публику:

— Только что шахматному миру стало известно имя претендента — Борис Спасский!

ЖРЕБИЙ БРОШЕН!

Золотая богиня — приз за победу на чемпионате мира по футболу — прибыла из Бразилии в Англию и ждет там своей судьбы. 16 претендентов тоже определились и готовы вступить в борьбу. В Лондоне 6 января на заседании организационного комитета по проведению чемпионата мира состоялась жеребьевка. На снимке, присланном нам агентством ЮПИ, вы видите, как распределились команды по четырем группам.

Старт дан!

Герои матча: Руар Грёнволд, Фред Антон Майер, Валерий Каплан, Пер Вилли Гуттормсен и Борис Гуляев.

Пер Ивар Му и Антс Антсон отдыхают в раздевалке.

Фред Антон Майер победил на десятикилометровой трассе.

ПРЕМЬЕРА БЫЛА УДАЧНОЙ

Фото А. БОЧИНИНА.

Пер Ивар Му и Эдуард Матусевич прошлой зимой поделили между собой главные лавры: норвежец стал чемпионом мира, советский скороход — чемпионом Европы. И вот снова встретились сильнейшие конькобежцы, на сей раз в преддверии нового сезона. Считанные недели остались до решающих стартов, и поэтому традиционный матч скороходов Норвегия — СССР вызвал особенно большой интерес. Москва на два январских дня стала конькобежной столицей.

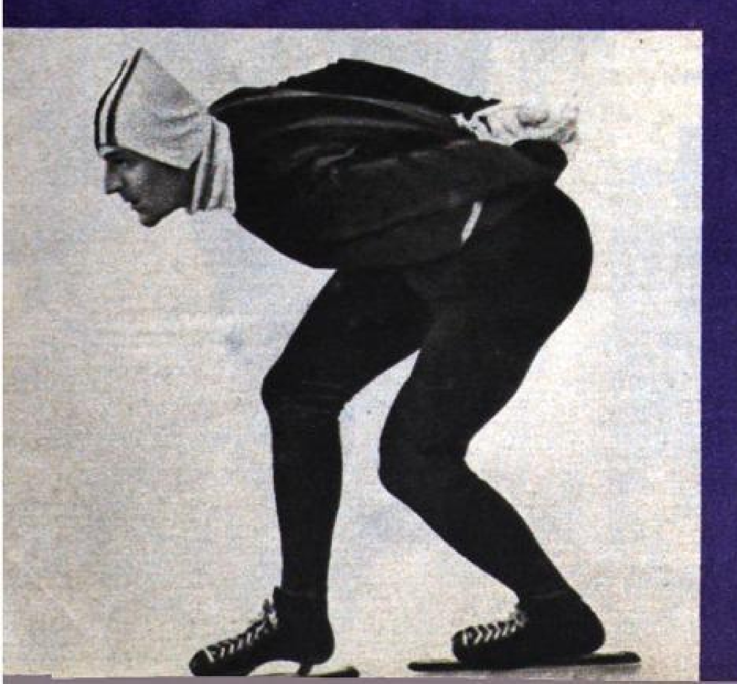
...Теперь встреча двух лучших команд мира позади. Матч закончился победой советских скороходов, но всех интересовал не только официальный исход борьбы. Пожалуй, еще больший интерес представляло «нелегальное» личное первенство в многоборье (по условиям матча призы разыгрываются только на отдельных дистанциях). А результаты личного первенства в сумме четырех дистанций оказались совершенно неожиданными. Лучшую сумму очков набрали не чемпионы мира и Европы и не главный фаворит норвежцев зимы 1966 года Фред Антон Майер, а двадцатидвухлетний советский спортсмен Валерий Каплан.

Результаты, показанные Валерием Капланом, удивительные. Ему принадлежит лучший результат на дистанции 1 500 метров — 2 минуты 14,7 секунды, третье место на 500 метров и второе на 10 тысяч метров. Такое гармоническое сочетание высоких спринтерских и стайерских качеств выдвигает Каплана в ряды главных претендентов на мировую и европейскую корону. Фред Антон Майер показал лучшие результаты на 5 тысяч и 10 тысяч метров, но в сумме многоборья занял только третье место (второй результат показал Антс Антсон).

Все это очень радостно. Премьера была действительно удачной, но не следует забывать, что двухактная ледовая эпопея еще впереди и многие действующие лица этой эпопеи не вошли еще в свою лучшую форму. Так, Пер Ивар Му перед началом матча предупредил, что подойдет к своей лучшей форме только через две недели.

В. КАТИН

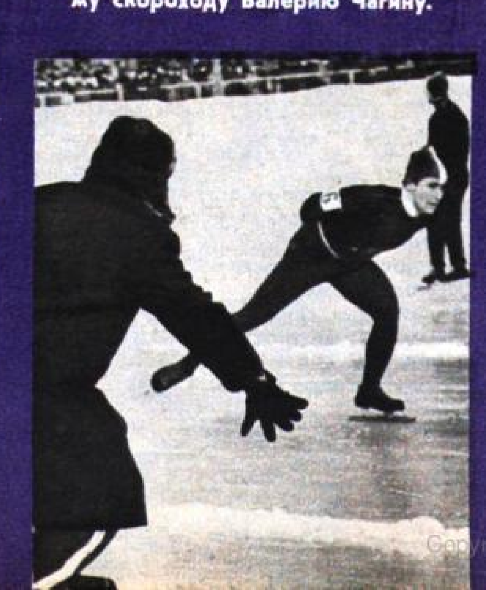
Валерий Каплан и Магне Томассен на дистанции 1 500 метров.

Норвежские ребятишки на стадионе «Динамо».

Тренер сборной команды Константин Кудрявцев сообщает время молодому скороходу Валерию Чагину.

Михаил КУДИНОВ

ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Некогда

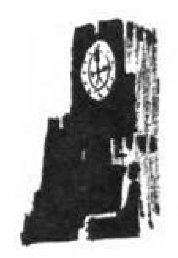
Говорило небо:
«Посмотри мне в глаза.
Они такие синие,
Мои
Глаза!»
«Некогда смотреть мне
В твои
Глаза.
Я, как видишь, занят»,—
Он сухо сказал.

Говорили птицы:
«Послушай нас.
Он такой занятный,
Наш бессвязный
Рассказ!»
«Некогда мне! Некогда!—
Он птицам сказал.—
Видите? Я занят,
И мне не до вас».

Каждою минутой
Он привык дорожить.
Было ему некогда
По лесу кружить,
И слушать птиц некогда,
И небо видеть некогда,
И жизнь любить некогда,
И некогда жить.

Потерянное время

Шли и напевали:
«Ай, люшеньки-люли,
Мы время потеряли,
А нам его вернули.
Мы время не искали.
А нам его — на блюде,
Вот и веселимся мы,
Добрые люди».
И они
В самом деле
Веселились, как умели,
И в начале праздника
И в конце недели;
И, забыв свои печали,
Они песни играли
И не замечали,
Как время теряли.
Пировали — теряли,
Горевали — теряли,
Но своих потерь они
Никогда не считали.
И бегущему времени
Говорили вслед:
«Может быть, ты потеряно.
А может быть... нет».

Остановись, мгновенье!

«Остановись, мгновенье! Ты
прекрасно!..»
Воскликнуть так не каждому дано.
Но и тогда, когда оно ужасно,
Его не остановишь все равно.

Уходят силы. Под глазами тени.
Отмерен нам такой недолгий век!
Какое бы ты ни было, мгновенье,
Остановись... Или замедли бег.

Поэзия

Где можно поэзию встретить?
В полях и в лесах...
В степи,
И в ночных городах,
И у берега моря,
В укромных, глухих уголках,
На открытом просторе,
И даже,
Хотя это редко бывает,
В стихах.

Как известно, аэрофлот — самый удобный, надежный и быстрый транспорт.

Вот уже сутки я сижу в Иркутском аэропорту. Впрочем, сижу — не то слово. Сесть некуда. Те счастливцы, которым в свое время удалось занять стулья, не встают даже тогда, когда объявляют их вылет.

Поэтому я хожу. И по всем помещениям аэропорта сонно бродят сотни людей.

Вы знаете, как это бывает...

Сначала был «закрыт» Новосибирск. Потом Новосибирск «открылся», но зато «закрылся» Иркутск. Наконец «открылись» оба порта, и долгожданный воздушный лайнер опустился на землю. Однако все сто мест в нем уже были заняты. Прошло еще два часа. Приземлился другой лайнер — все сто мест в нем были свободны. Но к этому времени Новосибирск «закрылся». Ничего не поделаешь: нет погоды...

Мне предстояло преодолеть лишь один перегон: Иркутск — Новосибирск. Другим пассажирам — несколько перегонов. Можно представить себе, как увеличивалось в связи с этим количество неблагоприятных сочетаний... Вот почему, мягко говоря, я не чувствовал себя одиноким.

И вот тут, видимо, для того, чтобы немного развлечь пассажиров, администрация устроила грандиозное представление.

В вестибюле аэропорта шесть пар дверей. Три пары с одной стороны, обращенной к полю, три — с другой стороны, где выход в город. Две пары — обыкновенные, легкие, приятные вертушки. Толкнешь слегка дверь — она распахнется, затем плавно закроется за тобой. Четыре других пары дверей, как в метро, раздвижные. Больше того, автоматические. Они действуют безо всякого вмешательства человека. Подойдешь к дверям — они автоматически раздвинутся перед тобой. А затем, по идее, автоматически же задвинутся.

Много раз бывал я в Иркутске — автоматические двери всегда были на замке.

И вот сейчас они заработали!

Повторяю, это было грандиозное зрелище.

Когда пассажир приближался к двери, раздавалось громкое шипение. Затем створки в алюминиевых каркасах начинали со стуком вибрировать. Далее следовал дикий скрежет, двери распахивались, с силой ударяя в косяки.

Перепуганный пассажир, естественно, отступал, и тогда дверь автоматически закрывалась.

Люди направлялись к вертушкам. Чтобы пресечь подобное неуважение к технике, администрация забаррикадировала вертушки урнами. Теперь остался один выход: через автоматы!

Но тут возникли новые трудности.

Каждая пара дверей могла либо впускать пассажиров в помещение, либо выпускать. И если с одной стороны несознательные граждане топтались на месте, не решаясь довериться чудовищу, услужливо распахнувшему пасть, то с другой стороны в те же двери тщетно прорывались другие граждане.

К счастью, вскоре на автоматические двери снова повесили замки, а урны, заслонявшие вертушки, убрали. Очевидно, смелый эксперимент нуждался в доработке.

Нет, не стоит создавать технику ради техники! Конечно, можно сделать и такой велосипед, который будет ездить без велосипедиста, но кому же он нужен? Зевая и расхаживая из угла в угол, пассажиры думали о другой технике, которая гораздо больше необходима

КОМАНДА МАЙОРОВЫХ

Первенство мира по хоккею среди медвежьих команд не разыгрывается. Если бы такие состязания проводились, чемпионом наверняка стала бы команда молодого тренера-дрессировщика Анатолия Майорова. Нет, он не родственник знаменитым хоккейным мастерам братьям Майоровым, однако, как выражаются спортивные комментаторы, свою команду подготовил отлично во всех отношениях — и тактически и технически.

Наш фотокорреспондент А. Бочинин ведет репортаж с матча первой и второй сборных команд Майоровых.

Перед матчем надо хорошо подготовить площадку. Лед должен быть зеркально гладким.

аэрофлоту. Почему бы не поставить, например, в зале ожидания лишний десяток стульев?

Скрежещущая, а затем закрывающаяся дверь Иркутского аэровокзала — какой-то грустный символ.

Пассажир купил авиационный билет — и перед ним распахнулись двери в небо. Ему улыбаются стюардессы, к его услугам лучшие в мире корабли.

Но беда пассажиру, если дверь в небо закрыта!

Витая в облаках (точнее, над облаками), работники аэрофлота часто забывают о грешной земле.

Челябинский аэровокзал. Нелетная погода. Плотное кольцо измученных людей окружило справочное бюро. Девушка в справочном измучена не меньше. Вопросы одновременно несутся со всех сторон:

— Как там Москва?

— Свердловск принимает?

— Москва закрыта. Свердловск закрыт.

Девушка улыбается. Она рада, когда закрывается порт. Ей проще дать ответ. Легче работать...

Долго и нудно звонит телефон. Наконец, девушка снимает трубку.

— Вы что там, спите? — негодует голос в трубке.

Девушка не спит. Но она явно не может справиться с такой нагрузкой. Нервничает сама, нервирует пассажиров. И никому не приходит в голову дать ей помощницу.

Мой самолет тоже не летит. Пробившись к диспетчеру по транзиту, получаю бумажку в гостиницу. Как будто есть инструкция: пассажиров, застрявших в пути по вине аэрофлота, обслуживать бесплатно. Может, есть инструкция, а может, и нет ее. Плачу два с полтиной и не спорю: мест в гостинице меньше, чем желающих. В гостинице получаю кровать в трехместном номере. Ложусь. Часа через два приходит дежурная.

— Ваш рейс...

Бегу в зал. Рейс действительно объявили. Но корабль прилетел, покружился и улетел обратно. Не смог сесть. Возвращаюсь в гостиницу. На моей кровати храпит усатый дядька. И денег мне, конечно, не возвращают. Плакали два с полтиной!

Еще один аэровокзал. Город Братск. Мне крупно повезло: по трассе Иркутск — Братск только что стал летать «АН-10». Два рейса в сутки этого гиганта заменили пять рейсов «ИЛ-14».

Однако радовался я недолго. До той поры, пока не прилетел в Братск. Самолет-то пустили новый, аэровокзал же остался старый: новый не успели построить. Конечно, маленький барак мог без труда вместить пассажиров «ИЛ-14». Но приютить лавину людей, хлынувшую из недр воздушного гиганта, было явно выше его возможностей. То, что испытывал при этом пассажир, я могу выразить только математически. Это сумма страданий пассажиров Челябинска и Иркутска, умноженная на дробь, числитель которой — площадь Иркутского (или Челябинского) аэровокзала, а знаменатель — площадь Братского.

Впрочем, не нужно думать, что о пассажирах вообще нигде не заботятся. Как же, заботятся. Работники одного сибирского аэропорта построили, например, пятиэтажную гостиницу. А потом решили позаботиться о пассажирах еще побольше. Первый этаж гостиницы закрыли и сделали там кинотеатр. Неплохо! Теперь пассажиры ходят спать в кино.

Пожалуй, мораль здесь не нужна. Если театр начинается с вешалки, то аэрофлот должен начинаться с аэровокзалов. Ведь именно здесь двери в небо!

Конечно, аэрофлот не сберкасса. Нельзя еще требовать, чтобы во всех случаях жизни он был выгоден: погода есть погода. Но удобен аэрофлот должен быть всегда.

Челябинск — Иркутск — Братск — Иркутск — Новосибирск.

Шайба в игре, и тут же недозволенный прием. Один из соперников ударил другого клюшкой по лапе. Конечно, последовал свисток судьи.

Сначала легкая разминка...

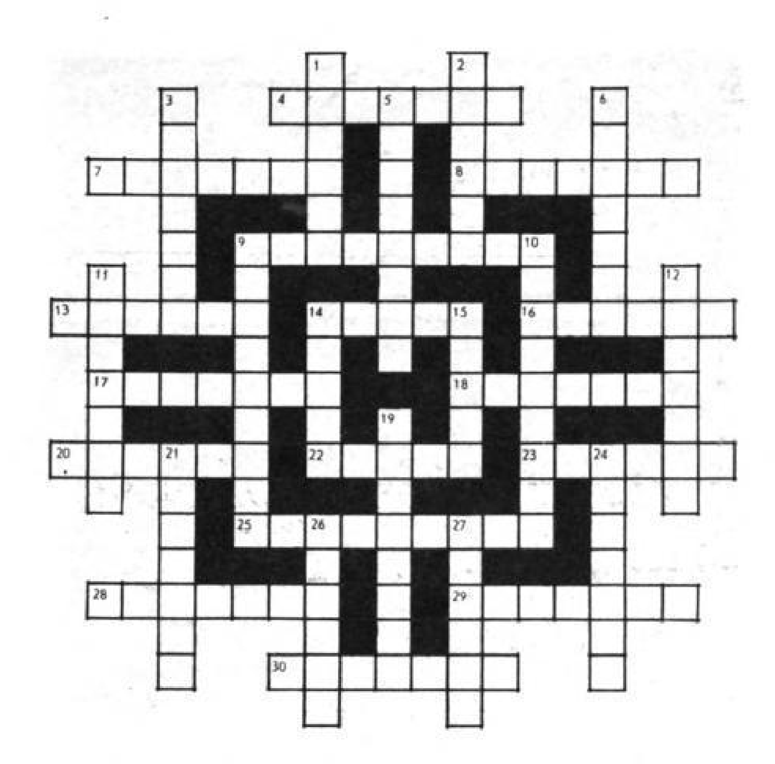
Чтобы зрители не очень скучали, в перерыве между периодами звучит легкая музыка.

В день матча на улице шел снег пополам с дождем, поэтому некоторые зрители явились на матч с зонтиками.

В пылу борьбы всякое бывает. Это отнюдь не худший случай,— можно и вообще клюшку потерять.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Кондитерское изделие. 7. Стол для обработки дерева, металла. 8. Геометрическая фигура. 9. Город в Великобритании. 13. Работник театра. 14. Водное растение. 16. Советский летчик. 17. Южное дерево. 18. Русский и украинский филолог. 20. Река в Красноярском крае. 22. Курорт на берегу Черного моря. 23. Рыба семейства сельдевых. 25. Русский терапевт. 28. Государство в Африке. 29. Народный поэт Дагестана. 30. Доставка багажа без перегрузок на промежуточных пунктах.

По вертикали:

1. Автор картины «Утро в сосновом лесу». 2. Медицинский инструмент. 3. Центр Алтайского края. 5. Разноцветные мелкие бумажные кружочки. 6. Украинский народный инструмент. 9. Озеро в Венесуэле. 10. Напевная декламация. 11. Созвездие южного полушария неба. 12. Повесть Н. В. Гоголя. 14. Хищное животное семейства куньих. 15. Название холмов в Забайкалье и на Дальнем Востоке. 19. Народный артист СССР. 21. Приток Аргуни. 24. Минерал синего цвета. 26. Южная зона арктического пояса земного шара. 27. Химический элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

7. Горельеф. 8. Сикейрос. 10. «Квартеронка». 11. Вихор. 13. Шквал. 15. Салерно. 17. Каучук. 18. Фрегат. 22. Косатка. 25. Томат. 27. Аванс. 28. Подосиновик. 29. Ветховен. 30. Норильск.

По вертикали:

1. Хоккеист. 2. Клевер. 3. Метрика. 4. Шикотан. 5. «Челкаш». 6. Косеканс. 9. Гейзер. 12. Ондатра. 14. Качалов. 15. Сачок. 16. Онега. 19. Кроншнеп. 20. Дарвин. 21. Линкруст. 23. Ортопед. 24. «Колобок». 26. Творог. 27. Анилин.

На первой странице обложки: Старые соперники. Каждая встреча хоккеистов Советского Союза и Канады — большое спортивное событие.

Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Русские кружева.

Фото Г. Макарова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. **Оформление Е. КАЗАКОВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10503. Подписано к печати 12/I 1966 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 4. Тираж 2 000 000. Изд. № 34.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Извините, братцы, жена зовет!.. Рисунок В. Жаринова.

Без лишних слов. Рисунок А. Грунина.

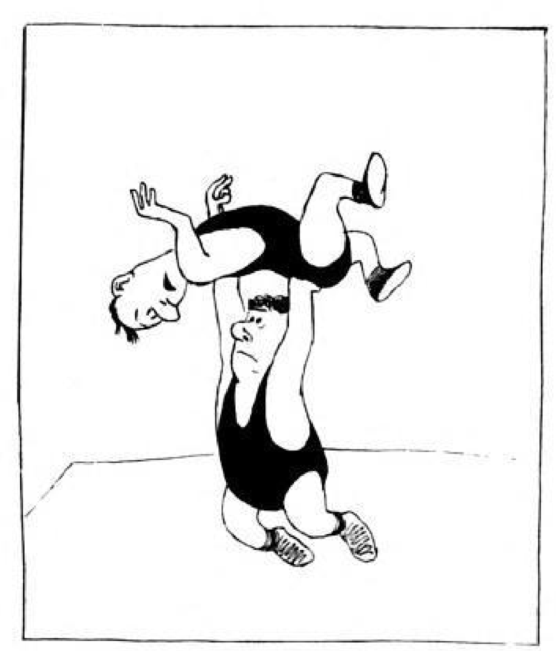
— Мы берем его на поруки.
Рисунок О. Корнева и Н. Станиловского.

— Дядя, вы баскетболист!
— Нет.
— Так зачем же вы такой высокий!
Рисунок Н. Елинсона.

— Ты меня сильно не бросай: у меня радикулит.
Рисунок А. Алешичева.

Охотничьи встречи.
Рисунок И. Сычева.

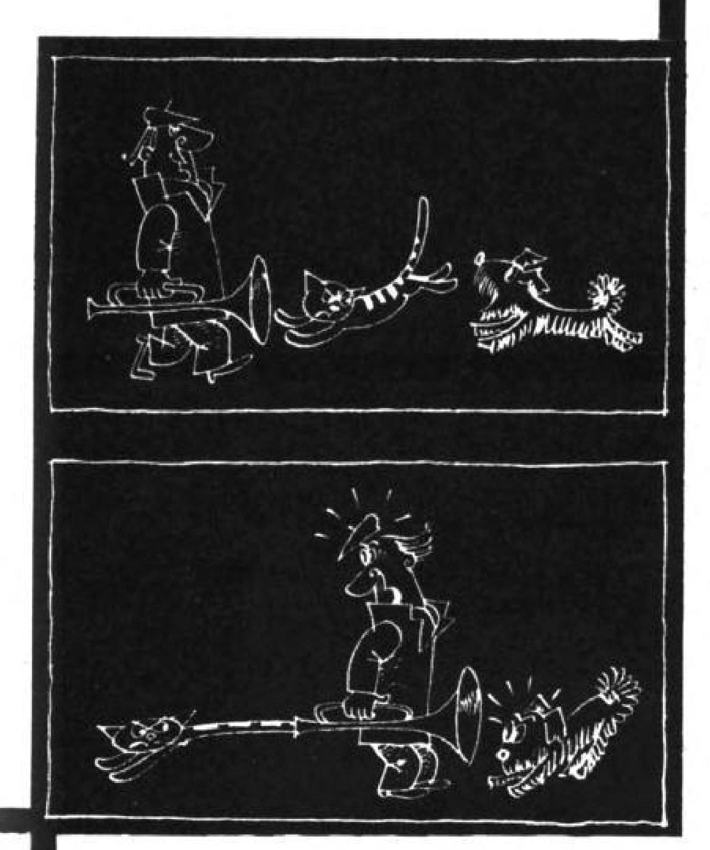
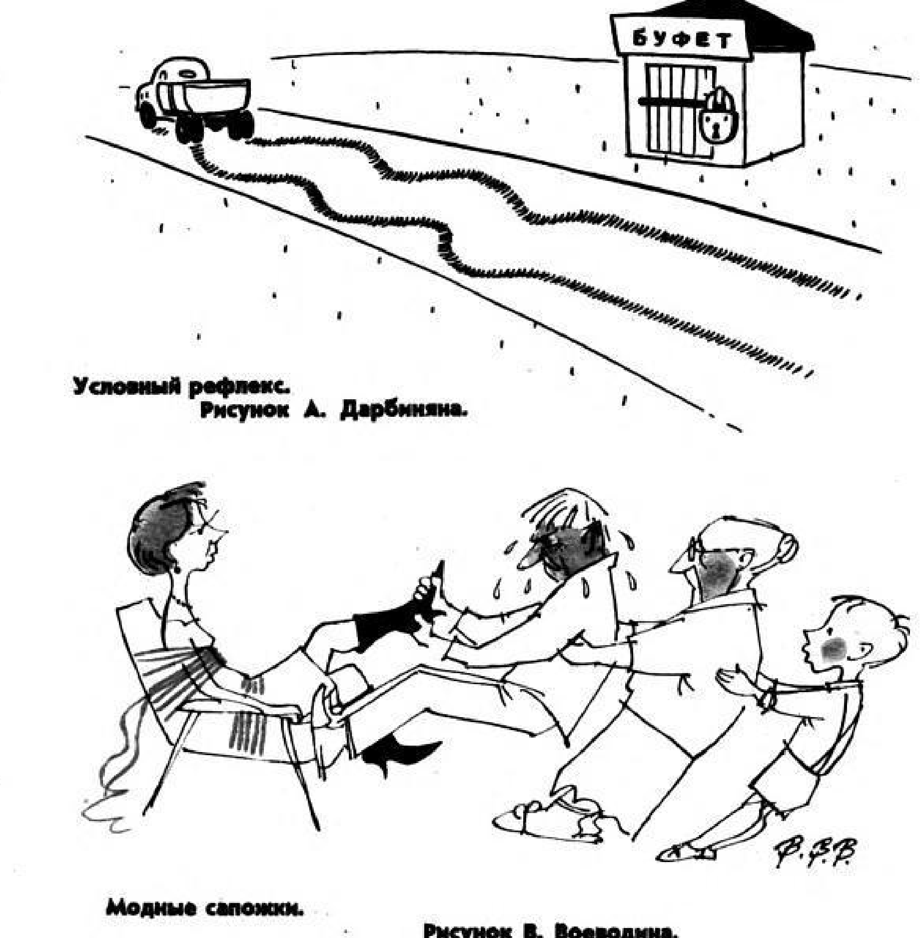

Рисунок Е. Пружанского.

— И когда уж они договорятся, как меня воспитывать!..
Рисунок В. Воеводина.

Условный рефлекс.
Рисунок А. Дарбиняна.

Модные сапожки.
Рисунок В. Воеводина.

— Танечка очень занята: у нее день рождения.
Рисунок Г. и В. Караваевых.

Сегодня вечер в управлении охраны природы.
Рисунок В. Воеводина.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663